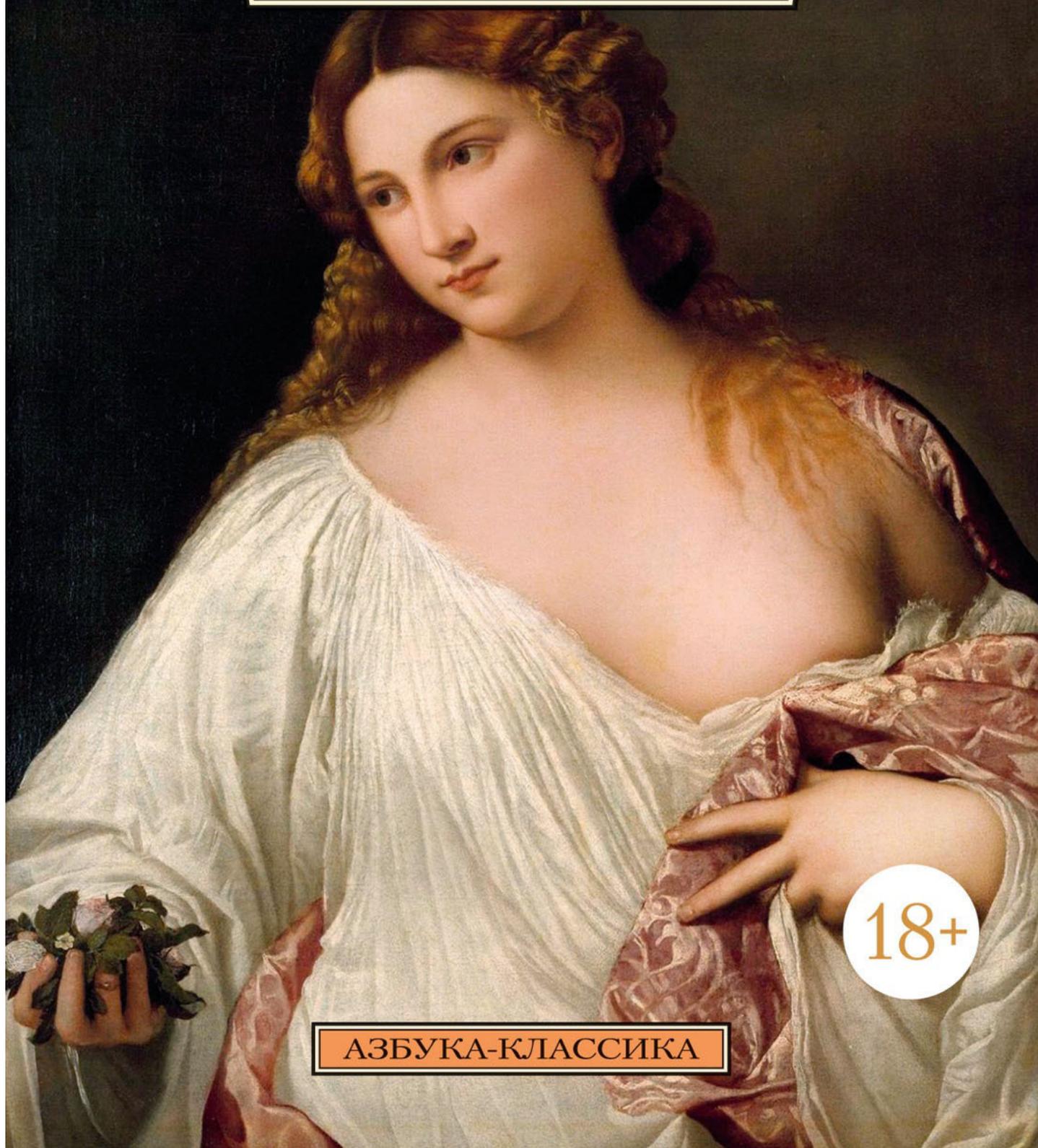

ПЬЕР ДЕ БУРДЕЙ
БРАНТОМ

*Галантные
дамы*

18+

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Пьер де Бурдей Брантом

Галантные дамы

«Азбука-Аттикус»

1665-1666

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Брантом П.

Галантные дамы / П. Брантом — «Азбука-Аттикус»,
1665-1666 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-24467-2

Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом (ок. 1540–1614) состоял на службе у французских королей, при дворе слыл волокитой и острословом, разъезжал по Европе, участвовал в Религиозных войнах, не нажил ни больших денег, ни высоких титулов, в старости остался одиноким, но история запомнила его – мемуариста, хроникера придворной жизни и одного из популярнейших писателей эпохи французского Возрождения. Среди его трудов – жизнеописания королей и полководцев Франции, но его самой известной книгой остаются «Галантные дамы». Порой язвительные, нередко юмористические, неизменно откровенные рассказы о жизни великосветских дам и кавалеров, которые увлеченно и легко отдаются страстям, анекдоты о безымянных, но известных и исследователям, и современникам исторических персонажах, колкие замечания о человеческой натуре, жизнерадостная и беспечная готовность наслаждаться, невзирая ни на что, – «Галантных дам» написал человек, глубоко постигший психологию амурных отношений, бескорыстный повеса и блистательный жизнелюб.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24467-2

© Брантом П., 1665-1666

© Азбука-Аттикус, 1665-1666

Содержание

Рассуждение первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пьер де Бурдей Брантом

Галантные дамы

Pierre de Bourdeilles Brantôme (ок. 1540–1614)
LES VIES DES DAMES GALANTES

Перевод с французского Ирины Волевич, Георгия Зингера
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой

© И. Я. Волевич, перевод, 1998

© Г. Р. Зингер, перевод, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Господину герцогу Алансонскому и Брабантскому, графу Фландрскому, сыну и брату наших королей

Монсеньор,

памятуй о том, как часто Вы оказывали мне при дворе честь, удостоивая доверительными беседами, полными метких острот и занятных побасенок, всегда столь уместных в Ваших устах, словно ум Ваш, широкий, изощренный и скорый на выдумку, мгновенно рождал их к случаю, облекая затем в блестящую форму, я принялся за писание сих рассуждений, в меру моего умения и усердия, дабы хоть некоторые из них, придясь Вам по душе, позволили приятно провести время, напоминая о скромном придворном, коего отметили Вы своим вниманием.

Итак, Вам посвящаю я, Монсеньор, сию книгу, с нижайшей просьбою освятить ее Вашим именем и титулом в ожидании того, когда я завершу более серьезные труды. Я почти уже закончил один из них, посвященный жизнеописанию шести величайших принцев и воинов, коих знает ныне христианский мир, а именно: брата Вашего, короля Генриха III, Вашего Высочества, зятя Вашего, короля Наваррского, Монсеньора де Гиза, Монсеньора дю Мэна и Монсеньора принца Пармского; там перечисляю я ваши высокие достоинства, заслуги, подвиги и победы, и пусть судят мой труд те, кто превосходит меня в писательском искусстве.

А пока что, Монсеньор, я молю Господа приумножить величие, процветание и благорасположение Вашего Высочества, коего я навечно являюсь покорнейшим, нижайшим и преданнейшим слугою и подданным по имени

Де Бурдей

Я посвятил сию вторую «Книгу о Женщинах» вышеназванному мною сеньору Алансонскому еще при жизни его, памятуя о его любви и милостивом ко мне расположении, доверительных беседах и внимании, с коим выслушивал он мои забавные истории; ныне же, когда его священные благородные останки покоятся в королевской усыпальнице, я не намерен изменять свое посвящение и отнесу его, увы, к царственному праху и благословенной душе, чьи высокие достоинства, подвигнувшие его при жизни на славные дела, восхваляю вместе с добродетелями других великих принцев и военачальников, к числу коих он принадлежал, даром что почил в бозе столь молодым.

Засим довольно рассуждать о вещах серьезных, пора обратиться к веселым.

Рассуждение первое *О дамах, что занимаются любовью, и об их рогатых мужьях*

Даром что именно женщины придумали супружескую измену и с тех пор украшают мужчин рогами, я положил непременно поместить сие рассуждение в книгу дам, хотя говорить намерен равно и о женщинах и о мужчинах. Отлично разумею, что подвиг себя на великий и тяжкий труд, коему не суждено узнать завершения, ибо всего запаса бумаги парижской Счетной палаты недостало бы и на половину историй о дамах и кавалерах. И однако, я запишу все, что знаю и смогу, а когда перо выпадет из моих ослабевших рук, уступлю его дьяволу либо какому-нибудь доброму приятелю, который и продолжит мои писания, снисходительно извинив неразбериху, в них царящую; да и откуда взяться порядку, ежели кавалеров и дам, любви приверженных, развелось столь великое множество, а дела их столь многообразны и запутанны, что, по моему разумению, даже самому бывалому военачальнику не разобраться в них и не выстроить должным образом по ранжиру.

Итак, следуя единственно моей фантазии и прихоти, стану писать как бог на душу положит, начавши тотчас, безотлагательно, в месяце апреле, самом щедром и благоположенном для размножения рогачей, и именно их, ибо для всякой другой живности хороши и все остальные месяцы и времена года.

Следует сказать, что среди рогачей встречается великое множество всяческих видов, однако худшие из них, коих дамы боятся пуще всего на свете, и не без причины, – это те безумные, опасные, злобные, хитрые, жестокие, безжалостные и мрачные мужья, которые бьют, мучают и убивают жен – одни за дело, другие за безделицу, – ибо малейшее подозрение ввергает их в бешеную ярость; с такими лучше вовсе не ссориться ни женам их, ни жениным кавалерам. Однако же знавал я некоторых дам и воздыхателей, коих мужнино бешенство нимало не заботило, поскольку сами они были под стать, – особливо дамы, отличавшиеся такою дерзостью, что коли не хватало ее кавалеру, он вверялся своей защитнице, рассуждая при этом так: она, мол, ввергла его в это дело, опасное и двусмысленное, кому же, как не ей, выказывать теперь храбрость и великодушие. Но знавал я и других дам, не наделенных от природы ни отважным сердцем, ни благородным нравом, а лишь знай себе услаждавшихся низкою похотью; недаром же говорят: «Низкая душа – шлюхе хороша!»

Знавал я одну благородную даму из знатного рода, которая пользовалась всяким удобным случаем, дабы насладиться любовью со своим милым дружком; как-то он поопасался, что муж, находившийся невдалеке, застанет их врасплох; тотчас она с презрением бросила трусливого любовника, ибо знайте: коли влюбленной женщине приходит желание и пылкая нужда возлечь с другом, а тот, боясь всяческих препятствий, не сможет либо не захочет ее убогословить, кончено дело – она возненавидит его хуже злейшего врага.

Надобно восхвалить эту даму за ее бесстрашие, да и других, ей подобных, также, ибо они ни перед чем не остановятся, лишь бы усладиться любовью, хотя притом подвергаются величайшим опасностям, куда большим, нежели какой-нибудь солдат в бою или матрос в бурном море.

Одна испанская дама, будучи приведена воздыхателем своим в королевский дворец, проходила с ним вместе мимо затененной укромной ниши; кавалер, преисполненный почтения ко всем известной испанской добродетели, промолвил: «*Senora, buen lugar, si no fuera vuessa merced*» (Вот удобный уголок, коли на вашем месте была бы другая). На что дама, ничтоже сумняшеся, отвечала: «*Si, buen lugar, si no fuera vuessa merced*» (Да, уголок удобный, коли на вашем месте был бы другой). Тем самым укорила она кавалера в робости, помешавшей ему

взять у дамы в столь подходящем месте то, что он хотел, а она горячо желала отдать ему; другой, более дерзкий, не упустил бы столь благоприятного случая; вот отчего вся любовь у дамы прошла и она решительно отвергла незадачливого своего друга.

Мне довелось услышать историю об одной даме, весьма пригожей и досточтимой, которая дала согласие своему другу разделить с ним ложе, но только при условии, что он ее пальцем не коснется и не принудит к объятиям, каковое желание тот и исполнил, промаявшись всю ночь напролет жестоким соблазном; дама осталась столь довольна сей покорностью, что в скором времени одарила его любовным наслаждением, сказавши, что хотела прежде испытать, крепка ли его любовь и будет ли он послушен ее приказам. И за это возлюбила она своего друга еще горячее прежнего и дала ему полную свободу делать с нею все, что пожелается, ибо он доказал ей свою истинную и преданную любовь, а что может быть вернее и благороднее?!

Одни похвалят эдакую покорность или робость (называйте как хотите), другие нет: сие зависит от нрава и расположения духа той или иной стороны.

Знавал я одну весьма высокородную даму, что согласилась провести ночь со своим другом, который, для ускорения дела, явился к ней в одной рубашке, дабы немедля приступить к главному; стояла, однако, холодная зима, и любовник наш до того продрог, что, ложась в постель, мечтал лишь об одном – как бы согреться, и ни на что путное оказался не годен; дама люто возненавидела его и прогнала от себя прочь.

Другая дама сговаривалась с неким дворянином о любовном свидании, и тот в разговоре похвастался ей, что за ночь одолеет не менее шести перегонов – настолько, мол, его взбудрила ее красота. «Уж не хвастаете ли вы понапрасну? – смеялась дама. – Поглядим-ка, сколько вы наработаете за одну ночь!» Кавалера насмешки не смутили, и он не преминул явиться на свидание, однако же, к его несчастью, в постели напали на него такие судороги и робость, что он и одного перегона не осилил; дама, видя такое бедствие, сказала: «А не заняться ли вам чем-нибудь иным? Освободите-ка мою постель, здесь вам не гостиница, ишь развалился да полезивает, для того ли вас сюда звали? Убирайтесь прочь!» И выгнала кавалера из дому, а потом долго еще насмеялась над ним, ненавидя хуже чумного.

Конечно, дворянин этот был бы куда счастливее, походи он здоровьем и сложением на протонотария Баро, главного архивариуса и капеллана короля Франциска; этот самый Баро, ложась с какою-нибудь из придворных дам, одолевал не менее дюжины перегонов, да еще поутру извинялся пред нею за слабость, говоря так: «Простите великодушно мою немощь, мадам, лучше не могу, ибо принял вчера лекарство». С тех пор я частенько с ним виделся; его прозвали капитаном Баро или Гасконцем; он сложил с себя духовное звание; историю же эту сам рассказывал мне, приводя имена всех своих любовниц.

По достижении пожилого возраста мужская сила стала ему изменять; он обеднел, хотя во время оное заработал немало благ с помощью своего тарана, теперь же спустил все свое имущество и принужден был заняться перегонкою спиртов и эссенций, сетуя притом на злосчастную судьбу: «Ах, кабы я мог, словно в юные года, столь же удачно перегонять сперматическую эссенцию, дела бы мои пошли на лад и я бы благоденствовал, как прежде!»

Во времена Лиги один благородный, храбрый и отважный дворянин покинул родные места, где командовал крепостью, и отправился принять участие в сражении; на обратном пути он никак не успевал засветло в свой гарнизон, и пришлось ему заехать к знакомой даме, весьма пригожей, богатой и знатной вдове; хозяйка пригласила его заночевать у нее в доме, отчего он, будучи сильно утомлен, не отказался. Попотчевав гостя вкусным ужином, дама проводила его в свою спальню и предложила собственную кровать, поскольку, боясь превратностей войны, велела вынести из всех других комнат и припрятать в укромном месте красивую и весьма недешевую свою мебель. Сама же хозяйка удалилась к себе в туалетную, где стояла у ней узенькая кушетка для дневного отдыха.

Дворянин никак не соглашался лишиться даму ее спальни и постели, однако же в конце концов принужден был подчиниться уговорам хозяйки; улегшись, он тотчас забылся глубоким сном и не слышал, как дама вошла в спальню и преспокойно улеглась к нему под бок; так и проспал он всю ночь до самой зари, а там, продрвав глаза, узрел подле себя даму, которая, поднявшись с ложа, обратилась к нему со следующими словами: «Как видите, вы нынче почивали не в одиночестве, ибо, уступив вам свою постель, я все же оставила за собою половину ее. Прощайте, сударь, вы упустили прекрасный случай, который более вам не представится!»

Дворянин, проклиная свою незадачливость (а от такого невезения и впрямь хоть повесься!), попытался было удержать и улестить даму, но куда там! – разгневавшись на то, что он не убоготорил ее, как ей хотелось (а хотелось ей не одной схватки, недаром же говорится: «первая схватка – ни кисло, ни сладко!») и тогда, когда хотелось, а именно ночью, она так и не простила его; я знавал дам, которые поступили бы точно так же, но знаком и с другими, например с одной весьма пригожей и добропорядочной дамою, которая, позволив своему сердечному дружку возлечь с нею, выдержала три смелых его наскока; однако же, когда он вздумал продолжать, дабы закрепить начатое, решительно повелела ему встать с постели и оставить ее в покое. Он же, нимало не утомясь от троекратных объятий, опять предложил ей продлить любовную схватку, обещая невиданные подвиги в продолжение всей ночи до самого утра и клянясь, что от столь пустячного зачина сил у него ничуть не убавилось. Но дама на это возразила: «Будьте довольны тем, что уже показали мне свою прыть, и впрямь недюжинную; обещаю вам получше использовать ее в другое время и в другом месте; нынче же увлекаться не след: не дай бог, муж мой узнает об этом, тогда я пропала. Итак, распрощаемся до более подходящего и надежного случая, когда я смогу без боязни встретиться с вами не в мелкой стычке, но в открытом бою».

Многие дамы не стали бы рассуждать подобным образом, а, опьяненные наслаждением, задержали бы неприятеля в своем стане, коли уж он попался в плен, понудив сражаться с ними до самого рассвета.

Та досточтимая дама, которую описывал я ранее, отличалась столь пылким и необузданным нравом, что, когда ее охватывал любовный пыл, забывала про страх и боязнь пред мужем, хотя тот был скор на расправу и в гневе страшен; невзирая на это, ни она, ни любовник ее ни разу не попали впросак, ибо всегда заботились о надежной охране, каковою дамы пренебрегать отнюдь не должны, коли не хотят беды; так оно случилось недавно с одним храбрым и благородным дворянином, погибшим от руки мужа своей любовницы, когда он пришел к ней в дом, где ждала его засада: муж силой принудил жену вызвать храбреца на это свидание; заботясь тот больше о себе самом, он поостерегся бы и не пал жертвою предательского удара, найдя столь прискорбную смерть. Вот пример того, как опасно доверяться влюбленным женщинам, которые под угрозой мужниной расправы готовы по их приказу сыграть любую игру, как вышеописанная дама, что спасла свою жизнь, друга же погубила.

Бывают мужья, которые убивают вместе и жену и любовника ее; так, слышал я историю об одной весьма знатной красавице, чей муж оказался настолько ревнив, что из одной только этой ревности, без всяких доказательств, отправил жену свою на тот свет, подсыпав ей яду, а перед тем убил и друга ее, благородного человека, глумливо заявивши, что жертвоприношение выйдет прекраснее и занятнее, коли сперва убить быка, а за ним корову.

Сей принц обошелся более жестоко со своей супругою, нежели впоследствии с одною из своих дочерей, которую выдал замуж за знатного вельможу – правда, ниже себя родом, ибо сам он принадлежал к королевской семье.

Эта безрассудная женщина забеременела не от мужа, где-то в ту пору воевавшего, а от любовника; разрешившись от бремени красивым мальчиком, она в отчаянии обратилась за помощью не к кому-нибудь, а к отцу, послав к нему одного надежного дворянина, изложившего принцу все дело. Отец тут же запретил, под страхом смерти, дочкиному мужу посягать

на жизнь жены, иначе пусть, мол, пеняет на себя – несчастнее его не будет во всем христианском мире, уж он-то об этом позаботится. Дочери же принц прислал галеру с эскортом для охраны младенца и кормилицы, которым предоставил большой удобный дом и назначил щедрое содержание, приказав растить и воспитывать ребенка самым наилучшим образом. Но, увы, по смерти принца зять его все-таки уморил свою жену.

Слыхивал я и о другом таком муже, который повелел убить любовника прямо на глазах жены, желая ввергнуть ее в такую печаль, чтобы она умерла с горя, видя гибель того, кого еще недавно горячо любила и сжимала в объятиях.

Один всем известный дворянин убил жену свою прямо при дворе после того, как целых пятнадцать лет предоставлял ей полную свободу, будучи притом хорошо осведомлен обо всех похождениях, в коих не раз открыто уличал и упрекал ее. Однако ж в одно прекрасное утро выиграл в нем дух (поговаривают, будто не обошлось без наущения высокого его повелителя), и он, явившись в спальню к жене, переспав с нею, посмеявшись и пошутив, внезапно нанес ей четыре или пять ударов кинжалом и приказал слуге своему прикончить несчастную женщину; затем велел уложить ее на носилки и на глазах у всех доставил в дом родителей для похорон. Сам же вернулся в королевский дворец как ни в чем не бывало и даже весело похваляясь сим подвигом. Он был бы не прочь расправиться тем же манером и с жениными любовниками, но тут ему пришлось отступить: у супруги водилось их столько, что из этих мужчин составлялась целая маленькая армия, и ему жизни бы не хватило всех их перебить.

Слышал я, что один бравый и отважный военачальник, заподозрив в неверности свою жену, взятую из весьма добропорядочного дома, не мешкая явился к ней и задушил собственноручно ее же белым шарфом, вслед за чем устроил самые пышные похороны, где и показался с видом искренней скорби, облаченным в глубокий траур, который носил еще долгое время спустя; вот какая честь выпала бедняжке, удостоенной столь торжественной церемонии. И тем же манером поступил он с наперсницей своей жены, пособлявшей ей в любовных делишках. От супруги у него, однако ж, осталось потомство, а именно сын – нахрабрейший и достойнейший юноша, что достиг, благодаря заслугам своим пред отчизною и преданности королю, высоких должностей и отличий.

Слыхивал я еще об одном вельможе – этот жил в Италии, – он также умертвил свою жену, но упустил любовника ее, и тот успел удрать во Францию; говорили, правда, что он прикончил ее не столько за любовные прегрешения (ибо давно уже знал, чем она занимается, да она особо и не таилась), сколько желая избавиться, а после жениться на некоей даме, в которую был влюблен.

Вот отчего весьма опасно влезать в те ворота, у коих есть вооруженные защитники, хотя ворота эти при первом же наскоке радушно отворяются пред каждым пришлым; знавал я одни такие, где, сторожи не сторожи, все одно впустят любого. Жил-был однажды дворянин отважный и бравый, но, на беду, вздумавший похваляться подвигами своими по женской части; малое время спустя его убили втихую какие-то неизвестные злодеи в засаде, дама же его осталась в живых и долго еще пребывала в страхе и трепете пред мужем, тем паче что забрюхателя от любовника и опасалась, как бы после родов (которые хотела бы оттянуть на целый век!) с нею не поступили тем же манером; но муж оказался снисходительным, выказал милосердие, хотя шпагою владел преотлично, и простил неверной супруге, не попрекнув злым словом, благо что напугал до смерти всех бывших дружков ее, за коих ответил один лишь этот, последний. Вот отчего дама, растроганная добротою и терпимостью мужа, никогда уже не давала ему повода к подозрениям и с тех пор вела себя как нельзя более добродетельно и примерно.

Совсем иная участь постигла недавно в Неаполитанском королевстве донну Марию д'Авалос, одну из прекраснейших принцесс страны, бывшую замужем за принцем Венуесским; она влюбилась в графа Андриано, одного из красивейших кавалеров Италии, и, по взаимному согласию, сошлась с ним; муж, обнаружив эту связь (я мог бы рассказать каким образом, но не

хочу затягивать историю) и застав любовников в постели, приказал слугам своим умертвить их; на завтра все увидели красавицу и ее прекрасного возлюбленного распростертыми на мостовой у дверей дома; оба были мертвы и уже остыли; собравшаяся толпа жалела и оплакивала несчастных влюбленных.

Родители означенной убитой дамы горько скорбели о ней и так негодовали, что вознамерились отомстить за свершенное злодейство согласно обычаю той страны; однако, зная, что покончили с их дочерью безродные наемные слуги, недостойные обогреть руки столь благородной и прекрасной кровью, решили преследовать за сие преступление мужа либо по закону, либо иначе, поскольку он зарезал ее не собственноручно и вменить ему в вину было нечего.

Вот, по моему разумению, нелепый и странный закон, оценить который предоставляю я нашим опытейшим юристам-законооведам, дабы они разобрали, какое преступление следует считать более тяжким – убийство горячо любимой жены своею рукою или же рукою подлого наемника? По этой части я много чего мог бы сказать, однако лучше воздержусь от собственных суждений, полагая их слишком легковесными в сравнении с выводами сих ученейших мужей.

Рассказывали мне, будто вице-король, прознав о замыслах мужа, предупредил любовника, а может, и самое даму; однако же роковое предначертание судьбы все же, к прискорбию, свершилось.

Дама эта приходилась дочерью дону Карлосу д'Авалосу, младшему брату маркиза де Пескайре; вздумай этот последний поступить тем же манером с одною из своих любовниц, коих я знаю, он давным-давно уже лежал бы в могиле.

Знавал я одного мужа, который находился в длительной отлучке, а потому давно не спал с женою; наконец вернулся он как-то ночью домой, радостно предвкушая супружеские утехы, и тут-то слуга-соглядатай донес ему, что супруга в постели не одна, а с милым дружком; тотчас же выхватил он шпагу, заколотил в дверь и, почти взломав ее, бросился на жену в твердой решимости убить ее на месте; правда, сперва намеревался он прикончить любовника, да тот успел выскочить в окно. Делать нечего, приступил он к жене, а та, по случаю любовного свидания, столь дивно разукрасилась и прихорошилась, нарядилась в столь кокетливый чепец и нарядную ночную сорочку, что никогда еще супруг не видал ее более пригожей и соблазнительной; бросившись на колени пред мужем прямо в этом ночном одеянии, дама взмолилась к нему о прощении в весьма трогательных и нежных словах (которые всегда умела найти к случаю), и он, отбросив шпагу, поднял изменницу, а поскольку давно уж не имел с нею дела и изголодался (да и жене, с ее пылкой натурою, возможно, также пришла охота!), то и отпустил ей грех, запер двери, проворно скинул одежду и, обняв жену, улегся с нею вместе в постель, где она и ублажила его заботливо и пылко (уж поверьте, не забыв ни одной из арсенала любовных услад!), так что наутро супруги проснулись самой что ни на есть нежною парой, точно два влюбленных голубка. Вот так же бедный рогоносец Менелай целых десять или двенадцать лет сулил жене своей Елене, что убьет ее, буде она попадет к нему в руки, выкрикивая свои угрозы под крепостными стенами Трои; однако же, взяв город и завладев супругою, вновь так пленился ее красою, что простил ей измену, возлюбил и заласкал пуще прежнего.

Эдакие вспыльчивые мужья, подобные разъяренным львам, обратившимся в безобидных овечек, разумеется, куда как хороши, да только где же их сыщешь в наше-то время?!

В царствование короля Франциска I одна знатная красивая молодая дама, бывшая замужем за весьма высокородным французским сеньором, спаслась иначе и куда удачнее, нежели предыдущая: не то она подала мужу какой-то повод для ревности, не то его просто вдруг обуяла внезапная ярость, но только он бросился на жену с обнаженною шпагою, собираясь ее убить; отчаявшись найти помощь у людей, бедняжка обратилась за спасением к Деве Марии, поклявшись, что за избавление свое пойдет в паломничество к Ее часовне Лоретто, близ Сен-Жан-де-Мовре, в краю Анжуйском. Не успела она мысленно произнести сей обет, как супруг, выронив

шпагу, рухнул наземь; затем, поднявшись на ноги и глядя так, словно очнулся от обморока, спросил у жены, какому это святому вверила она свою жизнь, дабы избежать гибели. Та отвечала, что взмолилась к святой Марии, обещав посетить названную часовню. Тогда муж сказал ей: «Что ж, отправляйтесь туда и исполните свой обет!» Так она и поступила, а попав в часовню, принесла в дар Деве Марии картину, повествующую об этой истории, и поставила, согласно обычаю, множество больших красивых восковых свечей, которые еще долго можно было там увидеть. Вот как помог даме ее прекрасный обет и как неожиданно и благополучно окончилось сие похождение! А кто желает узнать о нем подробнее, пусть прочтет «Анжуйские хроники».

Слыхивал я историю о том, как король Франциск пожелал однажды овладеть дамою, в которую был влюблен. Однако, пришед к ней, наткнулся на мужа со шпагою в руке, готового прикончить жену; король приставил ему к горлу свою шпагу и пригрозил убить тотчас здесь же либо обезглавить на плахе, ежели тот посягнет на жизнь дамы или учинит ей хоть малейшее неудовольствие, после чего выгнал его вон из дому, а сам занял место в супружеской постели.

Этой даме повезло найти столь могущественного и горячего защитника своей утробы: с той поры муж ее не осмелился и пикнуть, предоставив жене во всем полную свободу.

Мне известно, что не только одна эта дама, но и многие другие удостоились такого же покровительства короля. Бывают люди, что с оружием в руках защищают свои земли, а для верности вешают на двери домов королевский герб; вот так же поступают и эти женщины, защищая королевским именем двери в свой рай и тем добываясь полной покорности от мужей, которые в ином случае нанизали бы негодниц на шпагу, словно пулярку на вертел.

Знавал я и других дам, состоявших под особым покровительством королей и знатных вельмож и открыто сим похвалявшихся; были, однако же, среди них такие, чьи мужья, убоявшись в открытую убить изменниц, травили их ядом либо изводили каким-нибудь иным манером втихую, исподтишка, почему и казалось, будто скончались они естественным путем, от простуды или же вдруг, от удара. Мерзки мне эдакие мужья, способные невозмутимо глядеть, как рядом с ними прекрасная собою женщина чахнет и вянет, день ото дня приближаясь к могиле; по моему разумению, они заслуживают смерти куда более своих жен. Или еще: держат бедняжек в четырех стенах, в вечном заточении, о чем повествуют старинные французские хроники; так, один знатный дворянин уморил свою жену, прекраснейшую и достойнейшую даму, да еще сделал это по приговору суда, избравши столь приятный способ пред всем светом провозгласить себя рогоносцем.

Среди таких вот одержимых и бесноватых злодеев частенько попадают старики, которые, разуверясь в собственных силах и супружеской пылкости, но зная зато ретивость молоденьких и пригожих жен своих, на коих имели глупость жениться в преклонных летах, непрестанно ревнуют и места себе не находят от беспокойства, во-первых, поскольку им природою так положено, а во-вторых, оттого, что и сами в свое время были не промах и хаживали к чужим женам, вот нынче и тиранят своих, а тем, бедным-несчастливым, эдакое суровое обращение хуже адского пекла. Испанцы говорят: «El diablo sabe mucho, porque es viejo» (Дьявол много знает, затем что стар); вот так же и старики эти, в силу почтенного возраста и былых проказ, много чего могут вспомнить, ибо немало повидали на своем веку. Осуждения достойны те из них, что, не будучи в силах ублажить жену, вступили в брак. Да и женщины хороши: зачем выходят за стариков? Особливо юные да пригожие – не след им венчаться со старцами, польстясь на богатство и ежечасно ожидая смерти мужа, дабы пуститься во все тяжкие, а покамест услаждая себя с молодыми дружками, в коих иногда влюбляются без памяти.

Слыхивал я об одной даме, чей старый муж, заставши ее с любовником, подмешал затем в пищу яду, отчего она целый год хворала и высохла как щепка; муженек часто навещал ее, ликуя и радуясь при виде недомогающей жены и злорадно приговаривая, что она вполне заслужила свою участь.

Другую женщину муж запер в ее спальне, посадив на хлеб и воду; чуть ли не каждодневно он приказывал ей раздеться догола и порол кнутом до крови, не жалея прекрасной белой плоти ее и даже не испытывая притом вожделения. Поистине дальше некуда: эдакий муж, сам лишенный любовного пыла и холодный, как каменная статуя, не знает жалости к женской красоте и вымещает бессильную свою ярость на бедной мученице, тогда как, будь он помоложе, уж наверное, соблазнился бы столь прекрасным обнаженным телом и не удержался от объятий, как я уже рассказывал о том выше.

Вот затем-то и не следует выходить замуж за выживших из ума стариков: даром что они становятся с возрастом подслеповаты, а все еще подглядывают да шпионят за молодыми женами, силясь поймать их на измене.

Одна знатная дама при мне говаривала так: «Нет субботы без солнышка, нет женщины без любовных шашней, нет стариков без ревности, что рождается от упадка сил».

Вот почему один знакомый мне принц сказал, что хотел бы походить на льва, который к старости не седеет; на обезьяну, которая, чем больше е..., тем больше хочет; на пса, у которого с возрастом член крепнет; и на оленя, чья любовная сила возрастает со зрелостью, так что лани предпочитают старых самцов молодым.

Итак, давайте же спросим прямо и без обиняков, как это и делал один уважаемый мною человек: по какой причине или праву муж почитает себя столь могущественным, что может убить свою жену, не имея на то дозволения ни Господа нашего, ни святого Евангелия, ни закона? Не должен ли он всего лишь отвергнуть ее? Говорится ли в Евангелии и в законоуложении о смерти, о крови и убийстве, о мучениях и темницах, об ядах и издевательствах над неверною женой? И разве Господь наш Иисус Христос не осудил все эти злодейства и убийства, когда привели к Нему несчастную женщину, уличенную в прелюбодеянии, дабы он назначил ей кару; разве не написал Он перстом на земле изречение: «Пусть тот, кто без греха, первым бросит в нее камень»? И ведь никто не осмелился на сие наказание, ибо всех поразил и устыдил мудрый и кроткий упрек Его!

Создатель наш учил людей не осуждать с такою легкостью виновных и не обрекать их смерти даже за измену, ибо знал слабость природы человеческой и склонность ее к грехам: этот казнил жену, а сам изменял ей куда чаще, чем она ему; тот умертвил невинную супругу затем, чтобы жениться на другой, и таких случаев не счесть! Святой Августин говорил, что неверный муж подлежит наказанию в той же мере, что и неверная жена.

Слышал я об одном весьма знатном вельможе, который, заподозрив жену свою в любовной связи с неким галантным кавалером, повелел убить его, когда тот выходил из дворца, а вслед за ним и супругу: незадолго до этого, на придворном турнире, она, не спуская глаз со своего друга, который на диво умело правил конем и храбро сражался, воскликнула: «Ах, как метко он целится!» На что муж отвечал: «Верно, только не слишком ли высоко?» Слова эти удивили даму; малое время спустя она умерла, отравленная то ли ядовитыми духами, то ли пищею.

Знавал я одного высокородного сеньора, который убил жену, красивую и благородную женщину, отравив ее незаметно безвкусным и безуханным ядом, дабы жениться на знатной даме, бывшей до того замужем за принцем; кончилось тем, что за злодеяние это он угодил в тюрьму, осужденный и покинутый друзьями; дама же обманула его, и вместо женитьбы выпали на его долю позор, несчастье, а также презрение всех, кто его знал.

Мне известны многие уважаемые люди, гневно осуждавшие былых наших королей, к примеру Людовика Сварливого и Карла Красивого, за убийство их жен – Маргариты, дочери Робера, герцога Бургундского, и Бланки, дочери Отелена, графа Бургундского: обе они были обвинены в супружеской измене и преданы жестокой смерти в темнице Шато-Гайяр; так же поступил и граф де Фуа с Жанной д'Артуа. Притом женщины эти не совершили тех преступ-

лений или проступков, кои вменялись им в вину: просто-напросто мужья возненавидели жен своих и, обвинив в любовных шашнях, умертвили, а сами женились на других.

Вот так же недавно и король Английский Генрих казнил и обезглавил супругу свою Анну Болейн, порешив жениться на другой; король этот был люто кровожаден и любил менять жен. Так не лучше ли было ему, как завещал Господь, отвергать их, нежели предавать жестокой казни? Но, увы, эти господа охочи до свежатинки и желают лакомиться ею самолично, ни с кем не делясь: проев приданое первой жены, они заводят себе следующую, которая также приносит немалое богатство, и никогда не насыщаются вполне. Вот таким был и второй царь Иерусалимский Бодуэн, который, обвинив свою первую жену в распутстве, отринул и прогнал ее, дабы сочетаться браком с дочерью герцога Малитерна, ибо за нею давали богатейшее приданое, а он нуждался в деньгах. Об этом рассказано в «Истории Святой земли». Подобным мужьям ничего не стоит нарушить Божьи законы и установить свои собственные, кои позволяют им предавать смерти злосчастных своих супругов.

А вот Людовик Молодой не стал губить жену свою, герцогиню Элеонору Аквитанскую, когда, вернувшись из похода в Сирию, заподозрил ее в измене, вполне возможно, что и напрасно; он лишь развелся с нею, не пожелав действовать по закону ревнивых мужей, ими самими установленному противу всякого права и разума; оттого-то и прославился он среди прочих королей своею добротою, а тех запомнили как жестоких и коварных тиранов: сие есть свидетельство совестливой души и поистине христианского его смирения. Даже римские язычники в большинстве своем поступали в подобных случаях более по-христиански, нежели язычески: императоры их, весьма часто становившиеся рогоносцами по вине распутных и сластолюбивых жен, при всей своей жестокости, чаще разводились с ними, нежели убивали по примеру нас, христиан.

Так, Юлий Цезарь не посягнул на жизнь супруги своей Помпеи, а всего лишь развелся с нею, когда она изменила ему с юным римским красавцем Пульхром Клавдием, в коего влюбилась без памяти, а он в нее; этот Клавдий, улучив день, когда у Помпеи в доме устраивалось священное празднество, куда допускались одни женщины, переоделся гетерою (а лицо у него было еще гладкое и безволосое) и, замешавшись в женское общество, принялся петь и играть на разных инструментах, а затем, воспользовавшись суматохою, уединился со своею любовницей и наслаждался ею вволю; дело, однако, раскрылось, юношу прогнали из дворца и обвинили в прелюбодеянии, но ему удалось, благодаря влиятельным знакомствам и деньгам, добиться помилования и избежать кары за содеянное. Цицерон превзошел себя в красноречии, произнося обвинение против него, однако Цезарь притворился, будто верит в невиновность жены, и отвечал, что не только не желает марать супружеское ложе убийством, но полагает, что жена его выше всяких подозрений. Такое годилось разве лишь для успокоения окружающих – сам-то он доподлинно знал правду, заставши жену с любовником и понимая, что все произошло с ее согласия и по доброй воле; ведь коли женщина решилась на измену, не ее дружку заботиться о мелочах, уж она изыщет в один час столько разных хитростей, сколько нам, мужчинам, и за сто лет не придумать; так, одна знатная дама, моя знакомая, говорила своему любовнику: «Вы только пробудите у меня желание, а уж способ переспать с вами я и сама найду».

Так кому, как не Цезарю, разбираться в подобных ухищрениях: ведь он и сам был не промах, недаром же называли его петухом, что топчет всех курочек подряд; в Риме водилось немало рогачей по его милости, чему свидетельством еще и пословица, ходившая среди его солдат: «*Romani, servate uxores, moechum addicimus calvum*», что означает: «Римляне, Цезарь идет, прячьте получше супруг; лысый наш вождь и развратник всех... вокруг!»

Итак, благодаря мудрому изречению о невиновности жены Цезарь избег звания рогоносца, которое заставлял носить других; однако же в душе был сильно уязвлен сим происшествием.

Октавий Цезарь также отверг Скрибонию за склонность к распутству, а не за что-нибудь иное, но не причинил ей никакого зла; правду сказать, сделав его рогоносцем, она была в своем праве, ибо сам он содержал несчетное количество любовниц; он устраивал для этих дам празднества и, на глазах у мужей, сажал их рядом с собою за стол, а потом уводил в спальню, вслед за чем, наслаждаясь объятиями, выпускал оттуда на всеобщее обозрение растрепанных, полурасдетых и с красными ушами – как говорят, верный признак того, что женщина побывала в постели; правда, сам я слышал, что у ней должны гореть щеки, а не уши. За это и пользовался он репутацией бесстыдного развратника, и даже Марк Антоний упрекал его в беспутстве, однако император оправдывался тем, что спит со всеми этими женщинами не разврата ради, но желая узнавать через них тайные замыслы их мужей, коих сильно опасался.

Знавал я многих мужчин, и вельмож, и прочих, что ухаживали за дамами по той же причине, тем самым соединяя приятное с полезным; я мог бы назвать множество эдаких хитрецов, извлекающих для себя отсюда двойное удовольствие. Вот и заговор Катилины был раскрыт благодаря болтливости распутной девки.

Тот же Октавий решил однажды умертвить дочь свою Юлию, жену Агриппы, за ее безудержное распутство, коим она позорила его (ибо иногда дочери бесчестят отцов своих более, чем иные жены – мужей), однако всего лишь изгнал ее из города, запретил давать вино и богатые наряды, повелел одеть в рубище и не допускать к ней мужчин – тяжкое наказание для женщины знатного сословия, особливо в двух последних пунктах.

Цезарь Калигула, считавшийся жестокосерднейшим из тиранов, узнав, что супруга его, Ливия Оттилия, тайком оказывает милости первому своему мужу Каю Кальпурнию Пизону, у которого он увел ее силою, и что она в его отсутствие услаждала Пизона, тогда еще не убитого, прекрасным, стройным своим телом, не покарал жену с обычной свирепостью, но лишь изгнал, а случилось это через два года после того, как он отнял ее у Пизона и сам женился на ней.

И так же обошелся Калигула с Туллией Паулиной, которую отнял у супруга ее Меммия: он всего лишь прогнал ее от себя, запретив, правда, заниматься сладким любовным ремеслом не только с прежним мужем, но с кем бы то ни было; поистине жестокое наказание, коего Меммий вовсе не заслужил.

Слыхивал я и об одном принце-христианине, который также запретил своей даме сердца спать с мужем – столь сильно он ревновал ее.

Клавдий, сын Друза Германика, подобным же образом отверг супругу свою Плантию Геркулалину за бесстыдное ее распутство и, что еще хуже, за посягательство на его жизнь; как он ни был жесток и как ни тяжки были обе ее вины, он тем не менее не стал убивать ее, а покончил дело разводом.

Кроме того, вспомните, сколько времени претерпевал он любовные шашни и наглую ложь второй своей супруги, Валерии Мессалины, которой мало было спать с мужчинами тайком, втихую: она вдобавок отдавалась всем подряд в публичных домах, затмевая бесстыдством самых распутных шлюх в городе; по свидетельству Ювенала, дошло до того, что, переспав с мужем и дождавшись, когда он заснет, она потихоньку вставала с постели, разряжалась в пух и прах и отправлялась в бордель, где никому не отказывала, отчего возвращалась домой в изнеможении, но все еще не насытившись объятиями. Хуже того, для пушшего удовольствия и из жгучего желания прослыть непревзойденной развратницею, она заставляла мужчин платить себе, назначая особую цену за каждый способ любви, за каждую ласку, точно оценщик в ломбарде, и никогда не уступала ни полушки.

Мне приходилось слышать об одной нашей довольно знатной даме, которая некоторое время вела столь же распутную жизнь, наведываясь переодетую в бордели, дабы предаваться там разврату и досконально изучать все стороны продажной любви; однажды стража во время ночного обхода арестовала ее, точно уличную девку. Знавал я немало и других таких же распутниц, что пускались на подобные, всем известные проделки.

Впрочем, Боккаччо в своей книге «Несчастья знаменитых людей» отзывается о вышеупомянутой Мессалине весьма снисходительно, извиняя нрав ее тем, что она родилась при неблагоприятном расположении светил, которые и вселили в нее беса, так же как и во многих других женщин. Муж ее знал о том и долго терпел разнузданное поведение супруги, пока ему не донесли, что она, ничтоже сумняшеся, сочеталась браком с одним из красивейших римских патрициев, Каем Сицием. Заподозрив, что здесь кроется заговор против него, Клавдий приказал убить ее, но свершил это именно из боязни покушения, а не из-за распутства, к которому давно притерпелся и привык.

Те, кто видел изображение означенной Мессалины, найденное совсем недавно в Бордо, верно, признают, что бесстыдный образ жизни и впрямь запечатлелся на лице ее. Я говорю об античной медали, найденной в руинах римских зданий, – очень красивой и достойной восхищения. Судя по ней, Мессалина была женщиною величественной осанки, весьма рослою, с правильными чертами лица и искусно уложенной по древней римской моде прическою; высокий рост вполне подтверждает ее репутацию: по мнению многих философов, врачей и физиогномистов, женщины большого роста скорее прочих расположены к любовному неистовству в силу своей мужеподобности, которая наделяет их и мужским пылом, и женской пылкостью; соединяясь вместе в одном теле, они делают человека и вовсе необузданным сластолюбцем; верно говорят, что большому кораблю – большое и плавание; так и женщины высокого роста, по мнению лучших знатоков искусства Венерина, более охочи до любви и расположены к ней лучше, нежели малорослые.

По этому поводу припоминается мне один принц, мой знакомый, который, желая польстить женщине, чьими объятиями наслаждался, рекомендовал ее следующим образом: «Она высочайшая распутница, совсем как моя матушка». Но, заметив изумление слушателей, разъяснил, что сим опрометчивым высказыванием вовсе не желал уподобить матушку свою шлюхам, а всего лишь имел в виду, что названная дама столь же высока ростом, как его родительница. Вот как оно бывает: иногда скажется такое, чего и не думал выговорить, а иногда, не думая, невзначай и правду вымолвишь.

Стало быть, рослым женщинам повезло более других, пусть хотя бы в царственной осанке, их отличающей, которая в любви ценится и привлекает столь же сильно, сколько в других делах и занятиях; так, рослый и красивый жеребец во сто крат авантажнее смиренной рабочей лошади и доставляет множество радостей своему седоку, но притом надобно, чтобы и всадник отличался умением, ловко держался в седле и управлял скакуном сильною и привычною рукой. То же можно отнести и к высокорослым женщинам: в силу своего сложения они часто бывают своенравнее других и скидывают седока, коли он слаб и неопытен, как рассказывали мне некоторые ездоки, коим довелось вскакивать на эдаких норовистых кобылок; чуть что не так, упрямыцы сбрасывали их с себя на всем скаку, с насмешками и поношениями. Так, слыхивал я об одной даме из этого города, которая, возлегши первый раз со своим возлюбленным, прямо сказала ему: «Обнимите меня покрепче и стисните руками и ногами как можно сильнее, да держите что есть мочи, ибо я так брыкаюсь и бью задом, что иначе вам не удержаться. Да не церемоньтесь особо, у меня достанет сил и ловкости выдержать ваши удары, как бы вы ни старались; проявите же усердие, сударь, а у меня-то уж его в избытке. Так что не ленитесь, и вам воздастся сторицею». И что же вы думаете – женщина перещеголяла-таки своего наездника резвостью.

Вот к чему надобно быть готовым, когда ложишься в постель с такою любовницей – смелой, жизнерадостной, пылкой, хорошо сложенной и в теле; но хотя чрезмерный пыл этих дам и способен доставить множество усад, иногда они проявляют излишнюю властность, препятствующую истинной нежности. Однако же верно говорят: «Резвой гончей рост не помеха» – это я к тому, что бывают и малорослые женщины, повадками своими, грацией и привлекательностью не уступающие другим, а то и превосходящие их в искусстве прельщать (пускай судят

знатоки этого дела, прав ли я!), подобно тому как и низкорослая лошадка может не отстать от породистого скакуна; кстати, один добрый человек говаривал, что женщина похожа на многих животных, особенно же на обезьяну, – стоит лишь посмотреть, как изворачивается и суетится она в постели.

Я сделал сие отступление так просто, потому что вспомнилось, теперь же обратимся к главному.

Даже кровожадный Нерон всего лишь прогнал от себя за измену жену свою Октавию, дочь Клавдия и Мессалины, сим деянием и ограничив свою жестокость.

Император Домициан поступил и того благороднее: он отверг супругу свою Домицию Лонгину, ибо она без памяти влюбилась в актера-шута по имени Парис и только тем и занималась, что распутничала с ним, забросив собственного мужа; однако по прошествии некоторого времени Домициан, раскаявшись в своем поступке, вернул ее; легко представить, каким вывертам да ухищрениям обучил ее кривляка-любовник, думая, что старается для себя.

Пертинакс так же милостиво обошелся со своей женой Флавией Сульпицианою: он не прогонял и не возвращал ее, но, зная, что она занимается любовью с певцом и музыкантом и увлечена им, предоставил ей полную свободу действий, сам же взял в любовницы двоюродную сестру свою, некую Корнифацию, полагаясь, вероятно, на мнение Гелиогабала, говорившего, что нет на свете ничего слаще бесед с родственниками и родственницами. И я знаю многих людей, которые произвели подобный обмен, следуя тому же правилу.

Также и император Север не озаботился бесчестьем жены своей, известной беспутным поведением; он и не помышлял исправлять ее, говоря, что, коли ее зовут Юлией, надобно прощать ей, ибо во все времена женщины, носившие это имя, были бесстыдными развратницами и наставляли рога мужьям; да и сам я знаю многих дам, нареченных теми или иными именами (которые здесь называть не стану из уважения к нашей святой религии) и из-за этих имен приверженных распутству и трудящихся передком куда усерднее других, иначе зовущихся; ни одна из них не избежала этой участи.

Итак, я никогда не окончил бы сей труд, ежели взялся бы описывать бесчисленное множество знатных патрицианок и императриц римских, живших в древности и славившихся распутством, коих жестокие мужья, ими обманутые, не наказали примерно и со всею надлежащею строгостью; полагаю, что среди дам этих трудно было бы сыскать добродетельных, о чем и свидетельствуют их жизнеописания; да стоит лишь взглянуть на античные медали и статуи, их изображающие, как сразу видишь запечатленное на прекрасных лицах этих женщин необузданное сладострастие. Однако же мужья их, беспощадные к иным грехам, прощали им этот и не умерщвляли изменниц, по крайней мере не всех. Поистине странно, что язычники, не признающие Господа нашего, выказывали такую мягкость и всепрощение к грешным своим женам, большинство же нынешних королей, принцев, вельмож и мужчин иных сословий жестоко и безжалостно карают супруг за сию провинность.

Надобно еще похвалить благородного короля нашего Филиппа Августа, каковой король, отвергнув вторую жену свою Ингеборгу, сестру датского короля Кнута, под тем предлогом, что она состоит с ним в родстве третьей степени чрез первую его супругу Изабеллу (а на самом деле подозревая ее в изменах), тем не менее подчинился церковным канонам и вновь призвал ее, хотя и женился к тому времени на другой: просто-запросто посадил в седло у себя за спиною да и привез обратно во дворец, не дожидаясь постановления Суассонской ассамблеи, нарочно для того созванной, но слишком долго и нерешительно разбиравшей дело.

Нынче знатные сеньоры так милостиво уже не поступают: самое мягкое наказание, какое они избирают для своих жен, – это пожизненное заточение на хлебе и воде либо смерть от яда или кинжала, от их собственной руки или по приговору суда. Не пойму я этого: коли уж пришла охота отделаться от старой жены и завести новую, как оно часто бывает, отчего не дать ей развод тихо-мирно, не причиняя никому зла и неудовольствия, притом еще, что не пристало

мужчине рвать узы, коими Господь соединил его с законною супругой. Видели же мы, однако, тому примеры и в недавних временах, – взять хоть королей наших Карла VIII и Людовика XII.

По этому поводу довелось мне услышать рассуждения одного нашего великого богослова о покойном короле испанском Филиппе, который, в нарушение всех канонов, женился на племяннице своей, матери нынешнего короля; вот что он говорил: «Нам следует признать папу римского наместником Бога на земле, всемогущим или же нет; в первом случае (чего мы, католики, и должны придерживаться) нам следует подчиниться его абсолютной и бесконечной власти, которой он может вершить и разрывать браки по своему усмотрению; ну а ежели люди откажут ему в таковой власти, то я умываю руки, оставляя сие заблуждение тем, кого добрыми католиками отнюдь не назову. По моему суждению, один лишь наш Святой Отец может быть судьей супругам в их семейных раздорах, какие случаются меж мужем и женою в неудачном браке».

Разумеется, жены вполне достойны осуждения, когда позорят эдаким образом мужей своих, нарушая законы брака, заповеданные Господом; однако же, с другой стороны, Господь решительно запретил убийство, по каким бы причинам сие гнусное деяние ни свершалось; на моей памяти почти все кровожадные и безжалостные убийцы, даже и грешных жен своих, заплатили за это и плохо кончили, ибо женщины, пусть и виновные в распутстве, все-таки достойны милосердия Божьего, примером чему та же Магдалина.

И наконец, следует признать, что эти несчастные женщины по причине их красоты куда ближе к Богу, нежели мы, мужчины, ибо все прекрасное угодно Ему, тогда как безобразия – добыча дьявола.

Великий Альфонс, король Неаполитанский, говорил, что красота – истинный признак добронравия и мягкосердечия; так прекрасные цветы обещают вкусные и аппетитные плоды; я и сам многожды в жизни видел немало красавиц, которые притом отличались доброю; даром что эти дамы не чурались любовных забав, они никому не причиняли зла, а всего лишь мечтали о плотских удовольствиях и прилагали все силы к тому, чтобы удовлетворить свое хотение.

Правда, что встречались мне и другие – злые и коварные, жестокие и пронырливые; эти думали не об одной только любви, а и том, как бы кому навредить.

Так можно ли усомниться в том, что женщины, отданные на волю и прихоть недобрых своих мужей, стократ заслуживающих Божьей кары, одним этим довольно уже наказаны?! Ибо угрюмый, вспылчивый нрав таких господ трудно даже описать.

Расскажу теперь об одном сеньоре из Далмации, который, убив любовника своей жены, принудил ее в течение нескольких ночей спать рядом с его окровавленным, зловонным мертвым телом; несчастная едва не задохнулась от запаха разложения.

На ту же тему в «Ста новеллах» королевы Наваррской есть претрогательная грустная история об одной прекрасной даме из Германии, которую муж заставил пить из черепа убитого им любовника: сеньор Бернаж, бывший тогда послом Карла VIII в этой стране, стал свидетелем сего ужаснейшего зрелища, о чем и поведал в своем донесении.

В первый раз, как попал я в Италию и проезжал через Венецию, мне рассказали историю, будто бы истинную, о некоем албанском ходже, который, застигнув жену за изменою, убил ее любовника И, разъяренный сознанием, что ему самому не удалось удовлетворить жену (а был он весьма пылок, хорошо знал толк в Венериных делах и за одну ночь мог предпринять десять – двенадцать любовных атак), придумал следующее наказание для жены: разыскал дюжину бравых молодцов, горячих и неутомимых в постели, да и нанял их за деньги, повелев собраться у ней в спальне (а она была очень красива) и выполнить как можно усерднее свой мужской долг; тем же, кто отличится особо, посулил даже двойную плату; что ж, они постарались на славу, замучив даму до смерти, к великой мужниной радости; сей лихоимец еще и поизмывался над умирающей, сказавши со злобным смехом, что дал ей насладиться допьяна жгучим напитком

любви; то же самое некогда Семирамида говорила Киру, коего голову приказала погрузить в чашу, наполненную кровью. Бывает ли смерть ужаснее этой?!

Та несчастная дама не умерла бы, будь она столь же крепкого сложения, как одна солдатская девка при лагере Цезаря в Галлии, которая в один прием пропустила чрез себя целых два легиона, после чего встала и пошла как ни в чем не бывало.

Рассказывали мне об одной красивой девице из некоего французского города, который во времена гражданских войн был взят приступом; девицу изнасиловали солдаты, но она выжила, а после того отправилась в церковь, дабы исповедаться и узнать у кюре, сильно ли она согрешила; тот отвечал, что поскольку она была взята силою и против воли, испытывая омерзение, то никакого греха тут нет. На что девица воскликнула: «Ну и слава богу, хоть однажды в жизни нагулялась всласть, да притом не согрешив против себя и Господа!»

У одной весьма благородной дамы во время Варфоломеевской ночи убили мужа, а ее самое подвергли насилию; после этого она стала выпытывать у знающего и ученого священника, сильно ли она оскорбила Господа и память погибшего своего супруга. Тот разъяснил ей, что коли она при этом насилии получила удовольствие, то, значит, несомненно согрешила, а ежели испытала отвращение, то все равно согрешила. Вот так прекрасная сентенция!

Я коротко знал одну даму, которая возражала против подобного мнения, говоря, что получает наслаждение именно тогда, когда ее принуждают к объятиям и почти насилуют, ибо чем упорнее женщина сопротивляется, тем сильнее распаляет она мужчину; пробив наконец брешь в стене крепости, он берет ее приступом с большею яростью и азартом, разжигая тем самым аппетит и у самой дамы, которая бледнеет и едва не выпускает дух у него в руках, но не с перепугу, а от сладостного удовольствия, какое он доставил ей своей силою. Дама эта полагала, что надобно как можно чаще ломать комедию пред мужем, притворяясь то злою, то капризною, то неприступною, дабы посильнее разжечь в нем вожделение; и следует признать, что в таких случаях у них все получалось как нельзя лучше, ибо, по свидетельству многих писателей, та женщина больше нравится мужчине, которая привередничает и сопротивляется, а не та, что по первому слову покорно ложится на спину. То же и на войне: почетною считается победа над сильным неприятелем, а не над слабым да трусливым; слава тому, кто одержал ее в жестоком бою. Однако не следует даме и пересаливать, ибо ее могут принять за хитрую распутницу, желающую легко отделаться, а подобное сравнение будет ей обидно; но, впрочем, мне ли давать им, особливо самым ловким и умелым в сем ремесле, советы, когда они и сами давно превзошли науку любви?!

Хочу сказать, что многие сурово порицают ревнивых мужей, готовых убить жену за измену, тогда как в распутстве своих супругов сами же и повинны. Ибо, по словам святого Августина, безумен тот муж, кто требует целомудрия от жены, сам будучи погружен в бездну разврата; коли ожидаешь от нее чистоты, то прежде будь и сам чист. В Священном Писании даже говорится, что не следует мужу и жене слишком сильно любить друг друга плотскою, сладострастною любовью, ибо ежели они станут предаваться ей часто и пылко, то начнут пренебрегать любовью к Господу; я и сам частенько встречал супругов, столь горячо и страстно любящих друг друга, что они забывали служить Богу, вспоминая о Нем лишь после объятий и усад в постели.

Более того, мужья эти поступают куда как скверно, обучая жен своих в супружеской постели множеству любострастных ухищрений – вывертов, ухваток и новых способов любви, прибегая, в частности, к помощи бесстыдных описаний и рисунков Аретино и добиваясь того, что огонек вожделения, тлеющий в женском теле, разгорается неугасимым пламенем и превращает женщин в истинных распутниц; приводит же сия наука к тому, что дамам становится мало одних мужей, и они начинают искать утех на стороне. И, видя это, мужья, в злобе и ревности, наказывают бедных своих супругов, чего делать не вправе: ведь коли женщину обучили сладкому любовному ремеслу, она норовит показать свое умение другим, тогда как мужья принуждают

их скрывать его ото всех, кроме них самих; таких тиранов-мужей уподобил бы я тем конюшним, что выращивают и обучают красивого коня да и прячут его в конюшне, не позволяя никому ни взглянуть на него, ни сесть в седло, но лишь похваляясь его статями, как будто кто-нибудь поверит им на слово.

Слышал я историю об одном благородном кавалере, который влюбился в некую красавицу, но узнал от своего друга, что только понапрасну теряет время, ибо она страстно любит мужа; тогда он проделал тайком дыру в стене их спальни, напротив кровати, и смог наблюдать все разнузданные и любострастные ухватки, мерзкие позы, невиданные выверты, в коих жена даже превосходила мужа, предаваясь сему занятию с чрезвычайным пылом; наглядевшись на все это, наш дворянин ушел и назавтра отнесся к другу своему со следующими словами: «Эта женщина станет моею тотчас, как только супруг ее отбудет в какое-нибудь путешествие, ибо она не совладает с той пылкостью, какую подарили ей природа и любовное искусство, но непременно захочет излить ее на другого мужчину; тут-то мою настойчивость и будет ждать сладкая награда».

Знавал я и другого бравого кавалера, который, влюбившись в красивую и благородную даму и зная, что она, с ведома и дозволения мужа, держит у себя в туалетной книге Аретино, тотчас же с уверенностью предрек, что добьется ее милостей; он служил даме терпеливо, долго и преданно; наконец овладел ею и убедился, что у любовницы его были отменные учителя и наставники, во главе коих, однако, назвал он не людей, но госпожу Природу. Впрочем, как поведала ему позже красавица, книга Аретино и долгие упражнения также немало способствовали ее искусству.

Можно прочесть рассказ о знаменитой куртизанке из Древнего Рима по имени Элефантина, которая придумала и описала такие способы любви, что и самому Аретино за нею не угнаться; многие знатные дамы, даже и принцессы, склонные к распутству, изучали сию прекрасную книгу, словно Библию. Вспомним также об известнейшей сирийской блуднице, прозванной «дюжина вывертов» за то, что она изобрела двенадцать изощреннейших способов доставлять мужчине порочное и жгучее наслаждение.

Гелиогабал за большие деньги и ценные дары нанимал и содержал мужчин и женщин, способных замыслить и показать такие новые ухищрения, которые разожгли бы его чувственность. Да и многие другие властители поступали точно так же.

Недавно папа Сикст приказал повесить в Риме одного из секретарей кардинала д'Эсте, по имени Капелла, вменив ему в вину множество преступлений, из коих главным было написание книги с весьма живописными картинками, изображающими некое знатное лицо, мною не называемое из почтения к сану его, и не менее знатную даму из первых римских красавиц; оба они представлены там в натуральнейшем виде.

Знавал я принца, поступившего еще остроумнее: он приобрел у ювелира великолепный кубок позолоченного серебра тончайшей работы, истинный шедевр ювелирного искусства, доселе невиданный: в нижней части этого кубка весьма изящно и прихотливо были вырезаны фигурки мужчин и женщин в позах Аретино, а наверху столь же мастерски изображались различные способы соития зверей; там-то и увидел я впервые (впоследствии мне частенько доводилось любоваться сим кубком и даже, не без смеха, пить из него) случку льва со львицею, вовсе не похожую на спаривание всех прочих животных; кто сие видел, тот знает, а кто не видел, тому и описывать не берусь. Кубок этот стоял у принца в столовой на почетном месте, ибо, как я уже говорил, отличался необыкновенной красотой и роскошью отделки что внутри, что снаружи и радовал глаз.

Когда принц устраивал пир для придворных дам и девиц, а такое случалось часто, то по его приказу виночерпии никогда не забывали поднести им вина в этом кубке; и те, что еще не видали его, приходили в великое изумление и, взяв кубок в руки или уже после того, прямо-таки теряли дар речи; другие краснели, не зная, куда деваться от смущения, третьи шептали

соседкам: «Что же тут такое изображено? По моему разумению, это мерзость из мерзостей. Да лучше умереть от жажды, нежели пить из эдакой посуды!» Однако же им приходилось либо пить из описанного кубка, либо томиться жаждою, вот почему некоторые дамы пили из него с закрытыми глазами, ну а другие и этим себя не утруждали. Те дамы или девицы, кто знал толк в сем ремесле, посмеивались втихомолку, прочие же сторали со стыда.

На вопрос, что они видели и отчего смеются, дамы отвечали, что видели резьбу на кубке и теперь ни за какие сокровища в мире не согласятся пить из него. Другие же говорили: «По моему разумению, здесь нет ничего худого, любоваться произведением искусства не грешно»; третьи заключали: «Доброе вино и в таком кубке доброе». Такие уверяли, будто им все равно, из чего пить, лишь бы утолить жажду. Некоторых дам упрекали в том, что они не закрывают глаза, когда пьют из него; ответ был таков: им, мол, хотелось воочию убедиться, что подали именно вино, а не яд или какое-нибудь снадобье. У таких выпрашивали, от чего они получают большее удовольствие – от того, что пьют, или от того, что видят; дамы отвечали: «От всего». Одни восклицали: «Вот так чудища!» Другие: «Ну и шутки!» Третьи: «Ах, какие прелестные фигурки!» Четвертые: «Ох и точные же зеркала!» Пятые: «Уж верно, ювелир позабавился вволю, выделывая эдаких уродцев!» На что шестые добавляли: «А вы, монсеньор, забавляетесь еще более, купив сей прекрасный сосуд!» Иногда спрашивали у дам, не зудит ли у них внутри, когда они пьют из кубка; те отвечали, что не такой безделице разбудить в них любовный зуд; у других допытывались, не разогрело ли их сверх меры вино из такого кубка, заставив позабыть о зимней стуже; на это следовал ответ, что, напротив, вино их освежило. Осведомлялись также, какие из этих изображений дамы желали бы иметь у себя в постели; те возражали, что невозможно перенести их с кубка в другое место.

Короче сказать, кубок этот вызывал великое множество шуток, прибауток и острот, коими перебрасывались за столом кавалеры и дамы, забавляя себя и других, в том числе и меня, бывшего сей потехе свидетелем; но самое забавное, на мой взгляд, зрелище представляли невинные девицы либо притворявшиеся таковыми и впервые попавшие сюда дамы, которые сидели с постной миною и кислой усмешкою, строя из себя святош, как свойственно некоторым женщинам. Заметьте себе, что, даже умирай они от жажды, слуги не осмелились бы подать им вина в другом кубке или бокале. И пусть какие-то из них клялись и божились, что ноги их больше не будет на таких пирах, однако все равно они являлись вновь и вновь, ибо принц был веселым и щедрым хозяином. Были такие дамы, которые в ответ на приглашение отвечали: «Я приду, но с условием, что меня не принудят пить из того кубка», однако за столом не выпускали его из рук. И наконец, все дамы привыкли и стали пить из него без малейшего стеснения; надо думать, они перепробовали и пустили в дело все, на нем увиденное, в свое время и в своем месте: согласитесь, что человек, наделенный воображением, должен все испробовать в жизни.

Вот какое действие оказывал сей знаменитый кубок. Остается лишь вообразить, о чем беседовали, как шумели и пересмеивались дамы в своей компании и о чем мечтали в одиночку, вспоминая кубок.

Я полагаю, что кубок сей весьма отличался от того, который Ронсар воспел в одной из первых своих од, посвященной ныне покойному королю Генриху; она начинается словами:

Берет старинный кубок в руки он.
Вином его радушно наполняет.
По чину воинам подносит сей ритон.
Пурпурное вино смеется и играет.

Что же касается кубка принца, то здесь не вино улыбалось людям, а люди – вину, ибо одни пили, смеясь, другие пили, восхищаясь; одни удовлетворялись, попивая, другие попиwali, удовлетворяясь; только не подумайте, будто я разумею под этим что-либо худое.

Словом, кубок этот производил действие потрясающее, настолько выразительны были фигуры и образы, на нем запечатленные; по этому поводу вспоминается мне, как однажды несколько дам со своими кавалерами посетили замок графа Шато-Вилен, иначе сеньора Аджасе, и вот, проходя по роскошно убранным покоям, увидели они развешанные в галерее великолепные, редкостные картины. На одной из них, едва ли не лучшей, представлено было множество нагих женщин в купальне, которые столь нежно и любовно ласкали и гладили друг дружку, столь пылко и вместе с тем целомудренно сплетались в объятиях, что воспламенили бы сердце и плоть даже самого сурового и стойкого из отшельников; вот отчего одна высокая дама, мне знакомая, погрузилась в созерцание сей картины и долго, неотрывно разглядывала ее, а после обернулась к своему кавалеру и, словно задыхаясь от любовной лихорадки, приказала: «Довольно мы здесь задержались, сядемте поскорее в карету и ко мне домой, ибо я не в силах совладать с нетерпением, надобно утолить сжигающую меня жажду!» И они тотчас отбыли, а приехав к даме, испили вместе тот животворный настой, который сладок без сахара и которым кавалер щедро попотчевал даму из своего сосуда.

Подобные картины и рисунки приносят нестойким душам куда большую пагубу, нежели это кажется; в той же галерее висела картина, изображающая Венеру обнаженную; она возлежит на ложе, глядя на сына своего, Купидона; на другой картине Марс обнимает Венеру, на третьей Леда ласкает лебедя. И там, и в других местах есть множество картин, куда более скромных и целомудренных, нежели гравюры Аретино, однако ж все они посвящены одному предмету, а именно близки к вышеописанному кубку, у коего есть хотя бы немалое преимущество перед другим, который Рено де Монтобан отыскал в замке, описанном Ариосто; на нем безжалостно высмеивались бедные мужья-рогоносцы, тогда как наш всего лишь делал их таковыми, зато не выставлял напоказ ни обманутых супругов, ни их неверных жен.

В наше время никто уже не нуждается в подобных книгах или картинах, ибо нынешние мужья сами не промах и могут научить чему угодно.

Знавал я в Париже одного книгоиздателя-венедианца по имени мессир Бернардо (он приходился родственником великому Альду Мануцию из Венеции): он держал лавку на улице Сен-Жак и однажды в разговоре клятвенно заверил меня, что менее чем за год продал более полусотни двухтомников Аретино множеству женатых и холостых людей, мужчин и даже женщин, из коих назвал мне трех весьма знатных дам, чьи имена я здесь, конечно, не раскрою; они самолично купили эти книги в самых роскошных переплетах, взяв с хозяина клятву не выдавать их; однако мне он проговорился – более того, рассказал, что некая дама спросила у него такую точно книгу, какую видела она в руках одной из вышепомянутых особ; он отвечал ей: «Signora, sì, e peggio»¹, и тотчас она, вынув деньги, закупила все до одного экземпляры по бешеной цене. Вот уж поистине сумасбродное любопытство, способное отправить мужа этой дамы в Корнето, близ Чивита-Веккья.

Все эти позы и движения противны Богу; недаром же святой Иероним говорит: «Тот муж, что развратничает со своею женою, свершает грех прелюбодеяния». И поскольку о том же говорили многие видные богословы, я выражу сию мысль по-латыни, тем более что сами они не пожелали перевести ее на французский: «Excessus canjugum fit quando uxor cognoscitur ante, retro stando, sedendo in latere, et mulier super virum»²; это созвучно с тем, что прочел я в одном старинном присловье:

In prato viridi monialem ludere vidi

¹ «Конечно, сударыня, есть и похуже» (*ит.*). Здесь и далее в сносках перевод редакции.

² «Супруги предаются разврату, когда муж познает жену свою стоя, повернув ее к себе лицом или спиной, когда прodelывает это на боку или когда жена влезает на мужа» (*лат.*).

Cum monacho leviter, ille sub, illa super³.

Некоторые утверждают, что когда женщина принимает неположенную позу, она не может зачать. Однако же многие женщины опровергают эти слова, говоря, что в странных, противозачаточных и бесстыдных позах они зачинают даже лучше, нежели в дозволенной и общепринятой, да, кроме того, и удовольствия получают больше, особенно когда, по словам поэта, занимаются любовью *more canino*⁴, что, на мой взгляд, отвратительно; но полнотельные женщины, по крайней мере многие из них, предпочитают такую позу из опасения повредить грудь и живот.

Некоторые врачи утверждают, что хороша любая поза, но *semen eiaculetur in matricem mulieris, et quomodocunque uxor cognoscatur, si vir eiaculatur semen in matricem, non est peccatum mortale*⁵.

Вы найдете диспут на эту тему в «Summa Benedicti», у врача-францисканца, весьма подробно описавшего все виды плотских прегрешений, о коих он слышал или читал. Тот, кто ознакомится с егоopusом, узнает из указанного пассажа о многих извращениях, совершаемых мужьями с их женами. И еще пишет он о том, что *quando mulier est ita pinguis ut non possit aliter coire*⁶ только в определенной позе, *non est peccatum mortale, modo vir eiaculetur semen in vas naturale*⁷. По этому поводу многие говорят, что лучше мужьям воздерживаться от сношений с женами, когда у тех чрево полно (как поступают, к примеру, все животные), нежели осквернять брак подобным непотребством.

Знавал я одну знаменитую римскую куртизанку по прозвищу Гречанка, бывшую на содержании у знатного французского вельможи. По прошествии некоторого времени захотелось ей увидеть Францию, проехавшись туда за счет сеньора Бонвизи, богатейшего лионского банкира родом из Лукки, который был в нее влюблен; прибыв в Лион, она первым делом стала расспрашивать об этом богаче и его жене, а главное, о том, не наставляет ли жена рога мужу, ибо, сказала она, «я в свое время обучила ее муженька стольким премудростям любви, что коли он все их показал и передал своей супруге, вряд ли она не поделилась сей наукою с другими: ведь ремесло наше, особенно когда им хорошо владеешь, столь зажигательно, что во сто крат приятнее заниматься им со многими, нежели с кем-нибудь одним». К тому же, добавляла она, эта дама обязана поднести ей богатый подарок за тяжкие труды, поскольку муженек ее, впервые поступив в школу любви, ровнехонько ничего не знал, не умел и не было ученика тупее и неповоротливее его; однако же она столь успешно обучила и наставила этого неумеху, что, верно, по возвращении супруга его прямо-таки не узнала. Жена банкира и в самом деле пожелала увидаться с этой куртизанкою и, переодевшись, тайком посетила ее, а та не постеснялась высказать ей все вышеизложенное, добавив к сему множество других, еще более непристойных слов, ибо стыдливость была ей неведома. Вот каким манером мужья выковывают острые ножи, дабы самим себе перерезать глотки, а иначе говоря, украсить голову рогами. Вот так-то Господь Бог и наказывает мужчин, оскверняющих святость брака; те же, кто отыгрывается за это на женах своих, достойны стократ более суровой кары, нежели эти последние. Так что я не удивляюсь суждениям того врача-францисканца, который называл брак почти адюльтером – в том случае, когда его оскверняют вышеописанным мною образом.

Вот отчего священникам нашим запрещено вступать в брак, ибо, ложась с женой и оскверняя таким образом свою чистоту, им после невозможно приближаться к святому алтарю. Мне доподлинно известно, что некоторые развратничают в постели с женой куда более смело,

³ «Я видел, как в зеленом лесочке монашка забавлялась с монахом, он снизу, она сверху» (лат.).

⁴ По-собачьи (лат.).

⁵ При том условии, что семя будет ввергнуто в матку жены; каким бы способом муж ни познает жену свою, он не совершит смертного греха, если направит семя в ее матку (лат.).

⁶ Когда жена столь толста, что может совокупляться (лат.).

⁷ Не будет совершен смертный грех, если муж извергнет семя в естественное лоно (лат.).

нежели гуляки со шляхами в борделях; там, по крайней мере, мужчины опасаются подцепить дурную хворь и потому держатся оглядливее иных мужей, которые беззаботно предаются бесстыдным забавам с женами своими, полагая их чистыми и безвредными и не боясь заразиться, хотя случается и такое; я и сам знавал мужей, награжденных позорной болезнью по милости жен, а впрочем, случается и наоборот.

Мужья, предающиеся недозволенным излишествами с женами, достойны осуждения, по мнению многих высокоученых докторов, ибо ведут себя в постели не как положено, скромно и пристойно, а распутничают, будто возлегли с наложницею, забывая о том, что брак заключается для исполнения супружеского долга и продолжения рода, а не для постыдных утех и блуда. Приведу в пример ответ императора Сейануса Коммода, иначе прозванного Анкусом Вером, супруге своей Домиции Кальвилле, попрекнувшей его тем, что он лишил ее многих плотских угодий и ухищрений, осчастливившая ими куртизанок, распутниц и шлях; вот что он сказал ей на это: «Смиритесь, возлюбленная супруга, с тем, что я удовлетворяю похоть мою с другими, ибо звание жены сообразно с достоинством и честью, но не с постыдным любострастием и развратом». Не могу сказать (ибо так нигде и не отыскал), что ему отвечала на это жена его, императрица, но, надо полагать, ее мало удовлетворила сия благостная сентенция, и скорее всего она в сердцах возразила ему так, как сделали бы многие, если не все замужние женщины: «Пропади пропадом эта ваша честь, и да здравствует наслаждение! Ибо с ним жизнь куда приятнее, нежели с честью».

Нет никакого сомнения и в том, что большинство нынешних мужей, да и не только нынешних, согласятся с этим девизом, ибо для чего же они вступают в брак, если не для приятного времяпрепровождения и всяческого любострастия, для обучения жен своих разнообразным ухищрениям, и позам, и бесстыдным возбуждающим речам, дабы Венера, дремлющая в каждой женщине, от всего этого пробудилась и встрепенулась; но беда, коли супруга, переняв сию науку, пойдет на сторону – ждут ее тогда побои, наказания, а то и лютая смерть.

Во всем этом столь же мало смысла, как если бы кто-нибудь, вырвав бедную девушку из материнских объятий, лишил девственности и чести, а после, натешившись вволю, побоями принудил бы ее жить целомудренно и честно; поистине большей нелепости в мире не сыскать! Кто из нас не сочтет такого мужчину безумцем, достойным порицания?! И кто не осудит за эдакое многих мужей, которые развращают и растлевают собственных жен куда усерднее, нежели сделали бы это их возлюбленные, ибо законному супругу всегда сподручнее любовника заниматься сим ремеслом; ну а дамы, пристрастившись к эдаким упражнениям, начинают заниматься ими то с тем, то с другим по примеру опытного всадника, кому стократ приятнее вскочить на коня, чем какому-нибудь увальню неумелому. «Ну что за проклятое ремесло Венерино! – сетовала та же куртизанка. – Как примешься за него, так уж до самой смерти не отстанешь, до того прилипчиво!» Вот почему мужьям следует быть осмотрительнее и не обучать жен своих чему не следует, а уж коли обучили, не наказывать за то, что дамы слишком резво побежали по дорожке, на которую те сами толкнули их.

Тут следует сделать отступление, рассказав об одной красивой и благородной замужней даме, мне знакомой, которая отдалась некоему знатному дворянину как из любви, так и из ревности к другой даме, бывшей у него любовницею на содержании. Лежа с ним в постели и наслаждаясь объятиями, она сказала ему: «Ну вот, теперь я могу быть довольна, наконец-то я одержала верх над любовью вашею к такой-то». На что дворянин возразил: «Как может взять верх особа, подчиненная другому и под ним лежащая?» Дама, уязвленная в самое сердце, признает: «Да, вы правы». И тут же проворно из-под него выбирается и, не дав ему опомниться, подминает под себя и усаживается верхом. Вряд ли какой всадник или римский воин вспрыгивал на коня столь резво, как дама эта вскочила на своего кавалера и принялась за работу со словами: «Ну вот, теперь-то я смело могу сказать, что взяла верх над вами, поскольку сию

сверху!» Даме этой не откажешь в остроумии и в смелом бесстыдстве, с каким она обошла своего любовника.

Слыхивал я об одной необыкновенно красивой и добронравной даме, страстно приверженной любовным забавам, но притом столь гордого и независимого нрава, что она не переносила, когда мужчина ложился сверху и таким образом подчинял ее себе; такое она почитала за величайшее унижение и решительно отвергала сей вид покорности и рабства, стремясь всегда и во всем верховодить. И еще одного придерживалась неукоснительно: никогда не отдавалась она мужчине выше себя ростом, боясь, что он, употребив силу, станет вертеть, крутить и ломать ее, как ему вздумается; напротив того, выбирала только равных себе или же низкорослых, коими могла командовать и помыкать в постели, при любовной схватке, не хуже иного военачальника на бранном поле; всем им приказывала она знать свое место и не чересчур усердствовать, а не то прощай любовь или сама жизнь; ни один из них, что стоя, что сидя, что лежа, так и не смог добиться перевеса хоть в какой-нибудь малости, подчинив или унизив даму, если не было на то ее согласия. Отношусь с этим рассказом к суду и мнению тех кавалеров и дам, кого заботит сия сторона любви с ее позами, телоположениями и способами.

Дама эта могла распоряжаться подобным образом, не нанося ни малейшего ущерба хваленной своей чести и горделивому сердцу, ибо, по отзывам некоторых опытных в сем деле людей, существует множество всяких способов и средств добиться покорности и послушания.

Вот, не правда ли, жестокая, странная и нелепая причуда гордого женского нрава! Хотя, с другой стороны, и здесь имеется свой резон, ибо нет большего страдания для гордой женщины, чем сознавать себя униженной, попранной, растоптанной; каково ей, при ее достоинстве, думать: «Такой-то сунул меня под себя и всю измял, как тряпку, только что ноги об меня не вытирает, а действует иначе, но одно другого стоит».

И та же дама никогда не позволяла любовникам своим целовать ее в губы, объясняя это так: «Прикосновение губ к губам есть самое чувствительное и драгоценное среди всех прочих касаний – руки ли, другой ли части тела, а потому не желаю, чтобы чужой, грязный, недостойный рот поганил мой собственный».

А вот и второй вопрос, который я желал бы обсудить: какое преимущество имеет более сильный над своим партнером, мужчиной или женщиной, в сих любовных схватках и победах?

Мужчина торжествует по вышеприведенной причине, а именно: победа кажется ему более почетной, когда он удерживает нежную свою неприятельницу под собою, подчиняет и приручает ее, крутит и вертит, как ему вздумается, ибо нет такой женщины, пусть даже самой знатной, которая, очутившись в эдаком положении хотя бы с низшим и неравным себе, не покорила бы закону и предписанию Венерину; вот почему вся слава и честь в данном случае принадлежат мужчине.

Женщина же рассуждает так: «Да, я согласна, что мужчина должен гордиться, удерживая меня под собою и подчиняя своей воле; однако же пусть его тешится своей пресловутой победою, зато я непременно одержу верх над ним веселостью, шаловливыми прихотями, словом как бы невзначай, но отнюдь не принуждением. Вдобавок стоит мне наскучить своею победою, как заставлю его служить мне усерднее раба или каторжника на галере, старательнее ломовой лошади, и он принужден будет трудиться, пыхтеть, потеть, изворачиваться и налегать из последних сил, тогда как я знай себе полеживаю и горя не знаю, да еще либо посмеиваюсь над бедным тружеником, либо жалею его – смотря по настроению, потом, вдоволь натешив свою прихоть, оставляю любовника на постели одного, измученного, заезженного, обессиленного и растерянного; теперь уж ему не до подвигов, только бы отдохнуть да подкрепиться каким-нибудь питательным блюдом, не то, глядишь, сейчас дух вон. Я же, после эдаких его вывертов и стараний, нимало не утомлена, а весьма даже ублажена и довольна и забочусь лишь о том, как бы найти другого столь же усердного всадника, готового к бою и капитуляции. Вот так-то, господин любовник! Словом сказать, я никогда не сдаюсь сама, но беру в плен нежного

моего неприятеля, памятуя о том, что легко сдавшегося ждет бесчестие, а сражающемуся до последнего вздоха уготована слава».

Одна красивая и благонравная дама поведала мне, как однажды ночью муж разбудил ее крепко спящую, дабы заняться любовью, после чего она ему сказала: «Теперь вы довольны? Ну а я еще нет!» И, находясь сверху, налегла на него всем телом, крепко стиснула руками и ногами, приговаривая: «Я вам покажу, как будить меня, в другой раз прежде крепко подумаете, стоит ли игра свеч!» – и давай мучить, тормошить и трясти мужа что было сил, а он, лежа под нею, никак не мог освободиться, и пришлось ему вторично поработать до седьмого пота, пока не взмолился он о пощаде и на последнем издыхании не поклялся ей, что отныне будет обладать женою только в положенное время, согласно ее настроению и желанию. Не правда ли, вот занимательный сюжет, более располагающий к размышлениям, нежели к изложению на бумаге?!

Таковы были резоны этой дамы – и вышеприведенный, и еще многие другие.

К сему мужчины присовокупляют и следующее: «У нас нет никакого сосуда, ни большого, ни малого, в отличие от женщин, которых природа наделила таковым и куда мы сбываем ту грязную субстанцию (коли можно так назвать мужское семя, изливаемое во время супружеских или просто любовных объятий), что оскверняет ваше лоно, уподобляя его помойной лохани». – «Верно, – отвечают дамы, – но сейчас же после того, как прекрасная ваша сперма, которую полагаете вы даже чище крови, попадает в нас, мы извергаем ее в лохань или горшок, куда сливают вонючие грязные помои, ибо что пятьсот, что тысяча, что две-три тысячи соитий, что миллион, все равно нам-то предостаточно одного-единственного, ибо матке нужна всего одна капля, коли та угодит в нужное место, ну а остальное, как уже сказано, прочь, в отхожий чулан! Так что не бахвальтесь тем, что оскверняете нас своею грязною спермою, ибо, кроме той одной, потребной для зачатия капельки, все прочее выбрасывается тотчас после объятий как ненужная мерзость. Притом мы говорим или думаем так: „Господин садовник, вы удобрили мой сад, вот же вам ваша поливка, возьмите ее себе, коли хотите; я более не нахожу в ней прежнего вкуса“. И заметьте себе, что самая ничтожная из шлюх может ответить подобным образом даже принцу или королю, коли он ее этим попрекнет, и будет в своем праве, выказывая такое пренебрежение, хотя королевская кровь – наиболее благороднейшая в мире и не всякая из нас удостоивается смешать ее со своею».

Вот каково мнение женщин – с той, однако, оговоркою, что негоже драгоценнейшей и чистойшей королевской крови осквернять себя соединением с чужою, неблагородною; недаром же по закону Моисееву запрещалось изливать семя в землю; что же сказать о нашем случае, когда королевскую сперму сливают в помойную лохань!

Уж лучше бы женщины поступали по примеру того знатного сеньора, который однажды ночью, возбуждись во сне, осквернил себя и замочил спермою простыни; он приказал закопать их в земле, сказавши, что негоже пренебрегать даже каплею, ибо в капле этой содержится неродившийся младенец, теперь все равно что умерший, а ведь она могла бы попасть в чрево женщины, и та родила бы ребенка.

Конечно, он мог и ошибиться, ибо случается, что от тысячи супружеских соитий в год женщина все равно не беременеет, а некоторые и за всю жизнь не могут понести, оставаясь бесплодными и бездетными, откуда и пошло богохульное мнение, что брак, мол, служит не столько для продолжения рода, сколько для наслаждения, – резон, коему верится с трудом, ибо коли женщина не беременеет от всякого соития, значит есть на то неведомая нам Господня воля в наказание жены или мужа; известно ведь, что самая великая милость, какую Бог благословляет супругов, есть здоровое потомство, рожденное в законном браке, а не в сожительстве; правда, многие женщины находят утеху в том, чтобы родить именно от любовника; эти воздерживаются от сношений с мужьями, дабы знать наверняка, что зачали не от них, а ежели и спят с ними, то не допускают внутрь себя их семя; не знаю, достойно ли это порицания, –

так человек со слабым желудком, взявши в рот скверный, несъедобный кусок, пожует его да и выплюнет прочь.

Вот отчего слово «кукушка», означающее тех апрельских птиц, что откладывают яйца в чужие гнезда, прилипло, в силу странного парадокса, к мужьям, в чье гнездо, а вернее, в чьих жен откладывают свое семя любовники, делая им незаконных детей.

И по той же причине многие женщины полагают себя верными мужьям своим именно тогда, когда спят с мужчинами, предаваясь плотским утехам, но не принимая семя, дабы совесть была чиста; так, рассказывали мне об одной знатной даме, что говорила любовнику: «Забавляйтесь со мною сколько угодно, ублажайте как хотите, но только берегитесь поливать мой сад: коли упустите хоть одну каплю, вам не жить». И приходилось бедняге, не теряя головы, в страхе стеречь тот миг, когда начнется прилив.

Мне довелось услышать похожий рассказ из уст шеваляе де Санзе из Бретани, весьма благородного, честного и храброго дворянина, который, не унеси его смерть еще в юные лета, обещал сделать блестящую морскую карьеру, начавши свою службу с подвигов, коих следы носил он на теле: пушечное ядро неприятеля оторвало ему руку во время морского сражения. В молодости постигло его несчастье: он был взят корсарами в плен и увезен в Алжир. Там продали его в рабство к главному местному мулле, у которого была жена-раскрасавица; женщина эта так пылко влюбилась в нашего Санзе, что приказала ему явиться к ней в покои для любовных утех, пообещав усладить его лучше, нежели всех своих других рабов, но притом строгонастрого, под страхом смерти или вечного заточения, воспретив излить в нее хоть одну каплю семени, ибо, по ее словам, не желала осквернить себя христианской кровью и тем самым тяжко оскорбить мусульманский закон и великого пророка Магомета; более того, предупредила его, что даже если она распалится и прикажет ему излить в нее все семя, доставив ей высшее наслаждение, то чтобы он не смел этого делать, ибо сей приказ будет повелением ее тела, но не души.

Санзе, которого содержали лучше и свободнее других рабов, хотя он и был христианином, дозволил себе этот грех, противный его вере, ибо куда же прикажете деваться человеку, попавшему в жестокую неволю?! Повинуясь своей госпоже, он сумел и ее ублажить, и в то же время не потерять головы: истово молот зерно на мельнице у дамы, не упуская, однако, ни капли жидкости, но, чувствуя начало половодья, тотчас отстранялся и изливал семя в другое место; за эту заслугу дама пылко возлюбила его, благо что он не послушался, когда она в забытьи кричала: «Оставьте, оставьте у меня, я вам позволяю!» – поскольку боялся побоев палками на турецкий манер, каковому наказанию часто подвергались на его глазах товарищи по несчастью.

Вот какова жестокая женская прихоть; турчанка эта во многом преуспела: и плоть свою потешила, и душу спасла, и христианскую веру слуги своего уважила, запретив ему смешивать свою кровь с турецкою; однако же, по словам Санзе, никогда в жизни не приходилось ему попадать в эдакий переплет.

Поведал он мне и другую, еще более занятную историю о том, как обошлась с ним турчанка, но, поскольку сей рассказ слишком уж скабрёзен, не стану приводить его здесь из опасения оскорбить слух целомудренных наших дам.

Какое-то время спустя Санзе был выкуплен из плена родственниками своими из богатого и знатного бретонского рода, к коему принадлежал и коннетабль, который нежно любил старшего брата и всеми средствами способствовал его освобождению; прибыв наконец ко двору, Санзе поведал господину Строщи и мне множество занимательных историй; одна из них и изложена выше.

Что же сказать теперь о мужьях, коим мало владеть и обладать своими женами, они же еще разжигают аппетит у их воздыхателей и любовников, не говоря о прочих. Знал я многих таких мужей, что нахваливали посторонним жен своих, расписывая их прелести, разбирая все

стали, смакуя супружеские улады и любовные сумасбродства в постели; более того, позволяли чужим мужчинам целовать и ласкать своих жен и даже видеть их обнаженными.

Чего заслуживают эдакие мужья, если не крепких ветвистых рогов?! Вот так же случилось с царем Лидийским Кандавлом, который вздумал нахваливать Гигесу несравненную красоту своей супруги, как будто его за язык тянули; а потом приказал ей явиться пред ними обнаженною; увидав царицу без покровов, Гигес столь пленился ею, что убил Кандавла да и завладел и женою его, и царством. По преданию, царица так возмутилась непотребством мужа, что сама склонила Гигеса к злодейству, сказав ему: «Пусть тот, кто заставил тебя смотреть на меня обнаженную, умрет от твоей руки, либо ты умрешь – от его». Вот и судите сами, умно ли поступил этот царь, разжигая у другого вождение к прекрасной юной плоти жены своей, которую должен был, напротив, хранить как зеницу ока.

Людовик, герцог Орлеанский, убитый впоследствии у ворот Барбетт в Париже, поступил иначе (а был он великим повесою и любил совращать знатных придворных дам): переспавши с одною из них, наутро принял он у себя в спальне ее мужа, явившегося засвидетельствовать герцогу свое почтение; накрыв голову дамы простынею, он обнажил все ее тело и, позволив мужу разглядывать и даже трогать его (отнюдь не видя лица), настойчиво спрашивал, нравится ли тому сия прекрасная незнакомка; муж был поражен красотой ее тела; наконец герцог милостиво отпустил его, и бедолага удалился, так и не узнав, что любовался собственной женой.

Коли бы этот муж позорче разглядывал жену свою в постели нагою, то, думаю, он тотчас признал бы ее по многим приметам; отсюда совет мужьям: не вредно изучить жену с обоих концов.

После того как злополучный муж покинул спальню, герцог Орлеанский спросил любовницу, сильно ли она перепугалась. Предоставляю вам самим судить, какую ужасную четверть часа претерпела бедняжка: окажись ее муж чуть посмелее и приподними он краешек простыни, пришел бы ей конец! Правда, герцог заверил ее, что в таком случае тотчас убил бы дерзкого, дабы помешать ему причинить зло своей жене.

Хорош же растяпа и этот муж: проспавши следующую ночь с женою, он рассказал ей о том, как герцог Орлеанский хвастал пред ним нагою любовницей, прекраснее которой он никогда не видывал, вот только о лице ее он, мол, судить не берется, ибо герцог скрыл его под простынею. Можно вообразить, о чем в тот миг думала его жена. Кстати, дама эта родила от герцога незаконного ребенка, прозванного Орлеанским бастардом, который впоследствии стал опорой французского престола и грозой Англии; от него и пошел благородный и бесстрашный род графов Дюнуа.

Но вернемся еще ненадолго к нашим догадливым мужьям, не узнающим нагого тела жен своих: слышал я об одном таком, который однажды поутру, одеваясь, принял у себя в спальне друга и показал ему жену свою, крепко спавшую в постели и по причине жары скинувшую с себя простыни; муж своею рукой откинул занавесь алькова, дабы солнце осветило поярче нагое ее тело, отличавшееся совершенною красотой, и позволил другу налюбоваться ею всласть; вслед за чем оба они поспешили во дворец к королю.

На следующий день дворянин этот (а он давно ухаживал за благонравной женой друга своего) рассказал ей, что видел ее обнаженною, а в доказательство перечислил все мелкие особенности прелестного ее тела, не забыв и самых потаенных мест; да и муж подтвердил его рассказ, добавив, что сам отдернул занавесь. Дама, от злости на супруга, не замедлила отдаться своему воздыхателю, чего он ранее никак не мог добиться при всей своей преданной любви.

Знавал я одного наизнатнейшего сеньора, который однажды поутру собирался на охоту, и пока его обували в спальне, допустил туда своих приближенных; жена его лежала рядом с ним в постели, зажавши в горсти его мужское орудие, как вдруг сеньор наш поднял одеяло столь проворно, что она не успела отдернуть руку, и все увидали, где она держала ее, да вдобавок и саму ее голою до пояса; сеньор со смехом обратился к присутствующим: «Ну как, господа, не

показал ли я вам много интересного, что у себя, что у моей половины?» Но супруга его была столь поражена и уязвлена сим поступком, особливо в отношении своей руки, что, думается мне, оплатила ему за сию шалость с лихвою.

Известен мне подобный же случай с одним знатным вельможею, прознавшим, что друг и родственник его влюбился в его жену, и вот, то ли желая по сильнее разжечь аппетит у сего воздыхателя, то ли злорадствуя оттого, что владеет такою красавицей, а тот – нет, он однажды поутру показался этому влюбленному в постели вместе с женою, обнаженной до пояса: вдобавок потребовал, чтобы тот оценил по достоинству мужнюю милость и глядел во все глаза. Судите сами, могла ли дама, оскорбленная эдакой бесцеремонностью своего супруга, не оказать воздыхателю другую милость, куда более приятную, украсив мужа своего тем, что он заслужил сполна, а именно ветвистыми рогами.

Слышал я историю о другом знатном сеньоре, который выставил жену нагишом пред повелителем своим, принцем, правда по просьбе или приказанию последнего, большого любителя эдаких зрелищ. Не правда ли, тут оба они виновны и достойны звания сводников, развратников и мучителей?!

Никогда не следует хвастать ни обнаженной женою, ни землями своими, ни прочим добром; один видный военачальник рассказывал мне, как покойный герцог Савойский отсоветовал последнему королю Генриху, возвращавшемуся из Польши через Ломбардию, въезжать в город Милан – на том якобы основании, что это может не понравиться королю Испанскому; причина, однако же, заключалась совсем в другом: он опасался, что король, попав в сей город и увидев его красоту, богатство и величие, соблазнится всем этим и пожелает захватить и отобрать назад, по закону и праву войны, подобно своим предшественникам. Вот какова была истинная подоплека, которую собеседнику моему растолковал покойный король, раскусивший хитрость герцога. Однако, желая угодить этому последнему и не досаждать королю Испании, он последовал данному совету и объехал город стороною, хотя имел сильнейшее желание посетить его; сие он сам милостиво поведал мне по прибытии в Лион; герцог же Савойский, без сомнения, в этой истории показал себя скорее испанцем, нежели истинным французом.

Я полагаю преступниками также и тех мужей, которые, добившись помилования стараниями жен своих и чрез них оставшись в живых, выказывают после того мерзкую неблагодарность, попрекают этих женщин в любовных связях с другими мужчинами и обращаются с ними жестоко и безжалостно, а иной раз посягают даже и на их жизнь. Слыхивал я об одном таком сеньоре, коего замыслили убить заговорщики; жена слезно умолила их не приводить сей злодейский замысел в исполнение и отвела от него гибель; что же муж? – стал обходиться с бедной женщиной хуже, чем с собакой.

Встречал я еще одного дворянина, которого обвинили в нарушении воинского долга, а именно в том, что он не защитил генерала на поле битвы, более того, сбежал, бросив его умирать без всякой помощи; приговорили этого дворянина к смертной казни на плахе, невзирая на двадцать тысяч экю, что дал он судьям за смягчение приговора. Жена его переговорила с одним знатным сеньором и, повинувшись разрешению и мольбам своего мужа, переспала с ним; и вот то, чего не добились деньги, сделали ее красота и прелесть ее тела: преступнику вернули и жизнь и свободу. Он же в благодарность замучил жену чуть не до смерти. Ну не достойны ли презрения эдакие злобные безумцы?!

Правда, знавал я и других, которые не поступали как вышеописанные, а, напротив того, отлично зная, откуда пришло спасение, всю свою последующую жизнь благословляли ту щель, чрез которую ускользнули от смерти.

Есть и еще одна разновидность рогачей: эти, промаявшись весь свой век с неверною супругой, не желают и в смерти расставаться со своею маятой; знал я одного такого, женатого на видной и красивой женщине, которою, однако, обладал на паях со многими другими; так вот, лежа на смертном одре, он все стонал: «Ах, душенька моя, помираю я! Ох, дал бы Гос-

подь, чтобы вы составили мне компанию и мы вместе отправились бы на тот свет! Тогда мне и помирать было бы куда как легче!» Но жена его, все еще не старая и пригожая, тридцати семи лет дама, не пожелала сопровождать его на сем скорбном пути, то есть оказалась поумнее пресловутой Эвадны, дочери Марса и Фебы, жены Капанея, которая, по преданию, столь горячо любила мужа, что бросилась в погребальный костер, куда возложили его останки, да и сгорела заживо вместе с ним, доказав тем самым свою верность и решимость не покидать супруга даже в смерти.

Альцеста поступила еще благороднее: узнав от оракула, что мужу ее Адмету, царю Фессалии, грозит скорая гибель, ежели никто не отдаст за него свою собственную жизнь, она ринулась навстречу смерти и тем спасла мужа.

Но, увы, нынче уж не сыщешь таких сердобольных женщин, что по своей воле легли бы в могилу прежде мужа либо следом за ним. Нет, «повывелась добрая порода», как выражаются парижские лошадики, когда не могут сыскать чистокровных скакунов.

Вот почему я счел неуместными причитания описанного выше умирающего мужа, который приглашал свою половину разделить с ним смерть, словно звал на праздник. В нем говорила злая ревность, ибо он предвидел, какие муки испытает в аду, зная, что супруга его, которую он так старательно обучил любовному ремеслу, не преминет пустить в ход сию науку в объятиях сердечного дружка или нового мужа.

Вот уж поистине странная ревность, да и не ко времени: он все грозился жене, что, коли смерть его минет, он больше не станет терпеть от нее того, что терпел доселе; однако ранее, будучи в добром здравии, преспокойно позволял ей жить и забавляться в свое удовольствие.

Не таков был бесстрашный Танкред, геройски прославивший себя в Крестовых походах. Оказавшись на пороге смерти и видя подле себя скорбящую жену, а с нею графа Триполитанского, он приказал им пожениться сразу после его кончины, что они и исполнили.

А ведь при жизни он видел их любовные шашни; жена его пошла резвостью в мать свою, графиню Анжуйскую, которая сперва долго была на содержании у графа Бретонского, потом у короля Франции Филиппа, от которого родила дочь по имени Сесиль: вот эту-то дочь она и выдала замуж за благородного Танкреда, который, по рыцарским своим достоинствам, никак не заслужил звания рогоносца.

Один албанец, состоявший на службе у французского короля, был приговорен к повешению за какие-то злодейства у себя на родине, в горах; когда вели его на казнь, он попросил дозволения увидеть свою жену и проститься с нею, а была она весьма красива и привлекательна. И вот он, прощаясь с женою, поцеловал ее и вдруг вцепился ей зубами в нос да и откусил его напрочь. Когда судьи спросили его, зачем он столь гнусным образом изувечил прекрасное лицо своей супруги, он отвечал: «Я поступил так из ревности, ибо жена моя столь хороша собою, что после моей смерти непременно попадет в руки кого-нибудь из друзей моих, будучи весьма лакомой до любовных утех, меня же самого забудет на другой день. Вот я и решил постараться, чтобы после того, как я умру, она помнила обо мне, плакала и горевала – ежели не из-за моей кончины, то хотя бы из-за собственного уродства, и пусть никто из моих близких не вкусит с нею тех наслаждений, какие познал я сам». Не правда ли, вот омерзительный ревнивец?!

Слыхивал я о других, которые, чувствуя приближение смерти от старости, немощи или боевых ран, тайно и скрытно сокращали, по злобе и ревности, дни супруг своих, даже молодых и красивых.

И вот довелось мне однажды подслушать спор об этих жестоких тиранах-мужьях и о том, имеют ли право женщины, заподозрив безжалостные их замыслы, опередить убийц и сыграть первыми, дабы спастись самим, а тех усласть подыскивать квартиры для постоя на том свете.

Из этого спора узнал я, что женщины считают возможными такие деяния, которые, разумеется, противны Господу, ибо Он запрещает всякое убийство, но зато обеспечат жизнь на этом свете; все они сошлись в том, что лучше самой опередить злодея, нежели позволить ему

опередить себя; что в конечном счете человек должен защищать свою жизнь, а поскольку даровал нам ее сам Господь, только Он один и может отнять, послав естественную смерть. Но знать, что тебя хотят лишить жизни, и не противиться сему злодейству и не спастись, коли можешь спастись, означает пойти на самоубийство, каковое Бог строго осуждает, вот отчего лучше уж отправить мужа вперед, вовремя отразив угрозу, как это сделала Бланш д'Овербрюкт со своим супругом, съёром де Флави, компьенским маршалом и губернатором, который предал Орлеанскую деву, став причиной ее плена и гибели. Дама эта, Бланш, прознала, что муж собирается утопить ее, и опередила его, успев с помощью мужнина цирюльника задушить злодея; король Карл VII тотчас помиловал ее – думаю, скорее из-за предательства мужа, нежели по другой причине. Об этом можно прочесть во «Французских анналах», в частности там, где пишется о Гиени.

Точно так же поступила, в царствование короля Франциска I, госпожа де ла Борн, которая обвинила мужа своего перед судьями во многих чудовищных преступлениях по отношению к ней и к другим, привела доказательства сих злодейств и добилась его ареста, суда и казни через отсечение головы. Я сам слышал историю эту от своей бабки, которая отзывалась о госпоже де ла Борн как о благороднейшей особе из хорошего рода. Вот эта женщина успела опередить лиходея-мужа.

Королеве Иоанне Неаполитанской также удалось первой покончить с инфантом де Майоркой, третьим своим супругом, которому она приказала отрубить голову по причине, описанной мною в других рассуждениях; однако вполне возможно, что она боялась его и решила опередить; полагаю, она была в своем праве, как и все другие дамы, которые опасаются злодеев-мужчин.

Я слышал о многих женщинах, которые не раздумывая, одним махом улаживали это дело и тем самым избегали собственной смерти; знавал я одну из них, которую муж застал с любовником; он ни слова не сказал ни той, ни другому, но удалился в страшном гневе, оставив их в страхе и растерянности. Дама, однако, сказала своему другу: «Даром что муж ничем не попрекнул и не наказал меня, чую я, что он замыслил какое-то злодейство; но пусть только я уверюсь, что он готовит мне гибель, и я заставлю его сойти в могилу первым». Судьба смилостивилась над этой дамою: по прошествии некоторого времени муж ее умер своею смертью, чему она немало порадовалась, ибо, как ни подлизывалась к нему, он с той самой поры глядел на нее волком и так и не простил.

Есть и еще один предмет для споров о разъяренных и опасных мужьях-рогоносцах, а именно кому из двоих должен мстить муж – жене или ее любовнику.

Одни уверяют, что мстить следует жене, основываясь на итальянской пословице, гласящей: «Morta est bestia, morta la rabbia o veneno»⁸. Этим кажется, что они избавятся от своего несчастья, уничтожив ту, что была его причиной; так же рассуждают, к примеру, ужаленные скорпионом: самым действенным лекарством почитают они того же скорпиона, убитого, раздавленного и прижатого к ране, им нанесенной; такого рода мужья называют главными виновницами своего позора жен. Притом я говорю здесь о благородных и знатных дамах, а не о каких-нибудь замухрышках подлого сословия; дамы эти умеют обратить свою красоту, прелесть и учтивые манеры в опаснейшее оружие и с ним открывают военные действия, которые мужчинам остается только продолжить; стало быть, более виноваты те, кто нападает, а не те, что обороняются; к тому же мужчины часто ввязываются в опасные, гибельные схватки по призыву тех же дам, возвещающих о своей любви многими ухищренными средствами; так, осаждающим невозможно проникнуть в большой процветающий и надежно укрепленный город, ежели за его стенами не сыщется какой-нибудь тайный благожелатель, который укажет дорогу внутрь и отопрет неприятелю ворота.

⁸ «Со смертью гадины умирает и ярость, и уже не нужен яд» (*ит.*).

Но поскольку женщины более слабы и хрупки, чем мужчины, надобно прощать им, зная, что коли уж они полюбят всей душой, то непременно и любой ценою добьются желаемого, а не станут таить эту любовь в глубине сердца, томясь и горюя (как поступают лишь немногие!) и утрачивая в печали свою красоту, которая, по их разумению, должна быть источником радостей и удовольствий, а не причиной смерти от любовной лихорадки.

Разумеется, я знавал многих дам, именно так и устроенных; они всегда нападали первыми, и не без причин: одни пленялись красотой, мужеством и привлекательностью мужчины, вторые рассчитывали выудить из него побольше денег, третьи жаждали драгоценных камней, жемчугов и платьев из золотой и серебряной парчи, – и все это они вытягивали из мужчин так же умело и ухватисто, как продавец вытряхивает плату из покупателя (недаром же говорится: «Баба берет, значит дает!»); четвертые гонятся за придворными милостями, пятые увлекают судейских, дабы получить, благодаря красивому телу, то, чего не получишь по закону; вдобавок к перечисленному все они ждут от любви сладостных любовных утех.

Видал я на своем веку многих женщин, до того влюбленных в своих дружков, что они бежали за ними по пятам, не отставая ни на шаг и покрывая себя позором пред всем светом.

Так, одна красавица, влюбившись по уши в знатного сеньора, носила его цвета, тогда как принято, напротив, чтобы воздыхатель носил цвета своей дамы. Я мог бы даже назвать эти цвета, но, боюсь, разоблачение будет слишком уж неприлично.

Знавал я еще одну даму, муж которой нанес оскорбление ее любовнику во время придворного турнира; пока торжествующий супруг на бале во дворце праздновал победу, дама с досады переделась мужчиною и побежала к своему дружку, дабы утешить его объятиями, ибо она сгорала от любовного нетерпения.

Я встречал одного благородного дворянина, имеющего добрую репутацию при дворе, который решил записаться в близкие друзья к некой красивейшей и привлекательной даме, благо она выказывала ему живейшее свое расположение; к другой же даме относился он с почтительным уважением, и не более того, хотя она непрестанно залучала его к себе сладкими любовными речами, говоря, к примеру, так: «Дозвольте мне, по крайней мере, любить вас, коли уж вы меня не любите; оцените не достоинства мои, но страстную любовь, что я питаю к вам!» (Хотя, разумеется, она при этом уповала именно на свои прелести!) Что ж было делать нашему дворянину, куда деваться? Пришлось ему полюбиться с нею, коль скоро она его так упорно осаждала, и лечь с нею в постель, а после спросить плату за сию услугу, ибо, само собой разумеется, за такие улады положено платить сполна.

Словом, я мог бы назвать бесконечное множество дам, которые сами искали милостей у мужчин, а не ждали, когда те у них попросят. Вот почему на них и лежит бóльшая вина, нежели на их любовниках: однажды наметив себе жертву, дама уже не остановится на полпути, а дойдет до конца, завлекая мужчину в свои сети нежными взглядами, телесными прелестями и шаловливой грацией, давно отточенной и испытанной на сто ладов; далее, умелой размалевкою лица, ежели оно не довольно красиво, кокетливым чепцом или наколкою, искусно и богато украшенной прическою, идущей к чертам, великолепными, роскошными нарядами, а главное, сладострастными, почти похотливыми речами, к коим добавляются ласковые и соблазнительные касания и ужимки, а также гостинцы и подарки. Не успел кавалер и оглянуться, как он уж в плену, и ничего ему не остается, как принять предлагаемое; почему и считается, что мужья должны в первую голову мстить женам.

Другие же полагают, что по возможности следует мстить любовникам, как тем, кто осаждал город: ибо ведь это они первыми объявляют войну, засылают лазутчиков, возводят валы и роют мины под стенами, палят из пушек и ходят на приступ и первыми же ведут переговоры с неприятелем; то же можно сказать и о любовниках, которые отважно и решительно осаждают крепость женской стыдливости, так что дамы, выдержав все тяготы борьбы, в конце концов поневоле должны выкинуть белый флаг, капитулировать и впустить нежного своего неприятеля.

теля в ворота. В чем, должен признать, они виновны менее, нежели иные думают: защищаться от захватчика не так уж легко, и здесь без потерь не обойтись; так, довелось мне видеть многих кавалеров, которые после длительной и упорной осады все-таки завладели предметом своей страсти, хотя дамы эти долго не сдавались и вначале уступать были вовсе не намерены, однако же почти все, а некоторые и против воли, капитулировали подобно тем парижанкам, что часто подают нищим не столько из жалости или из любви к Богу, сколько желая поскорее отвязаться от наглых приставаний; а еще бывает, что дама уступает домогательствам знатного сеньора из страха, не осмеливаясь отказать вельможе, который может в отместку и ославить, и обидеть, что я не раз и видывал на своем веку.

Вот почему мужья-злодеи, коим так сладко мучить, терзать и убивать жен своих, не должны вершить суд скорый и неправый, а сперва им следует тайком разузнать, что да как, пусть даже сие дознание будет им в тягость и ввергнет в раздумья и сомнения, доставив множество печалей.

Кстати, к сему: знавал я одного чужеземного принца, женатого на красивой и добросердечной даме, которую он покинул ради другой – то ли известной куртизанки, то ли соблазненной им фрейлины; этого ему показалось мало, он стал спать с любовницей своею в комнате, расположенной прямо под спальнею жены, и всякий раз, водружаясь на свою красотку, со злой радостью стучал два-три раза короткой пикою в потолок с криком «Эй, жена, я поехал!». Такое измывательство продолжалось много дней подряд и смертельно уязвило бедную женщину, которая наконец с отчаяния решила отомстить и отдалась одному весьма досточтимому дворянину, сказавши ему однажды в беседе с глазу на глаз: «Я хочу, чтобы вы спали со мною, иначе разорю и опозорю вас». Тот обрадовался столь редкой удаче и согласился не раздумывая. С тех пор, стоило принцу заключить в объятия свою наложницу и крикнуть: «Я поехал!» – как жена, милуясь с любовником, отвечала ему сверху: «И я тоже!» – либо: «А я вас обогнала!» Все эти словесные перепалки и скачки наперегонки тянулись до тех пор, пока принц наконец не заподозрил правды и, приказав последить за супругою, узнал, что та наградила его ветвистыми рогами и скакала так же резво, как муж, платя ему тем самым за глумление. Уверившись в ее измене, принц понял, что комедия обратилась в трагедию; когда он в последний раз возгласил ей свой «отъезд», а она ответила тем же, то взбежал по лестнице и внезапно распахнул двери ее спальни, застав любовников за делом. Дама сказала: «Я знаю, что погибла; можешь убить меня на месте, я не боюсь смерти, более того, желаю ее, ибо успела отомстить тебе, сделав рогоносцем; однако ты сам виноват в своем позоре, который я никогда не навлекла бы на тебя в ином случае; я была верна и предана тебе и не изменила бы ни за какие сокровища, но ты оказался недостойн такой честной и порядочной женщины, как я. Итак, убей меня хоть сейчас, но, умоляю, если у тебя в сердце осталась хоть искра милосердия, пощади этого беднягу, который попал сюда не по своей воле, но по моему настоянию и как орудие моей мести». Принц, однако, жестоко и безжалостно убил обоих. Посудите сами, что же иное могла сделать сия принцесса в ответ на мужнее презрение и издевательство, как не это?! Одни оправдают ее, другие осудят; много доводов можно привести и с той и с другой стороны.

В «Ста новеллах» королевы Наваррской есть одна весьма замечательная: она посвящена королеве Неаполитанской и весьма сходна с вышеприведенной; героиня точно так же отомстила мужу, но только развязка была не столь трагическою.

Но оставим в стороне злобных, обезумевших рогоносцев-мужей – довольно уж о них говорено; мерзкие и отвратительные их деяния недостойны подробных описаний, да и сам сюжет к тому не располагает. Побеседуем-ка лучше о рогоносцах снисходительных, благодушных и многотерпеливых, невзыскательных и мягкосердечных, на все закрывающих глаза и все сносящих с ангельскою кротостью.

Итак, среди этих рогоносцев бывают и вовсе несведущие, и те, что все знают еще до свадьбы, а именно, что девица или вдова, на коей собрались они жениться, успела пожить в

свое удовольствие; первые же ничего такого не подозревают и верят на слово избранницам своим либо их родителям, друзьям и знакомым.

Знавал я многих мужчин, что женились на девицах или дамах, отлично зная, что те прошли через руки королей, принцев, знатных и простых дворян; однако же, прельщенные их похождениями, а также богатством, драгоценностями и деньгами, заработанными любовным ремеслом, ничтоже сумняшеся вступали в брак с ними. Поговорим же здесь в первую очередь о девицах.

Слышал я историю о дочери великого государя, которая влюбилась в одного дворянина и отдала вместе с ним первых плодов любви, после чего аппетит у ней так разгорелся, что она целый месяц продержала любовника взаперти у себя в туалетной, потчужа его самыми отменными и изысканными супами и мясными блюдами, дабы в нем укрепились силы и не иссякла та чудесная субстанция, до коей она стала весьма лакома; обучившись под ним начаткам любви, она и дальше держала его наставником всю жизнь, не упуская меж тем и других учителей; позже, в возрасте сорока пяти лет, сочеталась она брачными узами с одним знатным сеньором, который ни словом не попрекнул ее, напротив, не мог нарадоваться на столь выгодную женитьбу.

Боккаччо приводит нам пословицу, модную в его время: «Девка употребленная – что луна нарожденная: та, что ни месяц, родится, а эта, глядишь, все девица». Пословицею этой намекает он на героиню одной из своих новелл, прекрасную дочь султана Египетского, которая пропустила через себя девятерых любовников одного за другим, поимев с ними дело не менее трех тысяч раз. Наконец выдали ее замуж за короля Альгарвы якобы девственницей; на самом же деле король тотчас распознал обман, но промолчал, довольный заключенным браком; новелла сия написана превосходно.

Слышал я от одного вельможи, что среди людей знатного сословия (не всех, конечно, но многих) не принято попрекать девиц тем, что они до замужества три-четыре раза прошли сквозь строй и пики мужчин; а говорил он это со слов одного сеньора, пылко влюбленного в знатную даму, также любившую его, но чуть более опытную, чем ее воздыхатель; однако возникло некое препятствие к их браку, и пришлось им расстаться, по каковому поводу вельможа мой спросил, успел ли он, по крайней мере, прокатиться на этой лошадке. И, получив ответ, что не успел, хотя и стремился к тому, заметил: «Тем хуже для вас, а вот усладили бы себя и горя бы не знали!» Ибо, повторяю, у знати не положено слишком строго блюсти девичью честь, и в родовитых семьях все сходит с рук, что до венца, что после. А добрые мужья и снисходительные роконосы и так предовольны.

Когда король Карл объезжал свои владения, в одном большом городе, который я назову позже, оставлена была девица, разродившаяся дочерью от одного весьма знатного сеньора; девочку поручили заботам бедной горожанки, коей уплатили за уход и кормление двести эку. Бедная женщина усердно воспитывала свою питомицу целых пятнадцать лет, по прошествии которых та выросла, стала совершенною красавицей и пошла по дурной дорожке, ибо родная ее мать четыре месяца спустя после родов вышла замуж за одного вельможу, а о дочери даже ни разу не справилась. Что и говорить, многоныко знавал я таких дам и кавалеров, беззаботных и бессовестных!

В бытность мою в Испании услышал я однажды историю о богатом и знатном андалузце, который выдал сестру за другого столь же высокородного сеньора; по прошествии трех дней он сказал новобрачному: «*Señor hermano, agora que soys casado con mi hermana, y l'haveis bien godida solo, yo lo hago saber que siendo hija, tal y tal gozaron d'ella. De lo passado ne tenqa cuydada, que poca casa es. Del futuro guardate, que mas y mucho a vos toca*»⁹. Этим желал он сказать,

⁹ «Господин брат мой, теперь, когда вы женаты на моей сестре и один пользуетесь ею, знайте, что в девушках она любила с таким-то и таким-то. Но не горюйте о прошлом, это все пустяки, а берегитесь будущего, ибо оно-то уж касается вас напрямую»

что сделанного не воротить, не о чем и сокрушаться, но будущее затрагивает честь мужа куда сильнее прошлого.

Многие мужчины придерживаются того же мнения, предпочитая быть рогоносцами, так сказать, задним числом, нежели в настоящем; в этом они, может статься, и правы.

Рассказывали мне об одном высокородном чужеземце, что выдал замуж свою раскрасавицу-дочь за другого знатного вельможу, который долго искал ее руки, да вполне и заслуживал ее; однако же перед тем, как выпустить дочь из дому, отец решил самолично снять пробу, говоря, что уж коли он так усердно воспитывал и взращивал сию породистую кобылку, то должен первым вскочить на нее, дабы проверить, на многое ли она годится. Не знаю, правда ли это, только говорили, что познал ее не один отец, но и другой красивый и благородный дворянин; муж тем не менее не увидел в этом поступке ничего для себя обидного – напротив, почел за честь. Да и решишь он ее осудить, его бы не поняли: она была красотка не из последних, а красоте к чему же пропадать зря?!

Слыхивал я и множество других историй об отцах, особливо знатного сословия, что обходились со своими дочерьми столь же бесцеремонно, наподобие петуха из басни Эзопа: петух этот встретил лисицу, и та стала угрожать ему смертью, от которой петух решил откупиться, собрав все свое добро, а главное, прекрасное свое потомство. «Ага! – воскликнула лисица. – Вы, господин сладострастник, топчете дочерей своих так же бесстыдно, как и других кур; за этот-то грех я и обрекаю вас смерти!» И тотчас сожрала петуха. Каково рассудила хитрая шельма?!

Вот и подумывайте сами, чем занимаются некоторые девицы с любовниками своими, когда еще задолго до них прошли через руки отцов, братьев, кузенов и прочих родственников.

Уже в наше время король Неаполитанский Фердинанд таким образом познал в браке тетку свою, дочь короля Кастильского, когда ей сравнялось не то тринадцать, не то четырнадцать лет; правда, сие свершилось с папского дозволения. Но поначалу священнослужители долго спорили и препирались по этому поводу, не зная, возможен ли подобный брак. Здесь стоит вспомнить римского императора Калигулу, который совратил всех своих сестер, одну за другою, из коих особенно сильно любил самую младшую, Друзиллу; ее он лишил девства, будучи еще совсем мальчиком, а впоследствии выдал замуж за консула Луция Кассия Лонгина, но вскоре отнял у мужа и стал жить с нею открыто, как с законной женой; и даже, заболев однажды, все свое имущество, то есть империю, завещал именно ей. А когда она умерла, он так скорбел о ней, что приказал отменить все судебные заседания и прочие работы, дабы народ вместе с ним соблюдал всеобщий траур; долго еще не стриг он волос и бороды в знак печали и, обращаясь с речью к сенату, военным или простому люду, неизменно клялся именем Друзиллы.

Что же касается других сестер, то он, вдоволь натешившись, пустил их по рукам своих приближенных, коих содержал и развращал наряду с женщинами; не желая помнить о том, что они услаждали его и потакали каждому его желанию, он весьма недостойно и безжалостно обошелся с ними: сослал в глухую провинцию, но прежде отобрал все кольца и драгоценности, дабы переплавить в монеты, ибо прокутил и растратил огромное наследство Тиберия и сильно нуждался в деньгах; однако вот что удивительно: вернувшись после его смерти из изгнания и увидев, что брат их схоронен небрежно, кое-как и тело его едва присыпано землею, бедняжки-сестры тотчас распорядились откопать прах и сожгли его на погребальном костре с оказанием всех необходимых почестей умершему; вот истинное великодушие, отнюдь не заслуженное столь развращенным и неблагодарным братом!

Итальянцы, желая оправдать извращенную любовь своих соотечественников, говорят: «Quando messer Bernardo il buccieco sta in colera et in sua rabbia, non riceve legge, et non pardona a nissuna dama»¹⁰.

Нам известно множество подобных историй о древних. Но вернемся к нашему рассуждению: слышал я рассказ об одном таком умельце, который выдал за друга красивую и благонравную девицу, похваляясь притом, что уступил ему знатную кобылку чистейших кровей, здоровую и резвую, почему друг и должен нижайше его благодарить; однако тот через приятеля своего из той же компании велел передать сему благодетелю следующий ответ: «Все это верно и прекрасно, только вот кобылку свою вы начали объезжать чересчур рано, отчего она нынче передком слабовата».

И вот еще что хотелось бы мне разузнать у господ мужей: получи они эдаких кобылок целыми и нетронутыми, без пороков да изъянов, неужто те обошлись бы им столь дешево? Ведомо ли им, что, не подвернись они под руку, девиц этих тотчас сбыли бы другим, быть может и более достойным; так барышники любую ценой отделяются от лошадки с порчею; так и родители, отчаявшись сбыть дочь замуж за приличного жениха, подсовывают ее какому-нибудь простофиле, да и то еще им сильно повезет, коли сыщут эдакого и всучат ему девицу, что повидала виды, либо только-только встала на дурную дорожку, либо собирается встать.

Сколько же повидал я на своем веку девиц, которые не донесли девственности до брачного ложа; однако же, наученные матерями, тетками и подружками, сведущими в распутстве, умело притворялись непорочными и напуганными при первой атаке мужа и с помощью всяких хитроумных способов и изобретений уверяли его, будто их сосуд никем еще не почат. Большинство таких притворщиц достигают этого криками и сопротивлением в первую брачную ночь, чем мужья их остаются весьма довольны, полагая, будто честь победы за ними и они первыми ворвались в осажденную крепость на манер храбрых бесстрашных солдат; назавтра они пыжятся, словно боевые петухи, и хвастают триумфом своим перед друзьями-приятелями, а бывает, и перед теми, кто побывал в сей крепости задолго до них, а нынче всласть потешается над простаком; ну а молодая жена, со своей стороны, делится радостью с теми наставницами, что так хорошо научили ее ломать комедию.

Бывают, однако, подозрительные мужья, коих сопротивлением этим не обманешь и криками вокруг пальца не обведешь; один из них, мне знакомый, спросил у жены, с чего это она так брыкается и отбивается – неужто не любит его? Молодая стала оправдываться тем, что она, мол, боится боли, какую он может ей причинить. Тогда муж возразил: «Вы, стало быть, это уже испытали, ибо как можно бояться того, что вам неизвестно?» Но хитрая девица не попала на эту удочку, заявив, что наслушалась замужних подружек, которые ее и предостерегали. «Хорошенькие же беседы ведете вы меж собою!» – отвечал муж.

Есть и другое средство, коим пользуются такие женщины, а именно показать наутро после брачной ночи простыни, испачканные кровью, какую проливает бедная девственница, в муках потерявшая невинность; в Испании, например, заведено выставлять эту простыню в окне с громким криком: «Virgen la tenemos!» (Она у нас девственница!)

Я слышал, что и в Витербо обычай сей поныне в ходу. Но те, кто прошел огонь, воду и медные трубы и не могут похвастаться собственной девственной кровью, придумали хитрую уловку (о которой и в Риме мне поведали многие молодые куртизанки): дабы набить цену своей так называемой непорочности, они вымазывают простыню голубиной кровью, которая считается чище любой другой; назавтра муж при виде такой простыни расцветает от счастья, поверив, что это следы девственности его жены; бедняга гордится собственной доблестью, не подозревая, сколь глубоко заблуждается.

¹⁰ «Когда мессир Бернардо похотливый войдет в разгул и раж, ему закон не писан: он, строптивый, свою исполнит блажь» (ит.).

По этому поводу расскажу забавную историю об одном дворянине, который в первую брачную ночь оказался бессилён познать жену; она же, отнюдь не будучи невинной и добропорядочной девицею и боясь гнева супруга, не преминула, по совету опытных матрон, кумушек и близких подружек, запастись испачканным кровью лоскутом; на ее несчастье, муж так и не смог взбодрить свое орудие, ей же пока еще не подобало выказывать свою прыть и любовное искусство, ибо сие было бы весьма странно для непорочной юницы; не пришлось ей и обороняться от наскоков мужа, визжа, царапаясь и кусаясь (как ожидали соглядатаи, попрятавшиеся по углам спальни), – словом, ровно ничего в ту первую ночь не случилось.

Ближе к утру, по заведенному обычаю, кто-то из гостей, вставши из-за свадебного стола, отправился в спальню да и стащил оттуда пресловутую простыню, на коей присутствующие усмотрели следы крови; она была внезапно выставлена на всеобщее обозрение с ликующими криками, что вот, мол, сколь славно новобрачная рассталась со своею непорочностью и кровь сия – свидетельство того, как лихо молодой супруг разорвал девственную плевую; тот, однако же, отлично помнил, что ничего такого не совершал, и при виде испачканной простыни впал в великое изумление, но вовремя спохватился и гордо напыжился; лишь после, поразмыслив как следует, заподозрил наконец хитрую потаскливую плутню, но ни единым словом не обмолвился о своей догадке.

Новобрачная же и confidentки ее все дивились его притворству. Так оно и шло целую неделю кряду, вслед за чем муж обрел должную силу и наездился всласть на молодой жене; потом, словно позабыв про обман, во всеуслышание объявил, что нынче показал свою удаль и сделал супругу настоящей женщиной, добавив к сему, что ранее был поражен бессилием. Вот когда все вокруг принялись удивленно судить и рядить об этих чудесах, перемывая косточки новобрачной, что ввела их в заблуждение запачканной простынею; так-то она и опозорила сама себя, попавшись в собственную ловушку из-за бессильного мужа.

Многие мужья с первой же ночи узнают, порочны или непорочны их жены, судя по тому, сильно ли заезжена дорога; так, один мой знакомый женился на даме, уже побывавшей до того в браке, но уверявшей, будто первый ее муж из-за бессилия своего к ней и не притронулся и она непорочна, как девица; однако после первого же перегона он сказал ей: «Э-э-э, милая моя, не больно-то похожи вы на девственницу, у которой не сразу и путь отыщешь; ваша дорожка столь широка и наезжена, что на ней заблудиться мудрено!» И верно заметил: на этой стезе ему не помешали ни барьеры, ни ухабы, все прошло как по маслу; коли первый муж и впрямь ее не почал, видать, за него постарались многие другие.

Что же говорить о заботливых матерях, которые, видя мужскую немощь своих зятьев, становятся своднями при дочерях и подсовывают их другим мужчинам, советуя даже и забременеть от них, дабы занять наследника после смерти мужа.

Знавал я одну мамашу, что склоняла дочь к супружеской измене и пособляла ей изо всех сил; к несчастью, та не смогла понести даже и от любовника. Знаю я и мужа, который, не будучи в силах сам справиться с женою, призвал рослого, крепкого слугу, дабы тот познал ее спящую и тем самым спас его мужскую честь, однако жена вовремя проснулась и не допустила парня до себя, после же подала в суд на мужа, и в конце концов после долгой тяжбы их развели.

Король Генрих Кастильский поступил тем же манером: по свидетельству Батисты Фульгозиуса, он был не способен сделать ребенка своей супруге и прибег к помощи молодого красивого придворного, каковое поручение тот и выполнил весьма исправно; за услугу эту король щедро наградил его, осыпал почестями и титулами; нужно ли сомневаться, что супруга короля в благодарность нежно возлюбила его. Вот поистине благородный роконосец!

По поводу супружеского бессилия проходил недавно судебный процесс в Париже, где ответчиком выступал казначей съёр де Бре, а истицею – жена его, утверждавшая, что он не спит с нею по причине мужской слабости или иной какой немощи: удрученная сей ущербностью супруга, жена и подала на него в суд. Судьи решили, что сперва их обоих должны осви-

детельствовать самые видные парижские врачи. Муж выбрал себе одних, жена – других; по этому случаю при дворе сложили весьма забавный сонет, который передала мне в руки знакомая знатная дама за обедом у ней в доме. Одни говорили, будто он сочинен женщиною, другие уверяли, что мужчиною. Вот этот сонет:

Почтенный съёр де Бре и верная супруга,
Которых тяготил бесплотный их союз,
Избрали семь врачей известнейшего круга,
За деньги могших снять любых страданий груз.

Три нанялись де Бре избавить от недуга.
Недорого берут Бессиль, Сонье, Кургуз.
Жене помочь в беде взялись четыре друга —
Верзиль, Толстель, Дюже, всеведущий Бутуз.

Заране ясно, кто кого осилит:
Верзиль одержит верх над немощным Бессилем,
Дюже побьет Сонье; Толстель, Бутуз – Кургуза.

Кому не друг Верзиль, Дюже, Бутуз, Толстель,
Тот проиграет суд, как женину постель,
А проигрыш такой ужасен для француза!

Слышал я и о другом муже, который в первую ночь столь нежно и страстно обнял молодую жену, что та от восторга и удовольствия потеряла голову и принялась весьма резво подпрыгивать и тереться об него, забыв о робости, приличествующей новобрачной; на это муж только и промолвил: «Ага, все понятно!» – да и помчался вскачь по наезженной дорожке. Вот каковы наши осведомленные рогоносцы; я мог бы рассказывать о них без конца, но не вижу в этом толку. Самое худшее, в чем можно их упрекнуть, так это женитьба, как говорится, на телке с теленком, иными словами – на беременной. Я знаком с одним таким дворянином, который женился на весьма пригожей и добронравной девице по милости и воле принца, их господина, благосклонного и к жениху, и к невесте; по прошествии недели новобрачной стало ясно, что она с прибылью, и ей ничего иного не осталось, как самой объявить о том, дабы скрыть прошлые шалости. Принц, давно уже заподозривший шашни девицы с другим своим придворным, предупредил ее: «Знайте, моя милая, что у меня записаны день и час вашей свадьбы; берегитесь, когда мы сравним их с днем и часом родин ваших, как бы не вышло вам позора!» Но девица при этих словах всего лишь слегка зарделась, и ничего более; стыд же свой скрыла под невозмутимой личиною *dona da ben*¹¹.

Бывают, однако же, девицы, которые так боятся отца и матери, что легче вырвать у них сердце из груди, нежели лишиться девственности, ибо родители для них во сто крат страшнее мужей.

Слышал я историю об одной красивой и благонравной девице, которая на любовные домогательства воздыхателя своего отвечала так: «Потерпите немного, вот как я выйду замуж да распечатают и набьют мне чрево, тут-то мы с вами и позабудемся вволю, а брак – он все прикроет».

Другая девица также сказала вельможе, что ухаживал за нею: «Попросите-ка нашего принца выдать меня поскорее за того, кто ищет моей руки, да оплатит мою свадьбу, как он и

¹¹ Добропорядочной женщины (*исп.*).

посулил; на следующий же день после венчания мы с вами слюбимся, и пусть Бог меня покарает за обман, коли я надую вас!»

Я был знаком с дамою, которую один дворянин, родственник ее жениха, начал обхаживать за четыре дня до бракосочетания; не прошло и шести дней, как он уж переспал с нею, по крайней мере хвастался этим. Да и трудно было не поверить, ибо они льнули друг к другу так, словно выросли вместе; он даже перечислял чуть ли не все родинки на ее теле, в самых укромных местах, и связь их длилась довольно долгое время. Дворянин этот говорил, что близость их много облегчалась родством его с мужем; так, на одном маскараде он и его любовница обменялись одеждою: она надела его костюм, а он – ее платье, над чем доверчивый супруг весело смеялся, все же прочие злословили и осуждали.

Ходила при дворе нашем песенка о муже, что женился во вторник, а рога надел в четверг; вот уж поистине не задержался и времени зря не терял!

Что же сказать о девице, чьей руки упорно искал один юный дворянин, даром что из богатой и знатной семьи, но большой мерзавец, вовсе ее не достойный, за коего, однако, родители заставляли ее выйти. Девушка объявила, что скорее умрет, нежели станет его женою, и умоляла жениха отказаться от своей любви и оставить в покое ее самое и родителей, иначе, будучи принужденной к этому браку, тотчас сделает его рогатым. Но все же пришлось ей подчиниться приказу и повелению особ, имевших над нею власть, а также и воле родителей.

Накануне свадьбы жених, видя девушку печальной и задумчивой, спросил, что с нею; она гневно отвечала: «Вы не пожелали отказаться от меня, так не забудьте же мое обещание: ежели я буду иметь несчастье стать женой вашей, то сделаю вас рогоносцем – клянусь вам в этом и сдержу мое слово». И верно, с тех пор она не отказывала ни одному из своих воздыхателей и воздыхательниц, доказав мужу вполне, что порядочная женщина умеет держать данное слово.

Судите сами, достойна ли сия дама порицания: за одного ученого двух неученых дают, а ведь она мужа недвусмысленно предупредила. Что бы ему остеречься и воздержаться от брака! Впрочем, он ее изменами нимало не озаботился.

Такие девицы, отдающиеся любовникам тотчас после венца, поступают сообразно поговорке итальянцев: «*Che la vacca, che e stata molto tempo ligata, corre più che quella che ha havuto sempre piena libertà*»¹². Так же поступила уже упомянутая мною первая супруга Бодуэна, царя Иерусалимского, которую муж силой обратил в свою веру: выбравшись из монастыря и сбежав в Константинополь, она там предалась такому распутству, что не пропускала никого – ни прохожих, ни солдат, ни богомольцев, идущих в Иерусалим, и, как последняя потаскуха, ложилась под каждого, забыв о своем королевском достоинстве, а причиною тому великий пост, что претерпела бедняжка в заточении. Да и не одна она, а множество других пускались во все тяжкие, вырвавшись на волю.

Как же не назвать добряками мужей-рогоносцев, которые позволяют женам своим развлекаться на стороне с теми, кто ищет их милостей, а заодно извлекают из жениной неверности немалую пользу и прибыль для самих себя?! Великое множество эдаких мужей кружит подле королей и принцев в ожидании денег, титулов и прочих благ; еще недавно прозябая в бедности, заложив имущество свое либо разорившись в тяжбах или на войне, они, глядишь, вдруг поднимаются на вершину славы и богатства через ту узенькую щель, что составляет главное достоинство их супруг, и видят в том отнюдь не оскорбление, но, напротив, славу и почет; и горе той даме, что утратила сие драгоценное достоинство, как одна моя знакомая, которую муж нечаянно наградил не то сифилисом, не то гонореей, лишив тем самым красоты и половины того органа, коим она пособляла ему. Поверьте, что милости и благодеяния сильных мира сего способны развратить любую чистую душу и наплодить множество рогоносцев. Вот, к примеру, история об одном иноземном принце, который во время какой-то затянувшейся войны

¹² «Из пары коров та будет пропащей, что в стойле держали, гулять не давали» (ит.).

назначен был генералом по приказу короля и, отбывая надолго, оставил при дворе жену-раскрасавицу; повелитель нашего доблестного воина не преминул соблазнить ее, да притом так поусердствовал, что вдобавок и обрюхатил.

По прошествии тринадцати или четырнадцати месяцев вернулся муж и, застав жену в столь интересном положении, впал в неопишную ярость. Пришлось бедной даме (а она за словом в карман не лазила) изворачиваться и оправдываться и пред ним самим, и пред деверем; наконец она сказала мужу так: «Сударь, экспедиция ваша вызвала крайнее неудовольствие при дворе (а он и впрямь неудачно провел кампанию) и репутация ваша столь пошатнулась, что, не проникшись ваш повелитель любовью ко мне, вам бы и вовсе конец; вот почему я, не желая вашей гибели, решила погнубить сама. Но не печальтесь: я нанесла больший урон своей чести, нежели вашей; для вашего спасения пожертвовала я самым драгоценным, что имела; судите же сами, так ли сильно я оскорбила вас, как вам кажется, коли без меня и жизнь, и честь, и положение ваше – все было бы утрачено. Нынче же дела ваши устроены лучше, чем прежде, и пусть свидетельство неверности моей слишком бросается в глаза, никто не осмелится вслух порицать меня. Так простите же и вы мое прегрешение».

Деверь дамы, такой же краснойбай, как и она, присовокупил к сему свои не менее убедительные резоны; вдобавок, может статься, и у него рыльце было в пушку; словом, оба они постарались на славу. Что ж, пришлось мужу смириться и простить, после чего они зажили лучше прежнего, душа в душу, как добрые супруги и друзья, чем, однако, государь и повелитель, запачкавший их семейное гнездо, остался, как я слышал, весьма и весьма недоволен; он так и не простил мужу его снисходительности и с тех пор обходился с ним холоднее, чем прежде, хотя в глубине души и радовался тому, что дама не артачилась и покорно усладила его. Многие кавалеры и дамы оправдывали бедняжку, находя, что она поступила благородно, погубив себя во спасение супруга, дабы вернуть ему монаршию милость.

Ах, и не сказать, сколько примеров того же рода можно привести к сему случаю; помяну лишь одну знатную даму, спасающую жизнь мужу, которого суд приговорил к смертной казни за взятки и прочие денежные плутни с государственной казною в свою пользу; муж потом всю жизнь любил ее за это, холил и лелеял.

Слышал я также историю об одном высокородном сеньоре, коего приговорили к отсечению головы и уже было возвели на эшафот, как вдруг пришла весть о помиловании; а добилась этого дочь названного сеньора, весьма красивая девушка: отец, сходя с эшафота, заметил только: «Благослови, Господи, щедрую п... моей дочери, через которую я спасся!»

Святой Августин размышляет в сомнениях, согрешил ли некий христианин из Антиохии, когда, будучи заключен в темницу из-за крупного денежного долга, позволил жене переспать с богатым купцом, который, в доброту своей, посулил еще и откупить ему эту сумму.

Коли уж святой Августин не в силах разрешить сие сомнение, то что же сказать о множестве женщин, вдов и девиц, которые во спасение родственников своих, отцов и мужей отдаются телом (особливо красивым телом) тому, кто имеет власть избавить несчастных от тюрьмы, рабства, смерти, осады и взятия города – короче, от неисчислимых бедствий, вплоть до того, что некоторые из этих дам вербуют в своей постели военачальников и солдат, дабы те сражались на их стороне или помогли выдержать долгую осаду (о чем я мог бы рассказывать и рассказывать), не боясь из любви к ближним запятнать собственную честь. Да и можно ли запятнать ее сим благородным деянием, из коего выходит одно лишь великое благо?!

Кто осмелится утверждать обратное, заявив, что позорно ходить в рогоносцах, когда положение сие приносит спасение от смерти, процветание, милости и титулы, деньги и прочие благополучия? Да я знаю десятки мужей – а слышал и о сотнях других, – кому удалось сделать карьеру и преуспеть благодаря красоте и податливости их жен!

Не хочу никого обижать, но осмелюсь все же заметить, что, по мнению многих мужчин и женщин, дамы оказывают мужьям своим неоценимую услугу, раздобывая то, чего собственными достоинствами супругу вовек не раздобыть.

Я знавал одну весьма ловкую даму, которая добилась ордена Святого Михаила для своего мужа: награду сию, кроме него, носили всего только двое наизнатнейших принцев во всем христианском мире. Дама часто говаривала мужу во всеуслышание (она была нрава общительного и любила принимать у себя гостей): «Ах, друг мой, долгоныко же пришлось бы тебе гоняться за сим диковинным зверем, что нынче ты носишь на шее!»

Слышал я историю об одном вельможе времен короля Франциска: вельможа этот, получив тот же орден и желая возвыситься над покойным господином де Шатеньере, моим дядею, сказал ему с насмешкой: «Вам, верно, хотелось бы носить на шее такой же орден». На что дядя мой, остролов и шутник, каких мало, отбрил не задумавшись: «По мне, лучше сдохнуть, нежели лазить за орденами в ту узкую щель, в какую вы пролезли». Вельможа не нашелся что ему возразить на это, слишком хорошо зная, откуда подул ветер.

Слышал я и другую историю об одном знатном сеньоре, коему жена выхлопотала и сама принесла указ о назначении на некий высочайший государственный пост; указ этот даровал ей принц в благодарность за известные милости; муж решительно отверг сие назначение, ибо супруга его целых три месяца пребывала в фаворитках у принца, о чем он догадывался; тем самым проявил он благородство души, коим выгодно отличался всю свою жизнь; но какое-то время спустя все же принял сию должность, совершив поступок, о котором я здесь распространяться не стану.

Вот эдаким-то манером дамы наши затевают и выигрывают баталии, какие кавалерам и не снились; я хорошо знаю сих воительниц и мог бы назвать их поименно, да боюсь угодить в сплетники и злопыхатели; расскажу лучше, как наши прелестницы доставляют мужьям не только почет, но и богатство.

Знавал я одного бедного дворянина, который привез ко двору красотку-жену; не прошло и двух лет, как они зажили припеваючи и деньгам счет потеряли.

Надобно еще благодарить тех дам, что доставляют прибыль мужьям своим, а не делают их разом и голодранцами и рогносоцами, как, например, Маргарита Намюрская, которая сдуру отдала все свое добро Людовику, герцогу Орлеанскому, притом что он и так был могущественным и знатнейшим сеньором, братом короля; она разорила мужа дотла, ввергнув в нищету и вынудив продать свое графство Блуа все тому же герцогу, который даже не подумал отблагодарить глупую женщину за то богатство, что она отобрала у мужа и принесла ему. Ну а в том, что она была глупа, сомневаться не приходится: кто же, находясь в бедности, отдает деньги богатому?! Герцог же взял, да еще и посмеялся над ними обоими, что было весьма свойственно этому вельможе, легкомысленному и непостоянному в любви.

Знавал я еще одну даму, которая, влюбившись по уши в некоего придворного и дозволив ему пользоваться ее милостями, все стремилась пощеднее одарить своего возлюбленного, но никак не могла сделать это, ибо муж прятал от нее кошелек с деньгами не хуже иного кюре; тогда она преподнесла сердечному другу все свои украшения, стоившие не менее тридцати тысяч экю; при дворе шутили, что теперь человек этот может выстроить целую крепость из этих драгоценных камней – столько их было; вслед за тем даме досталось большое наследство; завладев еще двадцатью тысячами, она и из них бóльшую часть подарила любовнику. Говорили, что, не получи она этих денег, она бы ему отдала и рубашку и платье с себя. Не правда ли, эдакие алчные злодеи и вымогатели достойны самого сурового осуждения за то, что вытягивают последнее из потерявших разум безумиц; ведь кошелек – не женское чрево, никогда не скудеющее от щедрот своих; он сам собою не пополнится, и то, что оттуда выудишь, – пиши пропало! Придворный, коего любовница осыпала своими камнями, спустя некоторое время умер, и все его имущество, по парижскому обычаю, пустили с молотка; вот когда украшения

дамы выплыли на свет божий, и их узнали все, кто видел эти камни на ней самой; то-то было позору безрассудной женщине!

Один знатный принц, питавший любовь к некой добронравной даме, приказал купить дюжину бриллиантовых пуговиц, великолепно обделанных и покрытых письменами в виде иероглифов загадочного содержания; он преподнес эти пуговицы своей любовнице, которая, внимательно рассмотрев их, заметила, что не нуждается в загадочных изречениях, ибо между нею и им все давно уже сказано ясно и непреложно.

Знавал я одну даму, которая часто говаривала мужу, что скорее сделает его вороватым, нежели рогатым; поскольку оба эти звания весьма двусмысленны, супруги, надо полагать, могли похвастать небольшою толикой и того и другого.

Однако думаю, что большинство дам поступают иначе, берегут кошельки свои куда строже, нежели пылкие тела, и, даже будучи весьма богатыми, редко одаривают кавалеров, разве что время от времени преподнесут недорогое колечко, муфту, шарф или иную безделицу, полагая, что так заставят больше уважать и почитать себя.

Впрочем, знавал я одну весьма знатную даму, отличавшуюся необыкновенной щедростью и дарившую любовникам своим шарфы, перевязи и прочее убранство, из коего даже малейший пустяк стоил от пятисот экую до трех тысяч; вещи эти, изукрашенные вышивкою, жемчугами и драгоценными камнями, по великолепию не знали себе равных. И она требовала, чтобы мужчины не прятали ее подарки по сундукам да кошелькам, как иные дружки иных дам, но открыто щеголяли в них пред всем светом, украшая ими себя, а собою – их и прославляя щедрую дарительницу, которая отличала своих любимцев по-царски, как и подобает истинно благородной даме, не в пример тем прижимистым бабам, что раскошелятся, самое большее, на какой-нибудь серебряный перстенок. Но чаще всего дарила она мужчинам красивые кольца с драгоценными камнями, ибо роскошный шарф, или бант, или кружево надевают лишь в торжественных случаях, кольцо же на пальце носится каждодневно и всегда уместно.

Разумеется, при этом истинно благородный и великодушный кавалер должен служить даме за красоту, которой она блистает, а не за золото и камни, коими блистают ее подарки.

Что до меня, то могу похвастаться: я и сам нередко служил добронравным дамам, притом отнюдь не низшего сословия, и коли бы принимал от них все, что они дарили мне, или вымогал то, что хотел, уж верно, был бы нынче богачом и имел предостаточно всякого добра, и мебели, и денег на тридцать тысяч экую поболее, однако всегда довольствовался малым, предпочитая доказывать любовь мою скорее щедростью, нежели алчностью.

Разумеется, будет только справедливо, ежели мужчина, пользуясь милостями дамы, положит ей в мошну столько же, сколько она дала ему за его нежную службу, но во всем следует знать меру: не подобает кавалеру швыряться деньгами по прихоти любовницы, не подобает и ей вконец разоряться на милого друга: лучше всего соблюдать в сих делах разумное равновесие.

Я часто видел, как мужчины утрачивают любовь к женщинам из-за их жадности и скупости: наскучив непрестанными просьбами и требованиями своих любовниц, они решительно бросали их и уж более к ним не возвращались; что ж, поделом надоедам!

Вот почему истинно благородный возлюбленный должен печься скорее о плотских радостях, нежели о материальной выгоде; когда дама чересчур вольно распоряжается семейным достоянием и муж видит, как оно тает и уплывает на сторону, он досадует на это куда более, нежели на ту свободу, с какою она распоряжается своим телом.

Бывает и еще один вид рогоносцев – из мести, когда кто-нибудь, возненавидев знатного сеньора или простого дворянина, да и любого человека за нанесенный ущерб либо афронт, вступает в любовную связь с его женою и, соблазнив ее, украшает обидчика своего рогами.

Знавал я одного высокородного принца, против которого затеял мятеж подданный его, также знатный вельможа; не будучи в силах отомстить, тем более что тот скрывался от своего повелителя, не даваясь ему в руки, принц решил отыграться на жене: та однажды явилась ко

двору, дабы испросить милости для супруга, и ей назначена была аудиенция в саду, где стоял уединенный павильон. Дама пришла туда, но вместо дела услышала лишь любовные признания, после чего принц легко одержал над нею победу; впрочем, дама особенно и не противилась, будучи привержена сему занятию. Однако, не удовлетворясь сей мезью, принц пустил даму по рукам, отдав своим придворным и даже лакеям. Позже он говорил, что отомстил своему мятежному подданному сполна, переспав с его женою и украсив ему голову ветвистой короною именно затем, что тот мечтал сделаться монархом и повелителем; вот, мол, и достался ему венец, да только не золотой, а роговой.

Тот же принц обошелся подобным манером с одной молодой девушкой, да еще с ведома матери: зная, что она помолвлена за другого принца, его кузена и неприятеля, он насильно овладел ею и лишил невинности, после чего, два месяца спустя, выдал замуж за ее суженого якобы девственницей, сочтя таковую мезь весьма сладкой в ожидании другой, куда более суровой, но отдаленной.

Знавал я одного благородного дворянина, который, будучи увлечен одной знатной и красивой дамою, вымаливал у ней награды за свои нежные чувства; она же решительно отказывала ему в свидании наедине, поскольку была убеждена, что он добивается ее любви не из-за красоты ее, но из желания отомстить ее мужу, нанесшему этому дворянину какое-то оскорбление; тот, однако, отрицал сие намерение и в течение еще двух лет продолжал столь верно и преданно ухаживать за дамою, что разуверил ее совершенно, и она наконец даровала ему то, в чем прежде отказывала, объявив, что ежели в начале их знакомства и подозревала его в злодейских замыслах, то ныне предовольна и охотно уболаготворит и кавалера своего, и себя, ибо столь нежного воздыхателя положено любить и поощрять. Судите сами, сколь разумно повела себя дама, не позволив любви увлечь ее на тот путь, куда ее тянуло против воли, пока она не уверилась вполне, что ее любят за достоинства, а не из мстительных планов.

Однажды господин де Гуа, один из самых блестящих французских дворян, ныне покойный, пригласил меня ко двору к себе на обед. За столом собралось с дюжину образованнейших людей того времени, в их числе господин епископ Дольский из бретонского рода д'Эпине, господина Ронсар, де Баиф, Депорт, д'Обинье (двое последних еще живы и могут подтвердить мой рассказ); других гостей я не припомню, знаю лишь, что среди присутствующих было только двое военных – сам де Гуа и я. Заговорили о любви, о ее уладах и печалях, удовольствиях и неудовольствиях, хороших и дурных сторонах; после того как хозяин дома выслушал мнение каждого из нас обо всем вышперечисленном, он заключил, что высшая степень наслаждения заключается в мести, и попросил всех гостей сочинить экспромты-четверостишия на эту тему, что мы тотчас и исполнили. Сохранись они у меня, я охотно привел бы их здесь; победу одержал епископ Дольский, истинный златоуст.

И разумеется, господин де Гуа затеял эту забаву не случайно: он метил в двух знатных сеньоров, мне знакомых, коим наставил рога в наказание за ненависть, что они питали к нему; жены этих господ были весьма красивы, вот почему он извлекал из этого занятия двойное удовольствие – и мезь, и уладу. Я знаю множество людей, которые мстили своим обидчикам таким же образом, извлекая из сего поступка величайшее удовлетворение.

Также знавал я красивых и добронравных дам, которые утверждали, что, когда мужья их дурно и жестоко обращались с ними, бранили и оскорбляли, били или учиняли иные неудовольствия, самой большой их радостью было наставить рога супругу, а наставив, посмеяться над ним вместе с сердечным дружкой, после чего с удвоенным пылом предаться любовным утехам.

Слышал я об одной любезной и красивой даме, которая на вопрос, изменяла ли она мужу, отвечала: «А с чего бы мне наставлять ему рога, коли он ни разу не обидел меня и пальцем не тронул?!» Тем самым желала она сказать, что, соверши ее муж то или другое, тотчас сыскался бы защитник, согласный отомстить за нее с нею же.

А вот забавная история об одной весьма привлекательной даме, которая услаждалась однажды нежной любовной схваткою в постели с милым другом, и вдруг посреди пылких и бурных объятий сломалась у нее сережка, сделанная по тогдашней моде из черного хрусталя в виде рога изобилия. На это дама тотчас нашлась, сказавши: «Вот видите, сколь предусмотрительна природа: на один сломанный рог всегда придется дюжина других, тех, что украсят голову бедняги рогоносца, супруга моего; пусть-ка надевает их по праздничным дням, коли ему охота!»

Другая дама, оставив супруга своего храпеть в постели, прибежала перед сном навестить милого дружка; тот спросил ее, где муж, и она ответила: «А где ж ему быть – лежит, постель сторожит, все боится, как бы его гнездо не загадил чужак; ну да ведь вам-то нужна не постель его с простынями, а я сама, вот я и пришла к вам, оставив мужа в сторожах, да еще в сонных».

Кстати, о сторожах: слышал я историю об одном доблестном дворянине (которого и сам знаю), что обратился однажды к весьма достопочтенной даме, общей нашей знакомой, с издевкою спросив у нее, не приходилось ли ей посещать Сен-Матюрен. «Ну а как же, – отвечала та, – вот только я не смогла войти в церковь, ибо она была битком набита рогоносцами: они так усердно сторожили ее, что не пропустили меня внутрь; ну а вы сами, я полагаю, влезли на колокольню, дабы стеречь сверху и оповещать всех остальных».

Я мог бы порассказать о тысячах иных остроумств, но, боюсь, места не хватит, разве что в каком-нибудь уголке сей книги.

Бывают рогоносцы и добровольные – те, что по своей воле соглашаются щеголять в известном уборе; эти, как я знаю, говорят своим женам: «Такой-то влюблен в вас, мне он хорошо знаком; он частенько навещает нас, но это из любви к вам, милая моя. Приласкайте же его, он, при своих связях, может оказать нам множество полезных услуг и приятностей».

Другие обращаются к жениным ухажерам: «Моя жена влюблена в вас, вы ей нравитесь: приходите же к ней почаще, вы доставите ей удовольствие, побеседуете и развлечетесь вместе – словом, приятно проведете время». Этой уловкою толкают они людей на такие деяния, о коих те вовсе и не думали: взять, например, историю императора Адриана, который, находясь в Англии (как это рассказано в его жизнеописании), где он воевал, получил из Рима множество донесений о том, что супруга его, императрица Сабина, занимается любовью чуть ли не со всеми оставшимися в городе галантными кавалерами. Воспользовавшись оказией, она отослала из Рима письмо одному придворному, сопровождавшему императора в Англию; в нем сетовала она на то, что он совсем забыл ее и не пишет, – верно, увлекся какой-нибудь местной красоткою и завел с нею шашни; письмо это случайно попало в руки самого Адриана, и когда несколько дней спустя придворный этот явился к императору испрашивать отпуск в Рим якобы для устройства домашних дел, Адриан со смехом сказал ему: «Ну-ну, отправляйтесь, молодой человек, отправляйтесь, императрица, моя супруга, ждет не дождется вас!» После каковых слов римлянин этот, поняв, что император проник в его тайну и может сыграть с ним жестокую шутку, ночью, никому не сказавшись, бежал из лагеря, правда отнюдь не в Рим, а в Ирландию.

Но вряд ли ему следовало опасаться за свою жизнь: Адриан, коему порядком надоели любовные подвиги супруги, частенько говаривал: «Эх, не будь я императором, давно бы отделился от жены, но, увы, не могу показывать дурных примеров». Этим желал он выразить, что сильные мира сего обязаны сносить свои тяготы не жалуясь и с достоинством. Вот истинно благородная мысль, которой руководствовались многие знатные особы, но только по другим причинам! Не правда ли, сей император был весьма остроумным и находчивым рогоносцем!

Доблестный Марк Аврелий, которому посоветовали изгнать супругу его Фаустину за распутное поведение, ответил так: «Коли мы расстанемся с женою, надобно будет расстаться и с ее достоянием – иначе, с империей». И кто бы не согласился ходить в рогоносцах за эдакий жирный кусок, да и за меньший тоже?!

Сын его, Антоний Вер, прозванный Коммодом, хотя и отличался крайней жестокостью, точно так же ответил тем, кто советовал ему умертвить его мать Фаустину за то, что она вступила в бесстыдную связь с гладиатором, от коего ее так и не смогли отвадить; пришлось убить этого молодца и заставить Фаустину напиться его крови.

Многие мужья поступают по примеру доблестного Марка Аврелия, боясь лишиться жизни жен своих, дабы не лишиться имущества, коим те владеют; такие предпочитают числиться в богатых рогоносцах, нежели в честных бедняках.

Господи боже, сколько же повидал я на своем веку рогоносцев, которые зазывали и залучали к себе в дом родственников своих, друзей и приятелей, дабы свести их с женою, и, оставив ее наедине с кавалерами в спальне либо в туалетной, сами удалялись со словами: «Поручаю супругу мою вашей чести».

Знавал я одного такого; вы с первого же взгляда сказали бы, что для него наивысшее счастье состоит в ношении рогов; он сам искал к тому случая и, главное, никогда не забывал сказать счастливому сопернику: «Моя жена влюблена в вас по уши; любите же и вы ее, как она вас». И когда любовник навещал его жену, он тотчас уводил из комнаты всех посторонних, стремясь оставить парочку наедине и дать удобную возможность насладиться любовью. А коли ему приходила срочная надобность вернуться в комнату, он еще внизу лестницы начинал говорить во весь голос, кашлять или чихать погромче, дабы предупредить любовников и не застать их врасплох; сами понимаете: можно сколько угодно знать или догадываться о шашнях своей жены, но узреть их воочию не слишком-то приятно, а быть пойманным за руку – и того меньше.

Вот отчего сеньор этот, выстроив однажды красивый дом, на вопрос управляющего своего, не угодно ли хозяину украсить фасад рогом изобилия, отвечал: «Об этом спросите у моей жены, она в сем предмете о рогах разбирается куда лучше моего, вот пусть сама и распорядится».

Гораздо глупее поступил другой мой знакомец, который, продавши одну из своих земель за пятьдесят тысяч экю, взял в уплату сорок пять из них золотом и серебром, а в счет оставшихся пяти – рог единорога. Чем развеселил всех своих друзей, втихомолку потешавшихся над простофилюю. «Мало ему собственных рогов, – говорили они, – так он и еще прикупил».

Знавал я одного высокородного сеньора, храброго и честного человека, который сказал однажды со смехом дворянину, состоявшему у него на службе: «Сударь мой, уж и не знаю, чем вы околдовали жену мою, но только она от вас без ума и каждую минуту, и днем и ночью, расхваливает на все лады. Я же всякий раз отвечаю ей, что знал вас задолго до нее и лучше могу оценить достоинства и заслуги ваши, которые и в самом деле высоки». Кто, скажите, был удивлен сей речью? Да именно тот самый дворянин, ибо он только всего и делал, что водил эту даму под локоток к вечерне в свите королевы. Однако он тотчас же оправился от изумления и ответил так: «Сударь, я низжайший слуга госпожи супруги вашей и весьма признателен ей за благосклонный отзыв обо мне, который почитаю за высочайшую честь; однако я с ней завел не амур, а всего лишь строю куры (так он и сказал, шутя и насмешничая), поскольку вы, монсеньор, милостиво позволили мне это; к тому же супруга ваша может поспособствовать мне в женитьбе на моей возлюбленной, и я очень рассчитываю на ее помощь».

Принца отнюдь не покорила сия шутка – напротив, он весело рассмеялся и стал подзуживать своего подданного поусерднее приударять за его женой, что тот и исполнил, пользуясь предоставленной свободой ухаживать за столь красивой дамою и принцессой; а та весьма скоро заставила его позабыть о женитьбе на любовнице, которая отныне служила лишь прикрытием новой связи. Принцу, впрочем, случилось и приревновать, когда однажды увидел он в королевской спальне названного дворянина с алой, испанского шелка, лентою на рукаве, по последней придворной моде, и, разглядев эту ленту, заметил у своей половины, стоявшей возле постели королевы, точно такую же, словно обе они были сделаны из одного куска; однако об этом своем открытии он не обмолвился ни словом и ничего не предпринял. Тем самым он

как бы скрыл под пеплом тайны яркое пламя их любви, не дав ему обнаружиться, и поступил мудро, ибо чаще всего скандал вредит мужьям куда сильнее, нежели изменницам-женам; лучше уж жить согласно поговорке: «*Si non caste, tamen caute*»¹³.

Сколько же громких скандалов и дрызг навидался я в свое время из-за нескромности дам и их возлюбленных! А ведь мужей отнюдь не заботили женины шашни; они стремились лишь к одному: чтоб все было, как говорится, *sotto coperte*¹⁴ – шито-крыто и не вылезало на свет божий.

Знавал я одну такую нетерпивицу, которая открыто хвасталась любовными связями, словно и не было у ней мужа, словно она была вольна делать все, что вздумается; тщетно любовники и близкие друзья предостерегали ее, осуждая сию пагубную беспечность, – она никого не слушала и тяжело за это поплатилась.

Дама эта никогда не следовала примеру многих других, поумнее ее, которые втихую ведут свои любовные делишки и развлекаются вовсю, но притом весьма умело скрывают сии приятные забавы, и ни один самый зоркий соглядатай не заподозрит ничего дурного: в свете они обращаются с любовниками своими столь сурово и высокомерно, что ни мужья, ни сыщики не найдут к чему придрататься. А коли случится таким дамам отправиться в неотложное путешествие, дабы прикрыть грешок, они и тут сумеют притвориться и даже на смертном одре ни словом, ни криком не выдадут боли и страдания.

Я знаю одну красивую и добронравную даму, которая в день смерти благородного сеньора, ее любовника, явилась в спальню королевы с таким же веселым и смеющимся лицом, как и накануне. Некоторые язвили по поводу такой сдержанности, говоря, что она, мол, крепится из боязни не угодить королю, не любившему покойного. Другие порицали даму за холодность и недостаток любви, говоря, что природа наделила ее бессердечием; ведь женщины всегда найдут чем уколоть товарку, о коей судачат.

Впрочем, знавал я и других двух дам, также красивых и благородных, которые, потеряв любовников своих в военном сражении, во всеуслышание горевали и оплакивали их, открыто носили траурные темные платья, навешивали на себя всякие золотые кропильницы со святою водой, и четки, и броши с черепами, и прочую зауспокойную дребедень вместо украшений – словом, выставляли себя на всеобщее посмешище, губя свою репутацию; правда, мужья этих дам нимало сим скандалом не озаботились.

Вот до чего доводит наших красавиц пылкая любовь, сама по себе достойная всяческого восхваления, когда бы они не щеголяли ею в открытую, а после сами бы от этого не страдали. Но, порицая дам, не следует забывать и об их кавалерах, которые заслуживают не меньших упреков, выказывая при всех страдания, точно коза, в муках котящаяся: то уставят на даму глаза, да еще выкатят их так, что хоть подбирай; то начнут извиваться и корчиться, словно от боли; то вздохнут со стоном; вдобавок они открыто носят цвета своих дам, да и во всем прочем ведут себя столь несдержанно, что и слепому видно, в чем тут дело; притом одни питают истинную страсть, другие же притворяются, но и те и эти желают показать всему свету, что влюблены без памяти и что предмет их обожания делает им честь красотой, происхождением, да и богатством тоже. На самом же деле, Бог свидетель, как бы эти господа ни кривлялись, они не заслуживают ни полушки из всего, чем одаривают их дамы.

Я знавал дворянина (и из знатных!), который, желая оповестить весь мир о своей пылкой любви к одной красивой и добронравной даме, приказал двум слугам и пажам целый день напролет стоять у дверей ее дома со взнузданным мулом. Мы с господином Строици как раз случайно проходили там и увидели пресловутого мула, пажей и слуг. Мой друг, подойдя к ним, спросил, где сам их хозяин, на что последовал ответ, что он находится в доме этой дамы;

¹³ «Если не целомудренно, то по крайней мере скрытно» (*лат.*).

¹⁴ Втайне (*ит.*).

господин Строщи расхохотался и сказал: «Готов биться об заклад, что его там нет!» И велел своему пажу остаться возле дома, проследив, выйдет ли оттуда счастливый любовник; потом отправились мы к королеве, где и увидели нашего героя, при виде которого не смогли удержаться от смеха. Вечеру мы подошли к нему и с притворным негодованием спросили, где он обретался в таком-то часу пополудни, добавив, что ему нипочем не оправдаться, ибо все видели его мула и пажей у дверей означенной дамы. В ответ он так же притворно рассердился на наше заявление и шуточки над его возвышенной и благородной любовью, а затем поведал, что и в самом деле был у ней, умоляя никому об этом не рассказывать, иначе мы погубим и его, и бедняжку даму, коей муж не простит огласки и скандала; мы торжественно пообещали ему (хохоча и насмехаясь вовсю, даром что он был знатен и влиятелен) ни словом не обмолвиться о его делах. Однако он все продолжал свои представления с мулом; тогда несколько дней спустя мы раскрыли ему свою шутку, натешившись над ним вдоволь в веселой компании – весьма, впрочем, добродушно; кавалер наш был сильно пристыжен, ибо дама прознала от нас об его обмане, велела слугам своим подстеречь мула с пажами, да и гнать их прочь от дома, точно надоедливых нищих. Более того, мы еще и мужу ее рассказали сию историю, преподнеся ее в столь шутливой форме, что и он нашел ее крайне забавною и посмеялся вместе с нами, сказавши, что уж этот кавалер его рогами не украсит и что, ежели мул вместе со слугами еще раз окажется у его дома, он прикажет отворить двери и впустить их внутрь, дабы приютить и укрыть от стужи, от жары или от дождя. При всем том другие кавалеры частенько делали его рогоносцем. Вот как благородный сеньор решил заработать себе репутацию сердцееда за счет добронравной дамы, нимало не заботясь о грозящем ей скандале.

Знавал я и другого дворянина, который бесцеремонностью своею погубил весьма красивую и достойную даму, в которую влюбился; он все торопил ее отдать ему то, что она оставляла для мужа, а она решительно отвергала его домогательства; тогда, отчаявшись, он сказал: «Ну, коли так, я клянусь обесчестить вас, мадам!» И принялся бродить вокруг ее дома, как бы таясь и скрываясь, а на самом деле столь ловко, что все видели его там и днем и ночью; кроме того, он всюду похвалялся мнимым своим счастьем, в свете обращался с этой дамою как со своей любовницей; перед приятелями распространялся об интимных достоинствах, коих в действительности не знал и не ведал; дальше – больше: однажды поздно вечером заявился в спальню к этой даме, закутавшись в плащ и прячась от ее домашних; наконец дворецкий учуял кое-что и, подстергши кавалера, доложил мужу, который принялся искать любовника и, не найдя его, все же надавал пощечин жене и поколотил ее, а после, подстрекаемый тем же дворецким, схватил кинжал да и прикончил несчастную; король не осудил, а, напротив, одобрил и помиловал его. Вот сколь горестная участь постигла бедняжку, о которой все сожалели, ибо дама была необыкновенно хороша собою. Но дворянин этот недолго праздновал победу, ибо вскорости Бог покарал злодея, послав ему смерть на войне за несправедный умысел против чести и жизни ни в чем не повинной дамы.

Однако справедливости ради скажу, что встречал на своем веку великое множество других дам, которые сами были виноваты в своем бесчестье и огласке, ибо первыми начинали атаку, завлекая кавалеров в свои сети; такие красотки расточают мужчинам нежнейшие ласки, приветливые слова и умильные взгляды; кокетничают напропалую и подают надежду на счастье, но лишь только доходит до дела, куда что девается, на все отказ; вот когда достойные кавалеры, попавшиеся на удочку и совсем уж было расположенные к сладким любовным утехам, отчаиваются и приходят в неистовый гнев; тут-то они и мстят обманщицам, безжалостно ослабляя их на весь свет распутницами и шлюхами и рассказывая направо и налево все, что было и чего не было.

Вот отчего не подобает достойной даме завлекать галантного кавалера, ежели она не готова сполна воздать ему за все заслуги и угождения. Придется ей идти до конца, коли она не хочет погибели, пусть даже кавалер ее – наиболее благороднейший из людей; другое дело, когда дама

по пылким взглядам и ласковым речам кавалера угадывает, что он вознамерился ухаживать за нею, а ей это неудобно; в таком случае она должна сразу же дать ему от ворот поворот, хотя, говоря откровенно, женщинам трудно решиться на эту жестокость, и они вечно дают поблажку своим воздыхателям, милы те им или нет; а после, глядишь, уже и поздно отваживаться от себя и приходится, хочешь не хочешь, исполнять обещанное.

Бывают, однако, дамы, коим нравится принимать ухаживания, ни к чему не обязывающие, а так, за одни красивые глаза; они уверяют, что им, мол, сладко одно лишь начало, а не конец, желание, а не исполнение его. Многие дамы говорили мне это, но вряд ли они рассуждают разумно, ибо, пожелав однажды любви, по ее же закону непременно захотят и исполнения желаний; стоит только женщине подумать или только возмечтать о любви, как, почитай, дело сделано: коготок увяз – всей птичке пропасть. И ежели мужчина знает сей закон и упорно добивается той, которая разбудила в нем вождление, он непременно получит ее всю, с головы до ног, что называется, с потрохами.

Вот каким манером несчастные мужья делаются рогоносцами из-за тех жен, что грешат, казалось бы, лишь в мыслях, а не на деле; дамы эти выются вокруг огонька, который сами же и разожгли, и, не успев оглянуться, сжигают на нем свои крылышки: так иногда глупые пастушки, зазябнув в поле, где пасут баранов и овец, возьмут да разведут костерок, чтобы согреться, ничего дурного не замышляя, и вдруг, по недосмотру, огонек этот разгорится в такой пожар, что спалит и леса и кустарники по всей округе.

Таким дамам надобно брать пример с одной разумнейшей женщины, графини д'Эскаль-дасор, живущей в Павии; господин де Лескю, ставший впоследствии маршалом де Фуа, учился в этом городе (почему и звали его протонотарием де Фуа, тем более что он собирался посвятить себя Церкви, хотя позже сложил с себя сан и сделал военную карьеру) и воспылил любовью к этой даме, превосходившей красотой всех женщин Ломбардии; она уступила его домогательствам, не желая отвергать кавалера, приходившегося близким родственником знатному вельможе Гастону де Фуа, монсеньору Немурскому, пред которым тогда трепетала вся Италия; и вот однажды устроены были в Павии большое празднество и бал, куда съехались все красивейшие дамы города и окрестностей со своими кавалерами; появилась там и наша графиня, затмившая красотой всех присутствующих; она нарядилась в роскошнейшее платье небесно-голубого цвета, сплошь расшитое золотыми факелами и серебряными мотыльками, что летали близ огней, обжигая себе крылышки, – над этим нарядом потрудились лучшие вышивальщицы из Милана, никем не превзойденные в своем искусстве; все собравшиеся пришли в величайшее восхищение.

Господин протонотарий де Фуа повел свою даму танцевать и между прочим полюбоствовал, что означают символы, вышитые на ее платье, заподозрив в них некий скрытый смысл, для него неблагоприятный. Графиня ему отвечала: «Сударь, я приказала разукрасить мне платье таким же манером, каким военные и прочие всадники украшают норовистых коней, что могут понести либо лягнуть: они подвешивают им на круп большой серебряный колокольчик, дабы их спутники и все окружающие знали, что им грозит опасность, и остерегались строптивой скотины. Вот так же и я, с помощью сгорающих в пламени факела мотыльков, предупреждаю порядочных мужчин, оказывающих мне честь своею любовью и восхищением моею красотой, что им не следует слишком приближаться ко мне и желать большего, нежели простое любованье, ибо они ровно ничего не достигнут, а всего лишь сгорят, подобно тем мотылькам». История эта описана в «Девизах» Паоло Джовио. Этими словами дама предупреждала своего кавалера, чтобы он не заходил слишком далеко, а спохватился бы на полпути, пока не поздно. Уж не знаю, преуспел ли он после того у сей дамы или же нет, однако, будучи смертельно ранен и взят в плен в бою при Павии, попросил доставить его именно к графине, в ее городской дом, где ему оказали самый радушный прием и заботливый уход. Спустя три дня раненый умер, к великому горю графини; историю эту, в ответ на мою, поведал мне кавалер де Монлюк

однажды ночью в траншее под Ла-Рошелю, когда на него напала болтливость; он уверял, будто графиня и впрямь была ослепительно красива и без памяти любила названного маршала, за которым преданно ходила в последние его дни; при всем том он не был уверен, перешли они в прошлом границу дозволенного или нет. Пример сей вполне достаточен и убедителен для многих ранее помянутых дам.

Итак, есть рогоносцы столь снисходительные, что вместо примерного наказания отправляют жен своих к священникам и прочим порядочным людям, дабы те наставили их на путь истинный; жены, конечно, пускаются в притворные слезы и покаянные речи и, бия себя в грудь, клянутся и божатся, что никогда более не согрешат; однако недолго держат данное слово, ибо слезы и обещания таких дам подобны клятвам или ссорам влюбленных. К примеру, знал я одну даму, пустившуюся во все тяжкие и позорившую своего мужа, как раз уехавшего в некую провинцию по поручению принца, а заодно и по собственным делам; повелитель его счел своим долгом послать туда монаха-францисканца, дабы тот предупредил мужа о распутном поведении его половины и призвал к порядку сию грешную душу. Супруг был весьма поражен таким посланием и заботливостью своего принца, но всего лишь поблагодарил его за доброту да пообещал принять надлежащие меры, однако по возвращении ни словом не попрекнул жену, да и правильно поступил, ибо чего он этим достиг бы?! Коли женщина ступила на эту дорожку, она уж с нее не сойдет, так же как почтовая лошадь, скачущая во весь опор, галопом, не сменит его на смирную рысцу.

Эх, сколько же повидал я достойнейших дам, коих мужья застигали за этим делом и били-трепали, ругали-увещали – словом, действовали и лаской и таской, понуждая не грешить более; что ж, красавицы наши ничтоже сумняшеся обещали, сулили и клялись блюсти целомудрие, однако, глядишь, прошло малое время, и они, вспомянув известную поговорку: «Passato il pericolo, gabbato il santo»¹⁵, принимались еще усерднее сражаться на любовной войне: многие из этих грешниц, чувствуя, как их точит червь раскаяния, сами, по доброй воле, давали себе клятву исправиться, но, увы, быстро забывали о ней и уже раскаивались в своем раскаянии, как описывает это Дю Белле в поэме о раскаявшихся куртизанках. Такие женщины уверяют, будто расставаться с сей сладкой привычкой и вредно и не нужно, ибо сколь быстротечно пребывание наше в земной юдоли!

Хотел бы я узнать, что ответили бы на это молодые девицы, которые в юные свои лета покаялись, надели монашеский клобук и обрекли себя на заточение, коли попросить их высказаться прямо и откровенно о сем предмете; верно, и им нередко хочется, чтобы высокие монастырские стены пали, выпустив затворниц на волю.

Вот отчего мужьям следует укрощать жен своих после первой же бесчестной измены, не иначе как отпустив узду и только посоветовав им вести делишки шито-крыто, не допуская до скандала; ибо все лекарства от любви, описанные Овидием, все неисчислимые изощренные средства, с той поры изобретенные, даже и те, что мэтр Франсуа Рабле открыл почтенному Панургу, все равно что мертвому припарки, разве только пустить в дело старинную припевку времен короля Франциска I, вот она:

Кто не хочет, чтоб жена
Хоть разок была грешна,
Посади ее в горшок,
Да на погреб, в холодок!

Во времена короля Генриха один жестянщик принес на ярмарку в Сен-Жермене дюжину неких железных приспособлений для запора женских ворот; они представляли собою род пояса

¹⁵ «Опасность миновала, плевать нам на святых» (ит.).

с полосой, проходящей между ног и замыкавшейся на ключ; устройство задумано было столь хитро, что женщина, его надевшая, никак не смогла бы предаваться сладким любовным утехам, ибо в полосе этой мастер проделал лишь несколько крошечных дырочек для отправления малой нужды.

Говорят, нашлось-таки пятеро или шестеро ревнивых мужей, которые купили эту штуку и засупонили жен своих столь крепко и надежно, что тем только и осталось сказать: «Прости-прощай, счастливое времечко!» Но и тут одна хитрая дама сыскала выход: нашла искусного мастера, показала ему свою железную узду и то, что под нею, и он изготовил запасной ключ, коим дама, едва только муж за порог, отмыкала и замыкала сию тюрьму своей женской вольницы в любое время, когда хотела. Супруг так ничего и не заподозрил. А его половина всю предавалась любовным утехам, награждая рогами простофилю-мужа и полагая, что теперь вечно и без удержу сможет развлекаться на свободе. Но все дело испортил ей тот самый умелец, что изготовил запасной ключ, и, как говорят, не прогадал, ибо оказался первым, кто проверил и испробовал его на деле, ороготив чересчур ревнивого мужа; что ж, оно и правильно, недаром же и Венера, наикрасивейшая и наираспутнейшая из всех женщин в мире, имела мужем Вулкана, кузнеца и слесаря, и был он весьма злобен, грязен, хром и крайне уродлив.

Но это еще не вся история: множество галантных кавалеров-придворных строго пригрозили упомянутому жестянщику, сказав, что, ежели он и дальше станет торговать подобными гнусными изделиями, они его просто-запросто убьют, и посоветовали ему вернуться домой да выбросить все оставшиеся штуки; так он и поступил, и более об них никто не слышал. Вот поистине мудрый поступок, ибо пусти он их в дело, погубил бы чуть ли не половину человечества; судите сами: ведь все эти мерзкие и коварные приспособления, наглухо замыкающие женскую природу, есть самое ужасное препятствие к размножению рода людского.

Есть и такие мужья, что поручают охрану жен своих евнухам, каковой обычаем сурово осудил император Александр Север, запретив применять его к римским матронам, ибо и евнухи эти тоже не безгрешны; разумеется, женщинам невозможно спать с ними и зачинать детей, однако евнухи также вполне способны питать нежные чувства и доставлять дамам невинные наслаждения, весьма близкие к истинной страсти; правда, что некоторые мужья нимало не огорчаются подобными забавами, полагая истинной изменой не любовные шашни, но рождение чужого ребенка, каковое дитя приходится затем кормить и воспитывать. А все прочее их вовсе не заботит, более того, я знавал таких, что и незаконных детей принимали в лоно семьи, лишь бы настоящие их отцы доставляли чадам своим приличный доход и содержание; многие мужья даже подучали жен своих просить у любовника пенсион на воспитание детей. Так, например, случилось с одной знатной дамою, которая забеременела от короля Франциска I, от коего и произошел на свет съёр Вильконен. Она попросила короля закрепить за ее ребенком некоторое состояние на случай внезапной смерти, что тот и сделал, положив на имя сына в банк двести тысяч экю, дававших недурные проценты, так что юноша этот, по достижении взрослого возраста, получил превосходнейшее наследство, позволившее ему вести роскошную и беззаботную жизнь при дворе; окружающие дивились сему богатству, подозревая, что он обирает какую-нибудь тайную любовницу; никто из них и не подумал об его матери, однако же именно она снабжала его деньгами без счету; мало кто знал, откуда молодой человек берет их, притом что происхождение его так и осталось никому неведомым; только когда он умер в Константинополе, состояние это, как принадлежавшее бастарду, передано было маршалу де Ретцу, весьма пораженному столь долго хранимой и наконец раскрывшейся тайной; не пожелав воспользоваться сим даром, он тщательно проверил факт незаконного рождения, вслед за чем отказал эти деньги господину де Телины, назначив его официальным наследником означенного Вильконена.

Поговаривали, будто сия дама родила сына не от короля, а от кого-то другого, обогатив его за счет своих любовных походов; однако господин де Ретц тщательно обследовал все банки и действительно в одном из них отыскал и деньги, и долговые обязательства короля Франциска; тем не менее сплетники утверждали, что ребенок этот – от другого члена королевской семьи, правда не менее знатного; другие приписывали отцовство некоему придворному; как бы то ни было, но для надежного сокрытия тайны и должного воспитания Вильконена совсем не глупо было свалить всю вину на его величество, и это далеко не единственный случай подобного рода.

Думается мне, что в мире, а равно и во Франции, найдется множество женщин, которые согласились бы произвести на свет ребенка такой ценою и, не чинясь, позволили бы королю или принцу придавить им живот (чтобы он после вздулся), однако чаще случается, что те живот-то придавят, да мошны не оставят, обманывая глупых женщин, охотнее всего отдающихся за *galardon*¹⁶, как говорят испанцы.

Но вот какой интересный вопрос возникает по поводу этих незаконных, рожденных от любовника отпрысков: имеют ли они право наследовать отцовское либо материнское состояние; ведь это великий грех, коли женщина отдает его такому ребенку; некоторые юристы полагают, что жена должна признаться мужу в измене, сказав ему всю правду. Таково, например, мнение мэтра Сюбтиля. Но другие опровергают сей вывод, говоря, что таким образом женщина опозорит себя, вот почему наши дамы к огласке отнюдь не склонны; доброе имя куда дороже благ земных преходящих, сказал царь Соломон.

Итак, лучше уж незаконному ребенку лишиться состояния, нежели матери его погубить свою репутацию; недаром же гласит старинная пословица, что «дороже имя святое, чем платье золотое». Отсюда теологи вывели следующую максиму: когда пред нами встает выбор меж двумя необходимостями, меньшая должна уступить место более насущной. Нет сомнений, что сбереечь свою добрую репутацию много важнее, нежели достояние другого человека, стало быть, следует предпочесть первое второму.

Кроме того, разоблачив себя пред мужем, женщина подвергается риску быть убитой за измену, иными словами, как бы идет на самоубийство, что строго осуждается Церковью: даже из страха насилия или же после свершения такового женщинам запрещается накладывать на себя руки, ибо сие есть смертный грех; лучше уж допустить насилие над собою (ежели крик и сопротивление не позволяют избежать его), нежели покончить жизнь самоубийством; насилие над телом не считается грехом для жертвы, коли она противится ему рассудком. Именно так ответила святая Люция тирану, который угрожал отвести ее в бордель на поругание: «Вы вольны подвергнуть меня насилию, но непорочность моя от того лишь вдвойне воссияет».

По таковой же причине многие осуждают поступок Лукреции. Правда, надобно оговориться, что святая Сабина и святая Софонисба, которые вместе с другими христианскими девственницами лишили себя жизни, дабы не попасть в руки варваров, оправдываются нашими теологами и Отцами Церкви, ибо, как считают эти последние, пошли на это, вдохновленные Святым Духом; точно так же, с поощрения Святого Духа, после взятия Кипра одна местная девушка, недавно обращенная в христианство и попавшая в плен к туркам вместе со многими другими женщинами-христианками, тайком подожгла порох на галере, увозившей их в рабство, да и сгорела в пожравшем все и вся пламени со словами: «Знаю, что Господу не угодно видеть, как поганые турки и сарацины оскверняют тела наши!» Одному Богу было известно, не надругались ли над девушкой нечестивцы еще ранее и не стала ли гибель ее искуплением греха; правда, вполне возможно, что хозяин не притронулся к ней, желая продать ее девственницей, дабы выручить побольше денег, ибо в этих восточных странах, как, впрочем, и во всех других, много водится любителей свежатинки.

¹⁶ Вознаграждение (*исп.*).

Но, возвращаясь к непорочным стражам бедных женщин, а именно к евнухам, повторяю еще раз, что они не допускают близких сношений и не делают мужей рогоносцами, позволяя себе разве лишь легкие шалости.

Я знавал во Франции двух женщин, взявших себе в возлюбленные парочку таких целомудренных кавалеров, дабы избежать опасности забеременеть, получая притом всяческое удовольствие от сношений с ними и нимало не сетуя на недостатку. Однако в Турции и Мавритании встречаются столь ревнивые мужья, что, заметив таковые шашни, тотчас лишают рабов своих мужского естества, напрочь отрезая у них то, чем грешат. По свидетельству людей, хорошо изучивших жизнь в Турции, из дюжины жертв столь жестокой операции выживают едва ли не двое; зато выживших мужья почитают и любят как истинно верных, надежных и целомудренных хранителей чистоты и чести жен своих.

Мы, христиане, не держимся столь мерзостных и бесчеловечных обычаев, зато, вместо охолощенных евнухов, приставляем к супругам своим древних старцев – так, например, поступают в Испании повсюду, вплоть до королевского двора, где старики эти охраняют инфант, их фрейлин и прочих дам из свиты. Но, Господь свидетель, есть старики, во сто крат более опасные для молодых девушек и женщин, нежели юные кавалеры, коим бывает куда как далеко до первых в коварном, хитроумном, необузданном и пылком искусстве развращения.

Я полагаю, что подобные стражи, кому седина в бороду, а бес в ребро, не более надежны, чем молодые; то же скажу и о старых дуэньях: так, одна из них проходила со своими юными подопечными по большой зале, где стены были ярко расписаны огромными мужскими членами; увидев их, старуха прошептала: «*Mira que tan bravos no los pintan estos hombres, como quien no los conociesse*»¹⁷. Услышав эти слова, девицы обернулись к старухе, и одна из них, мне знакомая, спросила у своей подруги, разыгрывая святую невинность, что это за редкостные птицы нарисованы по стенам (а некоторые и впрямь снабжены были крылышками). Та отвечала, что это птицы из Мавритании и что живьем они еще красивее, нежели в изображении. Одному Господу ведомо, приходилось ли ей видеть их вживе, однако тут пришлось притвориться несведущей.

Многие мужья нередко попадают впросак с таковыми стражами: им думается, что, доверив жен своих присмотру старухи (которую и те и другие почтительно величают матушкой), они надежно защитили ее спереди; однако же для красавиц наших нет ничего угоднее и приятнее эдакой дуэньи, что, будучи жадна до денег, никому не откажет, охотно продавая своих подопечных мужчинам.

Другие, менее алчные, не могут соблюсти молодых красоток, неизменно ищущих любовных приключений, по иной причине, а именно: целый божий день мирно дремлют в уголку у камина, даже не подозревая о том, что прямо у них под носом юные дамы украшают мужей своих пышными рогами.

Знавал я одну такую даму, которая ухитрилась изменить мужу в присутствии дуэньи, да так ловко, что та ничего и не заметила. Другая сделала то же самое при своем супруге, почти на виду у него, пока он играл в приму.

Бывают и такие дуэньи, что по причине подагры или хромоты не успевают за юными своими господами, которые резво обгоняют их и, добежав до потаенной аллейки, рощицы или же туалетной, успевают-таки прямо в платье сорвать свой куш, оставив с носом колченогую или подслеповатую старуху. Бывают и такие пожилые опекунши, в свое время пожившие всласть, что жалеют молодых женщин и дают им всяческую поблажку: сами указывают дорогу к греху и толкают на нее, пособляя по мере сил. Недаром же говорил Аретино, что нет большего удо-

¹⁷ «Как жаль, что живописцы не изобразили их такими великолепными, каковы они на самом деле, будто бы они не выдвигали настоящих» (*исп.*).

вольствия для дамы, познавшей грешную любовь, как наставить на сей несправедный путь другую, еще не превзошедшую сию сладкую науку.

Вот почему даме, желающей обрести надежную наставницу в любви, лучше обратиться к старой сводне, нежели к молодой подруге. Мне рассказывал один весьма галантный кавалер, что он никогда не имел дела с пожилыми дуэньями, да и жене своей строго-настрога заказывал, позволяя ей видеться лишь со сверстницами – молодыми, зато менее опасными; к сему приводил он множество мудрых резонов, коих обсуждение предоставляю я более опытным ораторам.

Вот по этой же причине один мой знакомый сеньор доверил надзирать за женою, которую сильно ревновал, кухне своей, еще незамужней девице: таковые девицы, в силу собственной непорочности, уподобляются собаке на сене, что и сама не ест и другим не дает; эта, однако же, сама лакомилась вдоволь, зато подопечную свою держала на голодном пайке; правда, та все же умудрялась время от времени перехватить на стороне, чего надзирательница ее, при всей зоркости своей, не замечала – коли не притворялась слепую.

Я мог бы привести здесь великое множество способов, к коим прибегают злополучные рогоносцы, дабы укротить и стреножить резвых своих жен, помешав им пасть на чужом лужку; но что толку – они могут сколько угодно использовать старые средства, о которых слышали от других, и изобретать новые, свои собственные, – все будет тщетно, ибо коли уж завелся у женщины в сердце любовный червячок, она неизменно станет посылать мужа к Гийо Мечтателю, о чем полагаю я рассказать в главе, наполовину уже написанной, где разбираются все хитрости и уловки женские в сей части, сравнимые разве что с военными хитростями опытейших стратегов на войне. По моему мнению, самое лучшее, надежное и приятное лекарство от измены, каким ревнивый муж может употчевать жену свою, так это предоставить ей полную и ничем не стесненную свободу; один галантный кавалер, женившись, говаривал: чем больше женщине запрещаешь, тем больше ей именно того хочется, ибо так уж оно заложено в ее природе, особливо когда дело касается любви, где аппетит разгорается от запрета пуще, нежели от дозволения.

А вот еще один вопрос, до рогоносцев касающийся: ежели кто наслаждался любовью с чужою женой при жизни ее супруга, а тот возьми да помри, и вот любовник после женится на вдове, можно ли назвать второго ее мужа рогоносцем, как это делали многие весьма достойные люди?

Некоторые возражают, что нельзя, мол, числить его в рогоносцах, ибо сам же он и свершил сие деяние, а человека, наставившего рога себе самому, обманутым мужем не назовешь. И однако же, есть ведь такие оружейники, которые, выковывая шпаги, умудряются заколоть самих себя или своих собратьев по ремеслу.

Другие утверждают, что такой муж и в самом деле рогоносец, только не *de facto*, а *de jure*, и приводят к тому множество обоснований. Но поскольку проблема эта весьма сложна, оставляю решение ее первому же собранию, которое пожелает заняться этим вопросом.

К сему рассказу здесь об одной знатной даме, которая, еще будучи замужем, завела любовную связь с одним кавалером и поддерживала ее четырнадцать лет кряду; все это время она страстно желала смерти своему супругу. Но не тут-то было – упрямец никак не желал отправляться на тот свет, невзирая на все заклятия раздосадованной дамы. Конечно, болезни его и немощи свое брали, однако смерть все не шла, так что последний король Генрих, беседуя с одним бравым и достойным дворянином о добром здравии названного мужа, частенько говаривал: «У меня при дворе есть две особы, которые ждут не дождутся, когда такой-то представится; одному не терпится получить денежки, другой – выскочить замуж за своего возлюбленного». Но дело затянулось, не обещая обоим ничего хорошего.

Вот сколь мудр и всевидящ Господь наш, ниспосылающий людям то дурное, чего они желают другим; однако недавно мне передали, что связь их расстроилась и они прервали сношения: о свадьбе более речи нет, к великой досаде дамы и к не меньшей радости ее кавалера,

который решил искать счастья в другом месте, ибо ему надоело ждать смерти мужа, тем более что тот, словно в насмешку над людьми, то и дело объявлял о близящейся кончине, устраивал великий переполох, но каждый раз оставался в живых и в конце концов пережил претендента на свое место. Несомненно, того постигла Божья кара, ибо где же это видано – прочить себя в мужья даме, у коей имеется законный супруг, и желать смерти тому, кто еще полон сил!

Я желал бы рассказать еще об одной даме, также знатной, хотя и не столь высокородной, как предыдущая: дама эта вышла замуж за дворянина, преследовавшего ее своей любовью; она же не любила его, зато знала за ним множество болезней и немощей, от коих не было ему ни минуты покоя; доктора сулили ему смерть не более чем через год, особенно именно по той причине, что он пылко любил жену и слишком часто спал с нею; дама надеялась вскорости похоронить супруга и наследовать за ним все его добро – деньги, красивую мебель и прочее достояние, поскольку был он весьма богат и жил на широкую ногу, настоящим баринном. Однако дама жестоко обманулась: муж ее по сию пору здравствует и наслаждается жизнью пуще прежнего, сама же она давно умерла. Говорили, будто дворянин этот лишь притворялся хворым и немощным, дабы надеждою на скорое наследство привлечь к себе даму (за которой водился грех жадности и стяжательства) и жениться на ней, но Господь Бог рассудил иначе и послал смерть не пастуху, а козе – прямо на лужку, где она была привязана.

Что же сказать о тех мужчинах, которые женятся на знаменитых в прошлом куртизанках и распутницах по обычаю, широко принятому и во Франции, но особенно в Испании и в Италии, дабы свершить, как они утверждают, богоугодное дело – *per librar un'anima christiana del inferno*¹⁸ и наставить женщину на путь истинный.

Разумеется, некоторые заявляют, что коли мужчины эти женились на таких развратницах ради столь святого дела, их уже не сочтешь рогоносцами, ибо все, что творится во славу Господню, не подлежит осуждению; хотя следует оговориться: одни жены, ступив на путь праведный, весьма скоро возвращаются на прежнюю дорожку (я и сам видывал множество таких в обеих этих странах) и, не будучи в силах исправиться, валяются с мужчинами в первой встречной канаве; но есть и другие, которые, состоя в браке, грешат не более, чем в прежней жизни.

В первый раз, как посетил я Италию, случилось мне влюбиться в одну замечательно красивую римскую куртизанку по имени Фаустина. И поскольку у меня было мало денег, а она стоила дорого – брала десять – двенадцать экю за ночь, – пришлось мне удовольствоваться одними взглядами да словами. По истечении некоторого времени я возвращаюсь в Италию с большей суммой денег, отправляюсь в дом Фаустины, добившись свидания чрез ее наперсницу, и что же?! – застаю ее замужем за неким правоведам; она живет там же, где занималась своим ремеслом, и, радушно приняв меня, рассказывает все обстоятельства своего удачного брака и уверяет, что навсегда отринула прежние безумства. Сторая от любви к ней еще сильнее, чем ранее, я выкладываю свои новенькие блестящие французские экю. Вид денег поколебал ее, и... она дала мне то, чего я так жаждал, сказавши, что по заключении брака твердо условилась с мужем о полной своей свободе, только без огласки и скандала, и что он позволил ей делать это, но только за большие деньги, дабы они могли жить в роскоши: так-то она и продолжала торговать собою за крупные суммы. Вот сей муж, без сомнения, был истинным рогоносцем и в помыслах, и на деле.

Слышал я историю об одной даме, которая, собравшись замуж, заручилась обещанием своего жениха, что он оставит ее по-прежнему услаждаться любовью при дворе, а сам будет сидеть в своем углу и обходиться, как говорят, сухостоем (иными словами, работать вхолостую); в утешение обязалась она выдавать мужу ежемесячно по тысяче франков на мелкие развлечения, что аккуратно и выполняла, не заботясь более ни о чем, кроме собственных утех.

¹⁸ Дабы спасти христианскую душу от ада (*исп.*).

Итак, женщина, хлебнувшая в молодости вольной жизни, редко когда удерживается от того, чтобы не взломать запоры супружеской крепости, особенно ежели ее манит и соблазняет золото; примером тому дочь царя Акрисия, которая, будучи заключена в неприступную башню, все-таки уступила нежному приступу Юпитера, обернувшегося золотым дождем.

«Ах, может ли женщина соблюсти себя, – воскликнул один галантный кавалер, – коли она красива, честолюбива, жадна до денег, обожает роскошные наряды и хочет всех затмить; ясное дело, что заработать все это можно отнюдь не головою, но передком, даже если сперва дама держит его на запоре, а муж ее, благородный и бесстрашный, не расстается со шпагой для защиты жениной чести!»

Эх, сколько же повидал я на своем веку таких достойных храбрецов, угодивших в сию ловушку! Жалко и прискорбно смотреть, как отважные воины после многих славнейших побед, одержанных над врагом, носят лавровый венок триумфатора, где меж листьев проглядывают позорящие их рога; весьма досадно, что их больше занимают доблестные подвиги, почетные должности и победы над неприятелем, нежели наблюдение за собственными женами и расследование некоторых темных делишек сих плутовок. Вот эдак они невольно и попадают в Корнуолл, известный как приют рогоносцев, что весьма и весьма печально; по сему поводу вспоминается мне один достойнейший, носивший высокий титул дворянин, который однажды с упоением повествовал о своих ратных подвигах и завоеваниях, на что другой кавалер, близкий его друг и соратник, заметил кому-то: «Дивлюсь я, как это он хвастает здесь своими победами; кому и гордиться сражениями, так это его жене – вот кто навоевался так, что мужу и не снилось».

Знавал я и других мужей, коих аванажный вид, приятное обращение и прочие достоинства меркли и бледнели пред позорным званием рогоносца; это ярмо не сокрыть и не скинуть, как вы ни старайтесь: рога есть рога, их ничем не прикроешь. Что до меня, то я рогоносцев признаю еще издавна по многим неоспоримым признакам, жестам, позам и повадкам; лишь однажды в жизни встретил я такого, в ком и самый зоркий глаз не смог бы распознать рогатого мужа, коли не знать жены его, – столь невозмутимо и гордо держал он себя.

Я хотел бы попросить дам, чьи мужья столь же совершенны (как и они сами), не позорить их понапрасну, но что толку, они мне ответят: «А где вы видите безупречных мужей? И где он – тот, о коем вы только что упомянули?»

Ну, разумеется, сударыни мои, вы правы: не каждый муж способен быть Сципионом или Цезарем, прошли те времена. Впрочем, нужно ли поминать тут Цезаря: ведь и он прошел через сей позор, как многие другие заслуженные и добродетельные мужи; стоит лишь прочесть историю императора Траяна, все совершенства которого не уберегли супругу его Плотину от любовной связи с Адрианом, ставшим впоследствии императором, из каковой связи этот последний извлек весьма ценные преимущества, должности и прибыли – основу будущей его карьеры; впрочем, надо признать, что он не страдал пороком неблагодарности, ибо по-прежнему любил и почитал Плотину, а когда она умерла, впал в столь сильную скорбь, что некоторое время отказывался даже пить и есть; печальную весть о ее кончине узнал он в Галлии Нарбоннской, где дела удерживали его три или четыре месяца, в течение которых он несколько раз писал в сенат с приказом возвести Плотину в сонм богинь и устроить ей роскошные похороны с богатейшими жертвоприношениями; в то же самое время он повелел возвести в ее честь красивейший храм близ Намуса, называемого нынче Нимом, и украсить его мрамором, порфиром и прочими ценными камнями.

Стало быть, во всем, что касается любви и ее утех, ничего нельзя предвидеть заранее, ибо Купидон, бог влюбленных, слеп и мечет свои стрелы наугад; вот отчего дамы, имеющие красивейших, достойнейших, доблестнейших мужей, вдруг ни с того ни с сего влюбляются в самых мерзких уродов, каких только видел свет.

Видывал я множество таких дам, о которых люди спрашивали: «Которую скорее назовешь шлюхою – ту ли, что, имея видного и честного мужа, заводит себе дружка-урода мрачного нрава и ни в чем не схожего с ее супругом, или же ту, что, имея мужа брюзгливого и безобразного, любит с каким-нибудь красавчиком, не забывая притом жарко ласкать и мужа, словно бы милее его нет на всем белом свете (как я частенько наблюдал у многих женщин)?»

Разумеется, почти все назовут распутницею скорее ту даму, которая, будучи замужем за красавцем, предпочитает ему уродливого любовника, уподобляясь тем, кто пренебрегает хорошей едою и кладет в рот тухлый кусок. Вот так и женщиною, предпочитающей уродство красоте, похоже, руководит единственно распутство, тем более что нет большего разврата, чем завести сношения с каким-нибудь страшилищем, воняющим, точно козел, и столь же похотливым. И часто бывает так, что красивые и достойные мужчины, привыкшие к деликатному обращению, куда менее способны удовлетворить ненасытную и чрезмерную жажду любви у женщины, нежели грубый, неотесанный, бородатый мужлан с его необузданной похотью.

Другие же утверждают, что женщина, имеющая красивого дружка и безобразного мужа и ласкающая их обоих, не меньшая распутница, чем первая, ибо ничего не упускает ни там, ни здесь.

Эдакие женщины напоминают мне тех путешественниц, которые, странствуя либо за границей, либо даже и во Франции и прибывши ввечеру в чей-нибудь дом к ужину, никогда не забудут спросить у хозяина размер его копья, и не миновать тому пустить его в дело, хотя бы он и был мертвецки пьян.

А еще эти женщины стремятся постоянно, что бы ни случилось, получать удовлетворение перед сном (знавал я одну такую, имевшую весьма способного мужа, который всякую ночь исправно шпиговал ее снизу); но им и этого удовольствия мало, и они стараются удвоить его, оставляя услады с любовником на дневное время, дабы тешить взор его красотой, еще сильнее разжигающей женский аппетит; вот так, стало быть, и развлекаются они с красивым дружком днями, а с уродцем-мужем по ночам; недаром же говорится, что ночью все кошки серы: главное – голод утолить, а хорош собою муж или мерзок – это уж дело десятое. Ибо мне приходилось слышать от многих, что, когда мужчина или женщина приходят в любовный экстаз, они уж не думают и не мечтают ни о ком, кроме своего нынешнего предмета, хотя мне достоверно известно и другое: многие дамы уверяют дружков своих, что помышляют лишь о них, лежа в постели с мужем, отчего и получают стократ большее удовольствие; также и от некоторых мужей знаю я, что, будучи с женою, думают в этот миг о любовнице по той же самой причине: но это, по моему мнению, и есть самый настоящий разврат.

Натурфилософы растолковали мне, что в данном случае мысли человека может занимать лишь один предмет, притом, конечно, не отсутствующий, и приводили к сему множество обоснований; но я недостаточно преуспел ни в философии, ни в науке, чтобы их опровергнуть, тем более что многие из них попросту грязны. Я желал бы рассмотреть этот обычай, скажу, однако, что многожды в жизни своей наблюдал сей странный и противоестественный выбор женщиною любовника-урода.

Возвратясь однажды из иностранной провинции, которую я не назову из страха разоблачения имен тех, о ком поведу речь, беседовал я с некой весьма знатной дамой; предметом разговора нашего была одна принцесса, с которою я там виделся; собеседница моя спросила о любовных делах помянутой особы. Я назвал ей кавалера, числившегося в фаворитах у принцессы, не блиставшего ни красотой, ни воспитанием, ни знатным происхождением. На это она отвечала: «Поистине (такая-то) сделала неудачный выбор, оскорбляющий и любовь, и ее самое, при всей ее красоте и достоинствах».

Дама эта имела полное право так рассуждать, ибо сама поступала отнюдь не противно природе и знала, что говорит, имея достойнейшего друга, верного и любящего. И коли уж совсем откровенно, никогда женщина не станет упрекать себя в том, что выбрала и полюбила

привлекательного и красивого мужчину, предпочтя его мужу во имя заботы о потомстве, тем более что бывают мужья столь уродливые, столь глупые и неуклюжие, столь трусливые, или блудливые, или вовсе негодящие, что лучше уж их женам вовсе не иметь детей, нежели родить от эдаких чучел; так, я знавал многих дам, которые произвели на свет детей, как две капли воды похожих на отцов своих и никакими достоинствами не блиставших; другие же дети, рожденные от любовников, во всем превосходили и мнимых своих отцов, и братьев с сестрами.

Вот и некоторые философы, изучавшие сей предмет, всегда утверждали, будто такие дети, рожденные не по закону, а от сердечного дружка и зачатые тайком, тишком и второпях, куда более споры и проворны потом в любовном ремесле, нежели те, что сделаны в супружеской постели, неповоротливо, лениво, медленно и чуть ли не во сне, когда неухватистый супруг только и помышляет что о грубом своем удовольствии.

То же самое слышал я от людей, что по должности своей занимаются конюшнями королей и знатных сеньоров: лучшие жеребята рождаются от тех кобыл, что урвали свое на стороне, а не от тех, коих случали с породистыми жеребцами под наблюдением опытных конюших; подобное происходит и с людьми.

Сколько же повидал я дам, родивших на свет красивых, здоровых и умных детей, которые всем взяли; а вот зачни они их от законных мужей, вышли бы из этих отпрысков грубые скоты или телки неразумные.

Вот отчего женщины решили помогать сей напасти, подыскивая себе красивых и здоровых жеребцов (если мне позволено так выразиться!), дабы улучшить породу. Правда, видывал я и других, что имели привлекательных мужей, детей же рождали от уродливых и премерзких любовников, и младенцы были вылитые отцы, повторяя в себе их безобразие.

Таков, стало быть, один из признаков удобства или, если хотите, неудобства рогагоше-ства.

Знавал я даму, бывшую замужем за грубым и препротивным уродом; из всех ее детей, четырех девочек и двух мальчиков, лишь двое отличались привлекательностью, ибо родились от любовника; остальные же, плод усилий нерадивого ее муженька (истинного пугала), получились куда как нехороши.

Однако в таком деле дамам следует блюсти крайнюю осторожность и не попадать впро-сак, памятуя о том, что детишки обычно похожи на отцов, ну а коли не похожи, то выходит родителям их бесчестье; я сам видел, как многие дамы силятся убедить весь свет в том, что их дитя – вылитый портрет своего папаши, а не матери, тогда как на самом деле этого и в помине нет; нельзя доставить мужу большего удовольствия, как убедив его, что ребенок ни в коем случае не мог быть зачат от другого, хотя именно так оно и есть.

Однажды случилось мне попасть в большую компанию придворных, которые разгляды-вали портрет двух дочерей некой великой королевы. Каждый из присутствующих высказывал свое мнение о том, на кого похожи принцессы: большинство склонялось к тому, что на мать; я же, будучи вернейшим подданным сей королевы, решительно заявил, что нахожу в них пора-зительное сходство с отцом и что коли они видели и знали бы его, как я, то, верно, согласились бы со мною. Сестра королевы горячо благодарила меня за сей отзыв и с тех пор обходилась со мною чрезвычайно милостиво, так что многие даже заподозрили в ее благосклонности любов-ную подоплеку, говоря, что, мол, нет дыма без огня; вот как угодил я ей своим заверением сходства дочерей с отцом. Отсюда вывод: ежели кто полюбит даму и дети будут его плоть и кровь, пускай смело, даже противу очевидного, объявляет, что они как две капли воды похожи на ее супруга, и дело в шляпе.

Правда, ничего нет худого и в заверениях, что ребенок именно похож на мать; так, один придворный, близкий мой приятель, рассказывал, что в беседе о двух дворянах, родных бра-тьях, бывших в большой милости у короля, ответил на вопрос, с кем они более схожи, с мате-рью или отцом, следующим образом: «Один, холодного и флегматичного нрава, походит на

отца, второй же пылкостью пошел в мать»; сим остроумным маневром он приписал характер другого брата матушке его, и впрямь отличавшейся горячим темпераментом, и как бы по справедливости воздал каждому из сыновей.

Есть и другой сорт роконосцев, ставших таковыми из небрежения к женам своим; я знавал многих мужей, что, имея красивейших и достойнейших супруг, не уделяли им должного внимания, манкировали и не занимались ими как следует. Ясное дело, дамы эти, не обиженные ни знатностью, ни гордостью, ни изворотливым умом и оскорбленные таким обращением, платили мужьям той же монетою, и неудивительно: женщина пребывает в забросе у мужа, а тут, глядишь, подвернулся под руку пригожий воздыхатель, вспыхнула любовь с первого взгляда, вот и готово дело; верно же говорится в неаполитанской пословице: «Amor non vince con altro che con sdegno»¹⁹.

Ибо когда женщина хороша собою, блистает умом и многими другими достоинствами, и притом видит, что муж пренебрегает ею, хотя она готова верно и преданно любить его до гробовой доски (притом что оно так и заповедано законами супружеской жизни), уж будьте уверены: коли она не вовсе покорная овца, то непременно отвернется от мужа и заведет себе сердечного дружка, дабы тот услаждал ее и доставлял все необходимые радости.

Я знавал двух придворных дам, из коих одна приходилась другой невесткою; первая вышла замуж за человека, бывшего в большом фаворе, весьма светского и любезного, который, однако, жестоко третировал ее ввиду скромного происхождения и в присутствии посторонних без всякого стеснения говорил и обращался с нею грубо, точно со служанкою. Бедняжка долго терпела такое обращение; наконец муж ее в чем-то проштрафился и попал в немилость; тут-то наша дама и воспользовалась удобным случаем и сполна вернула ему все презрение, коим он мучил ее во время оно, а заодно с удовольствием украсила его рогами; невестка ее последовала тому же примеру: она была выдана замуж совсем девочкой, и муж не обращал на нее ровно никакого внимания и не любил, как должно; войдя в возраст и почувствовав силу своей красоты, она отплатила ему той же монетою и в отместку за прошлое небрежение наставила ему ветвистые рога.

В другое время довелось мне встречаться с одним знатным вельможею, который имел двух содержанок, одну из них – мавританку, для услаждения своих чувств и надобностей, жену же совсем забросил, тогда как она расстилалась пред ним и угождала, как только могла; он и не глядел в ее сторону, никогда не ласкал, и из сотни супружеских ночей бедняжке едва ли перепали одна-две. Что ж оставалось делать этой несчастной, как не подыскать себе чужую свободную постель и получить от ее хозяина то, чего лишали ее в собственном доме?!

Уж лучше бы сей муж поступил по примеру другого нашего знакомца, который в том же положении – иными словами, развлекаясь на стороне, – сказал жене, донимавшей его своей любовью, прямо и без обиняков: «Ищите-ка себе утех в другом месте и делайте, с моего благословения, все, что вам заблагорассудится; предоставляю вам полную свободу, а вы предоставьте мне, и пусть каждый из нас живет как хочет; вы не мешайте услаждаться мне, а я не стану мешать вам». С тем они и разошлись как корабли в море, один направо, другой налево, не заботясь более друг о друге: то-то пошла у них потеха да веселое житье!

Куда более нравится мне тот хворый, подагрический, бессильный старик, что сказал жене своей, красотке, которую уже не мог ублажать должным образом: «Знаю, милочка моя, что бессилие мое оскорбляет цветущий ваш возраст и что я должен быть мерзок вам; увы, не могу претендовать на пылкую любовь вашу, каковой достоин лишь здоровый и крепкий супруг. Вот почему решил я предоставить вам полную свободу заниматься любовью на стороне с кем-нибудь другим, кто способен убогатить вас лучше меня; только постарайтесь выбрать человека скромного и скрытного, что не ославил и не опозорил бы нас с вами, да пускай он сде-

¹⁹ «Любовь побеждает лишь на почве ненависти» (ит.).

лает вам парочку красивых деток, коих обязуюсь любить и воспитывать как своих собственных, дабы все кругом полагали их нашими законными отпрысками, тем более что я с виду еще достаточно крепок и не так стар для отца».

Судите сами, не приятно ли было молодой, красивой даме услышать сие любезное приглашение выпорхнуть на волю; она воспользовалась им столь охотно и усердно, что не успел супруг ее оглянуться, как в доме уже появились двое или трое прелестных детишек, к коим старый муж, иногда еще спавший с женою, питал истинно отцовские чувства, надеясь, что и его труды не пропали втуне; да и все окружающие полагали их законными его чадами; вот так-то и муж и жена обрели счастье и благоденствие в своей семье.

А вот и другой разряд рогносцев, ставших таковыми по женской сердобольности, ибо многие женщины полагают, что нет ничего более высокого, благородного и похвального, нежели доброта и милосердие, повелевающие оделять бедняков хоть частью достояния богачей, – иными словами, заливать огонь страсти, сжигающей сердца неутоленных любовников. «Что может быть милосерднее, – говорят эти дамы, – чем вернуть жизнь умирающему и облегчить страдания тем, кто гибнет от снедающей их любовной лихорадки?!» Верно выразился у Ариосто храбрый паладин, сеньор де Монтобан, согласившись с прекрасной Джиневрою, что смерти достойна та дама, которая обрекает на смерть от любви своего воздыхателя, а не та, что своим согласием дарует ему жизнь.

Разумеется, сие не относится к юным девицам; скорее, подобное милосердие пристало женщинам зрелым, чей кошелек, так сказать, уже развязан и широко открыт для щедрых вздааний страждущим.

Тут уместно будет вспомнить притчу об одной весьма красивой придворной даме, которая на праздник Сретенья нарядилась в платье из белого атласа, приказав и свите своей также явиться в белом; во весь этот день никто не мог сравниться с ними блеском и сиянием; воздыхатель дамы подошел к подруге ее, которая была тоже привлекательна, но чуть старше годами, зато более остра на язык и могла бы поспособствовать его успеху; все трое принялись любоваться замечательной картиною, изображавшей Милосердие в образе ясноглазой девы в белоснежном покрывале; вот наперсница нашей дамы и говорит ей: «Вы нынче носите тот же наряд, что и Милосердие, но уж коли надели его на себя, то и надобно проявить жалость к воздыхателю вашему, ибо нет на свете ничего благоднее и похвальнее доброты к ближнему, в чем бы она ни выражалась, лишь бы питать искреннее намерение помочь страждущему. Так явите же свою доброту, а коли опасаетесь мужа и осуждения света, то знайте, что сия боязнь есть пустой предрассудок, коим следует пренебречь, ибо природа одарила нас многими достоинствами не для того, чтобы мы, подобно упрямым скрягам, держали их под спудом, но для того, чтобы щедро и невозбранно оделять ими голодных и неимущих. Конечно, и целомудрие наше можно уподобить сокровищу, которое не следует расточать на низкие дела, но во имя высоких и благородных целей не нужно жалеть ничего и, не скупясь, делиться с теми, кто его достоин и заслужил долготерпеливыми страданиями, отказывать же людям ничтожным и никчемным. Ну а мужья наши полагают, будто они поистине идола золотые, коим одним положено поклоняться и приносить богатые жертвы, отвернувшись от всех остальных; как бы не так! Один лишь Господь достоин сего поклонения, а люди обойдутся!»

Речь эта не оставила нашу даму равнодушною и много поспособствовала успеху влюбленного кавалера, который, приложив еще некоторые усилия, добился-таки победы. Но подобные проповеди зело опасны для злополучных мужей. Мне довелось услышать (правда, не уверен, можно ли считать историю эту достоверною), что гугеноты, внедряя свою религию, поначалу действовали скрытно и проповедовали по ночам из страха пред гонениями и карами; так, однажды, во времена короля Генриха II, собрались они в Париже, на улице Сен-Жак, куда явилось и множество знатных дам. После того как пастор сказал свою проповедь, он посоветовал собравшимся как можно чаще проявлять милосердие; незамедлительно после этих слов зага-

сили все свечи и каждый кавалер или каждая дама «оказали доброту» своей сестре или брату по вере, кто как умел и хотел; не стану утверждать, что рассказанное – чистая правда, хотя меня уверяли, будто так оно и было на самом деле; вполне возможно, что это ложь и хула на их религию.

Однако мне доподлинно известна история об одной даме, жене адвоката, которая жила в Пуатье; ее прозвали «прекрасная Готрель», и, по всеобщему мнению (да и по-моему тоже, ибо я сам видел ее), она и впрямь блистала небесной красотой и превосходила прелестью и грацией всех знаменитых городских красавиц; не было мужчины, который не восторгался бы ею, не желал бы ее и не отдал бы ей своего сердца. Так вот, однажды по окончании обедни ею овладели сразу двенадцать школяров, один за другим, свершив это как в самой Консистерии, так и на паперти или же, как говорили другие, под виселицей Старого рынка, и она не кричала, не оказала никакого сопротивления, но лишь попросила их произнести отрывок из пасторской проповеди, а затем отдалась каждому покорно и с улыбкою, полагая их истинными братьями по вере. И долго еще творила сию любовную милостыню, хотя даже и за дублон не уступила бы какому-нибудь паписту. Однако несколько католиков, разузнав у друзей своих, гугенотов, заветное слово, звучащее на их собраниях, также ухитрились насладиться ею. Другие нарочно шли туда и притворно обращались в протестантскую веру, лишь бы научиться этому слову и вкусить блаженство с этой прелестной проповедницею. Я в ту пору учился в Пуатье, и многие приятели мои, получившие у ней свою долю, хвастались своим счастьем и клялись, что все рассказанное – истинная правда, да и по всему городу пополз слухок: вот, мол, до чего набожна эта женщина, творящая столь богоугодное дело и привечающая братьев по вере!

Есть и другая форма милосердия, весьма распространенная, а именно осчастливливать бедных узников, томящихся в темнице и лишенных женского общества; жены тюремщиков, их стерегущих, а также супруги кастелянов, содержащих в своих замках военнопленных, позволяют этим несчастным вкусить любви единственно из милосердия; известны слова одной римской куртизанки, обращенные к дочери, которая жестоко и непреклонно отвергала без памяти влюбленного в нее кавалера: «E danli ai manco der misericordia!»²⁰

Вот так же и жены тюремщиков, владельцев замков и прочих обходятся с пленниками своими, а те, даром что лишенные свободы и терпящие лишения, все-таки одержимы плотской лихорадкою не менее, чем в лучшие времена. Верно гласит старинная пословица: «Желание рождается из бедности», так что и на тюремной соломе бог Приап поднимает голову столь же бодро, как на мягком, роскошном ложе.

Вот отчего нищие и узники в жалких своих приютах и тюрьмах отличаются тою же похотливостью, что короли, принцы и знатные вельможи в прекрасных дворцах и на пуховых перинах.

В подтверждение слов моих приведу здесь рассказ флотского капитана Болье – я уже несколько раз поминал его выше. Он состоял при покойном господине великом приоре Франции из Лотарингского дома и пользовался большим его расположением и любовью. Отправившись однажды к нему на Мальту на фрегате, Болье попал в плен к сицилийцам и был препровожден в Кастель-дель-Маре, что в Палермо, где его посадили в темную, сырую и тесную тюремную камеру и целых три месяца содержали весьма сурово. К счастью, испанец, владелец замка, в котором находилась тюрьма, имел двух красивых дочерей; слыша непрерывные жалобы и стенания злосчастного узника, они испросили у отца разрешение навестить его из христианского милосердия, что он им охотно дозволил. И поскольку капитан Болье был весьма галантным и разбитным кавалером и умел блеснуть красноречием, ему удалось так очаровать девушек в первый же их визит, что они добились у отца приказа выпустить пленника из ужасной его темницы и перевести в более пристойное помещение, где с ним стали обращаться

²⁰ «Ну дай ты ему хоть из жалости» (*ит.*).

несравненно мягче. Но и это еще не все: девушки добились возможности ежедневно навещать капитана и беседовать с ним.

Дело кончилось тем, что обе девицы влюбились в своего пленника, хотя он вовсе не был хорош собой, а они блистали красотой; и вот капитан, позабыв о горестном своем положении и риске сурового наказания, соблазнился близостью сих прелестных особ и пустился во все тяжкие, услаждая любовью и их и себя; так оно шло целых восемь месяцев – без шума, без скандала, без вздутых животов, тишком да молчком, ибо сестрицы, нежно привязанные друг к дружке, заботливо помогали одна другой и по очереди становились на стражу, зорко оберегая себя от огласки. Капитан клялся мне (а мы близко дружили, и я ему верю), что никогда, в дни самой полной свободы, не проводил он время в столь пылких и сладостных забавах, как в том прекраснейшем заточении, хотя, как известно, сей эпитет к слову «заточение» никто еще не применял. И услады эти длились все восемь месяцев, пока наконец император и Генрих II не заключили мир и все пленники не были выпущены на свободу. Капитан рассказывал, что никогда так не горевал, как выходя на волю из своего узилища и покидая горячо полюбивших его красавиц, которые при расставании выказали самую искреннюю скорбь.

Я спросил его, не опасался ли он разоблачения. Он отвечал, что, разумеется, опасался, но не слишком, ибо худшею карою за сей проступок могла быть разве лишь смерть, а он предпочел бы смерть возвращению в прежнюю темницу. Кроме того, он боялся, что ежели не удовлетворит желания милых своих тюремщиц, жадно искавших его любви, то они возненавидят его и подвергнут жестоким гонениям, вот почему он закрыл глаза на опасность и ринулся очертя голову в сию прельстительную авантюру.

Согласитесь же, что милосердие двух прелестных испанок достойно всяческих похвал; впрочем, не они первые, не они последние.

Когда-то рассказывали мне, что у нас во Франции герцог д'Аско, попавший в заточение в Венсенский замок, спасся из тюрьмы с помощью одной прекрасной дамы, которая, впрочем, поступила весьма опрометчиво, ибо дело шло об измене королю. Жалость к предателю – чувство предосудительное, когда оно вредит государственным интересам, но зато похвально и приятно в обычном случае, где речь идет всего лишь о желании насладиться красивым телом; вот тут в милосердии большой беды нет.

Я мог бы привести к сему множество убедительнейших примеров, кои составили бы целое отдельное рассуждение, и, уж поверьте, оно было бы крайне занимательно. Но ограничусь лишь одним нижеприведенным, дабы развлечь читателя древнейшею историей.

У Тита Ливия есть рассказ о том, как римляне, завоевав Капую, едва ли не сровняли ее с землею, и вот злополучные обитатели города явились в Рим, дабы умолить сенат сжалиться над их несчастьями. Вопрос был поставлен на обсуждение; среди прочих ораторов выступил Аттилий Регул, заявивший, что жители Капуи не заслужили ни малейшего снисхождения, ибо, по его словам, с самого начала капуанского мятежа ни один горожанин не проявил дружеских чувств или симпатии к общественному устройству Римской республики, ежели не считать двух достойнейших женщин, известных куртизанок и распутниц: одна из них Веста Опия из Ателлы, давно живущая в Капуе, а другая – Фаукула Клувия. Первая непрестанно молилась и приносила богатые жертвы богам во имя спасения и победы римского народа; вторая же тайком снабжала съестными припасами несчастных военнопленных, умирающих от голода и нужды.

Вот поистине достойное восхищения милосердие! Читая сию историю, мы все трое – один любезный кавалер, одна досточтимая дама и я сам – сошлись на том, что обеим женщинам вовсе не трудно было расточать нуждающимся подобные или еще более интимные милости, – ведь они и ранее одаряли ими великое множество страждущих, будучи продажными, а возможно, и оставшись таковыми; впрочем, об этом автор умалчивает, оставляя читателя в сомнении и позволяя ему самому решать сию загадку. Но даже если женщины и бросили на какое-то время свое ремесло, то вполне могли тряхнуть стариной (я думаю, нет ничего легче) и

вновь осчастливить бывших своих любовников, с коими некогда спознавались, а теперь решили возобновить былое знакомство; либо же, напротив, они увидели среди пленников еще незнакомых им мужчин и, сочтя их бравыми красавцами, посчитали достойными самого щедрого милосердия – иными словами, наслаждения их телом, – можно ли было поскудиться в столь благочестивом деле?! Итак, благородные эти дамы вполне заслужили расположение и признательность Римской республики, которая и возместила им понесенный ущерб, вернув все добро и позволив жить в еще большем достатке, чем прежде. Кроме того, им было объявлено, что власти исполнят любую их просьбу. Говоря откровенно, Титу Ливию не следовало излагать историю сию в столь целомудренных выражениях, но, поборов стыдливость, прямо написать, что дамы не отказали пленным в прекрасных своих телах; тогда сей исторический анекдот был бы куда занимательнее, а не дразнил бы своею недосказанностью, умалчивая о самом пикантном. Вот об этом-то мы и спорили за чтением сей книги.

Король Иоанн, находясь в английском плену, пользовался таковыми же милостями у графини Солсбери; видно, они оказались столь щедрыми, что он не смог забыть их и впоследствии вернулся в Англию, дабы вновь увидеться с графиней, выполняя данную ей клятву.

Да и другие дамы проявляют доброту к мужчинам единственно из христианского милосердия; так, одна из них, лежа с любовником в постели, ни за что не позволяла ему целовать себя в губы, оправдываясь тем, что уста ее служат для молитв и клятвы супружеской верности, почему и неподобно осквернять их нечестивыми лобзаниями других мужчин, тогда как чрево, немолчающее и никакого зорока не дававшее, имеет право на услады: мол, рот – это одно, а чрево – совсем другое, и тот, что наверху, не имеет никакой власти над тем, что внизу, равно как и наоборот; недаром же, согласно гражданскому праву, одна сторона не может повелевать другую без ее добровольного на то согласия; вот так же и в любовном деле ни один орган не должен брать верх над всем телом – каждый за себя.

Другая столь же щепетильная и совестливая особа, услаждая себя с милым другом своим, всегда водружалась сверху, главенствуя над ним, и ни разу ни на йоту не отступила от этого правила, объясняя сию твердость следующим образом: ежели муж либо кто другой спросит, не взбирался ли на нее такой-то, она смело сможет отрицать это и отвечать, что никогда не взбирался, не рискуя притом оскорбить Господа ложною клятвой. Так она и делала, успокаивая мужа и прочих любопытных и искренне клянясь в невинности своей всякий раз, как подступались к ней с расспросами; хорошо еще, говорила дама, что никому из них не пришло в голову осведомиться, а не взбиралась ли она сама на мужчин, каковой вопрос поверг бы ее в замешательство и растерянность.

Мне кажется, будто выше я уже писал об этом; впрочем, всего упомянуть нельзя, но в данном рассуждении много больше примеров на сей предмет, нежели в других.

Обычно дамы, занимающиеся сладким любовным ремеслом, бывают отъявленными лгунынями, и слова правды от них не услышишь, ибо привычка постоянно врать (а попробуй не соври, сама же в дурах и останешься, того и жди беды!) мужьям и любовникам по всякому поводу в любви и ее превратностях, а также привычка клясться, что «я, мол, принадлежу одному тебе, и никому другому», заставляет наших прелестниц лукавить и кривить душою на каждом шагу, о чем бы ни шла речь – о делах ли, о прочем; таким женщинам веры ни в чем нет.

Знавал я и таких дам, которые отдавались любовникам своим, только будучи беременными, дабы избежать опасности понести от их семени; они не хотели дать мужу повод думать, будто бы ребенок от другого, а он должен кормить, поить и растить его как своего собственного. Тогда как, забрюхатев от супруга, уж более не боялись оскорбить его изменою и украсить рогами.

Вполне вероятно, что они руководствовались теми же причинами, что и Юлия, дочь Августа и супруга Агриппы, прославившаяся в свое время необузданным распутством, какое повергало в ярость ее отца еще более, чем мужа. Однажды отец спросил ее, не боится ли

она забеременеть от кого-либо из своих многочисленных дружков, на что Юлия отвечала: «Я соблюдаю порядок и допускаю пассажиров на мой корабль лишь тогда, когда он уже загружен и трюм его полон».

А вот и еще один сорт роконосцев: эти поистине великие мученики имеют жен безобразных как смертный грех, которые, однако, рвутся к сладким любовным утехам столь же неистово, как и красавицы: и хотя, кажется, привилегия сия уготована лишь последним, согласно поговорке «Красавцев ждет петля, красавиц же – бордель», уродины сгорают от вожделения точно так же, и надобно их извинить за сию пылкость, ибо и они – женщины и женским началом не обделены, разве только красотой природа их не наградила. Однако же мне приходилось видеть таких уродин, кои успехом у мужчин могли помериться с первейшими красавицами, особливо в молодости; общеизвестно, что всякая женщина стóит ровно столько, во сколько сама себя оценивает и продает; точно так же на рынке все съестные припасы имеют каждый свою цену: один товар обходится дороже, другой дешевле, смотря по тому, очень ли он нужен хозяйке, рано или поздно пришла она за ним, сумела ли сторговаться с продавцом; недаром же говорят: «Товар гнил да дешев, налетай, покупай, нас потом вспомянай!»

Так же поступают и некрасивые женщины, коих немало повидал я на своем веку, и, ей-богу, встречались среди них такие сластолюбивые и горячие, что куда там иным красавицам! Они, словно торговки на рынке, выставляли напоказ свой товар и бесстыдно нахваливали его во все горло, стремясь запродать себя подороже.

Но самое прискорбное различие состоит в том, что на рынке торговцы заывают красавиц купить их товар, здесь же уродины заывают торговцев приобрести себя самих, да еще за бесценок. И более того, часто такие женщины сами приплачивают покупателю, лишь бы вовлечь его в сей род торговли; вот где приходится им раскошелиться – прямо беда: ведь тут малыми деньгами не обойдешься, ибо уродин за гроши не всякий и возьмет, как они ни прихорашивайся; и, однако, мужья таких страшилищ тоже не расстаются с рогами, хотя эдакий кус любому поперек горла встанет: судите сами, приятно ли видеть рядом с собою в постели вместо ангельского лика дьявольскую образину?!

Вот почему, слышал я, многие желают порядочным мужьям красивых, хотя и несколько блудливых жен вместо уродин, пусть и целомудренных, ибо в безобразии коренятся великие несчастья и неудовольствия и нет никакой благости; красоту же, как полагают, отличают счастье и радость. Отношусь с сим суждением к тем, кто ходил по этой дорожке и знает толк в делах такого рода.

Слышал я, что некоторым мужьям не так уж и нужно целомудрие жен их, ибо женщины, обладающие сим весьма редким достоинством, столь гордятся им, что, кажется, готовы властвовать и над супругами своими, и над небесами и светилами: они полагают, что за их несравненную чистоту Господь обязан наградить их сторицею. И однако, сильно ошибаются: я сам знаю от некоторых видных богословов, что Бог куда горячее любит несчастных раскаявшихся грешниц (вспомните хотя бы о Магдалине!), нежели надменных недотрог, кичащихся своею непорочностью, в надежде с ее помощью завоевать Царствие Небесное, презрев милосердие Господне.

Знавал я одну даму, которая столь чванилась своим целомудрием и столь презирала своего мужа, что на вопрос, спит ли она с ним, отвечала: «Нет, это он спит со мною». Вот спасибо! Сами представьте, как эдакие заносчивые безгрешные дуры третируют мужей своих, коим – что правда, то правда! – не в чем их упрекнуть; ну а ежели такая баба и целомудренна, и притом богата, тут хоть святых вон выноси: уж она пойдет козырять своими добродетелями, гордиться и щеголять своей чистотой, заноситься и корить свысока бедного супруга, без удержу восхваляя собственную неприступность и крепко запертый передок; уж она-то возьмет мужа под каблук и станет тиранить его день и ночь в свое удовольствие; многонок повидал я эдаких гордячек, особливо в неудачных браках. Ежели муж не спорит с нею, а уступает или сводит

дело к шутке, она бушует и беснуется еще пуше, превращая благопристойный свой дом в ад кромешный; ежели приходится продать часть ее добра для путешествия с королевским двором или для ведения войны, тяжбы или других надобностей, либо ей же на булавки и развлечения, то об этом и заикнуться не смей без ее согласия, ибо дама наша, вооружась безгрешностью своею, такую власть взяла над супругом, что единолично верховодит в доме, согласно удачному выражению Ювенала в одной из сатир:

...Animus uxoris si deditus uni.
Nil unquam invita donabis conjuge: vendas.
Has obstante, nihil; nil boes, si nolit, emetur²¹.

Сей стих Ювенала, зло высмеивающий сварливых, но целомудренных древних римлян, вполне приложим и к нашему времени; но коли женщина хоть чуточку распутна, она становится куда приятнее, покорнее, сговорчивее и боязливее, и нрав у ней легче и веселее, и мужу она послушна во всем; я повидал множество таких, что не осмеливались ни перечить, ни браниться из страха, как бы муж в ответ не упрекнул их в измене и не пригрозил тяжелой карою; а вздумай он сам распорядиться продажей жениного добра, она и пикнуть не посмеет, но на все заранее согласна. Таких дам сколько угодно, и они из мужниной воли не выходят.

И разве не назовем мы счастливыми эдаких роконосцев, которые мало того, что наслаждаются и блаженствуют в постели с красотками-женами (какое удовольствие сравнимо лишь с плаваньем по чистой и прозрачной реке, а отнюдь не по зловонной сточной канаве), так еще и получают от них тихие семейные улады и живут словно в раю?! Недаром же говаривал один маршал, мне знакомый, что коли придется умереть, то уж лучше от острой, блестящей, чистой и гибкой шпаги, нежели от старого, кривого и ржавого тесака, на коем грязи больше, чем у всех золотарей в Париже.

Все вышесказанное мною об уродинах вполне справедливо и в отношении старух, что изо всех сил тянутся за молодыми, норовя во всем подражать им (этому я, впрочем, посвятил другое мое рассуждение); вот где таится напасть: когда мужья их уже не способны исполнять супружескую обязанность, злодейки принимаются искать на стороне и пускаются на любовные безумства не хуже молодых, однако притом стремятся поскорее достичь конца, минуя начало и продолжение, ибо главная-то сласть, как полагают многие, таится в завершении дела, для начала же и продолжения у старух и сил недостает, что им весьма прискорбно и обидно, – как говорится, чрево просит, да ноги не носят.

Некоторые из этих злосчастных старых дур не скупятся ни на деньги, ни на любовь и охотно раскрывают оба кошелька, из коих денежный помогает мужчинам находить достоинства и во втором. Верно говорят, что щедрость во всем хороша, в отличие от скупости, но верно и то, что женщина, щедрая на передок, ценится куда ниже, чем скупая и неподатливая.

Так говорил однажды знатный сеньор о двух достойных дамах, родных сестрах, мне также знакомых, из коих одна сорила деньгами, но строго хранила честь, другая же крепко держалась за свой кошелек, щедро расточая зато плотские милости.

А вот еще и другая разновидность роконосцев, мерзейшая и гнуснейшая что перед Богом, что перед людьми: эти, польстившись на какого-нибудь смазливового Адониса, отдают ему свою жену, дабы и самим заодно усладиться с эдаким красавчиком.

В первый раз, как довелось мне попасть в Италию, узнал я подобную историю в Ферраре от человека, который, увлекшись одним прекрасным юношей, уговорил жену свою отдаться ему (а тот был в нее влюблен) и приказал назначить день свидания. Даму долго уламывать не

²¹ Ежели всею душой вы привязались к супруге, / То без согласия ее не отдадите и нитки, / И ни купить, ни продать вам против воли ее (лат.).

пришлось: она и сама точила зубы на сей лакомый кусочек. Наконец пришел желанный миг: молодой человек встретился со своею возлюбленной, и они вступили в сладкое свое состязание; муж, по уговору с женою, прятался за дверью и, внезапно подойдя к постели, приставил злосчастному любовнику кинжал к горлу, угрожая ему немедленной смертью по законам итальянским, которые много суровее наших, французских. Что ж, пришлось нашему красавцу дать мужу то, чего он добивался, с тем и заключили они обмен: юноша отдавался мужу, а тот предоставлял ему свою жену; вот, не правда ли, самый гнусный из способов сделаться рогоносцем?!

Слышал я историю о том, что в некотором царстве, некотором государстве (называть его не стану) жил-был муж отнюдь не низкого рода, который воспылил противоестественной любовью к одному молодому человеку, горячо любившему свою жену, а она – его; вот подстерег он час, когда тот лег с женою, вошел в спальню и застал супругов врасплох, тесно слившихся в объятии; угрожая мужу смертью, он овладел им прямо на собственной его жене и наслаждался сколько хотел; разрешите-ка сию задачку: как это все трое сумели получить удовольствие разом и вместе?

Я знаю и другую историю – о даме, которая без памяти влюбилась в одного достойного дворянина, коего приблизила к себе как друга и избранника сердца и в ответ на опасения, не покарает ли ее муж за измену, утешила его в таких словах: «Не бойтесь ничего, он вас не обидит, потому что боится, как бы в отместку я не обвинила его в пристрастии к любви со спины; он умрет со страху, коли я зайнусь об этом и выдам его правосудию. Так я и держу его в узде, ибо, опасаясь моего обвинения, он не осмеливается мне перечесть».

Конечно, такое обвинение нанесло бы ему немалый ущерб, ибо законники утверждают, будто содомия наказуема за одно только намерение; впрочем, возможно, дама не пожелала вредить мужу, а тот не перешел от помыслов к делу.

Рассказывали мне, что недавно один молодой французский дворянин, писанный красавец, каких мало при дворе видывали, отправился, по заведенному обычаю, учиться в Рим, где красота его вызвала столь великое восхищение и у мужчин и у женщин, что его прямо-таки рвали на части; куда бы он ни шел – к мессе ли, в конгрегацию, в любое публичное место, – люди ходили за юношей по пятам, любуясь на него; многие мужья позволили женам своим назначать ему свидания у них в доме, дабы, застав за прелюбодеянием, обменять себя на жену; к счастью, юношу предупредили, чтобы он не поддавался уговорам этих дам, ибо они готовят ему западню, и он, оказавшись достаточно разумным, предпочел непорочность и чистую совесть сим презренным и низменным утехам; выбор его достоин самой высокой похвалы. И все же в конце концов он был убит собственным конюшим. По этому поводу болтали разное, но как бы то ни было, гибель его весьма прискорбна, ибо молодой человек блистал самыми отменными качествами и знатным происхождением и много обещал в будущем как внешностью своею, так и достойными деяниями, что неудивительно, ибо, по словам одного моего современника, в высшей степени остроумного человека, с коим я вполне согласен, ни один урод и развратник никогда не отличался отвагою и благородством, за исключением разве что Юлия Цезаря; видно, сам Господь распорядился предавать таких людей проклятию. Вот почему удивляюсь я, видя, как некоторые из них, приверженные гнусному сему пороку, избегают кары небесной и живут процветая и благоденствуя; однако, думаю, Бог не забудет их и на склоне жизни сполна воздаст за грехи.

Мне доподлинно известно, что многие мужья страдают сим мерзким пороком и не могут от него избавиться; несчастные эти грешники принуждают жен своих служить им не передом, но задом; спереди же соединяются с ними лишь для того, чтобы заиметь детей; вот так и терзают они злополучных жен, у коих весь любовный пыл ушел в передние прелести. И не достойны ли такие жены прощения скорее других за то, что делают рогоносцами мужей, приверженных нечистым задним частям женского тела?!

Сколько есть в мире женщин, которые, по свидетельству опытных акушерок, врачей и хирургов, могут считаться девственными скорее спереди, чем сзади, и имеют право подать в суд на развратных мужей своих; жаль, что все они скрывают сей позор из страха скандала для себя и для них, а возможно, и оттого, что получают от сего занятия большее удовольствие, нежели мы можем себе представить; либо же, как я говорил выше, желают держать супруга в постоянном страхе разоблачения на тот случай, ежели изменят сами, хотя такие мужья легко смиряются с жениной неверностью; впрочем, не в этом суть.

«Summa Benedicti» гласит, что муж, познающий жену противу естественного закона природы, тем самым смертельно оскорбляет ее; тот, кто утверждает, будто он имеет право распорядиться женщиною как ему угодно, впадает в самую ужасную и гнусную ересь, исповедуемую мерзкими иудеями, коих раввины рассуждают согласно следующей притче: «Duabus mulieribus apud synagogam conquestis se fuisse a viris suis coqnitum sodomico sognitas, responsum est ab illis rabinis: virum esse uxoris dominum, proinde posse uti ejus utcumque libuerit, non aliter quam is qui piscem emit: ille enim tam anterioribus quam posterioribus partibus ad arbitrium vesci potest»²².

Я нарочно привел сию притчу на латыни, без перевода, дабы не оскорбить неприличным словом чей-нибудь целомудренный взор или слух. Ну не гнусность ли! Пренебречь прекрасною, чистою частью тела, самим Господом заповеданной для супружеских сношений, ради мерзкой, грязной и презренной, пропускающей чрез себя одни нечистоты!

И ежели мужчина берет женщину таким непотребным образом, ей вполне дозволено развестись с ним, коли нет иного средства его исправить; в той же книге говорится, что те, кто почитает Господа, никогда не должны соглашаться на подобное бесчестье, но, напротив, кричать и вопить во все горло, не боясь ни скандала, ни огласки, ни позора, ни смерти, ибо, как гласит закон, лучше умереть, нежели смириться со злом. И еще одно говорит та же книга (я нахожу это весьма странным): каким бы способом муж ни познал жену, дозволенным или противоестественным, но если она понесет от него, то сей способ уже не считается смертным грехом; однако же существуют способы низкие и мерзопакостные – у Аретино они изображаются в картинках, – далекие от супружеской благопристойности, хотя, как уже сказано, они дозволяются по отношению к беременным женщинам, а также к тем, у кого дыхание слишком сильно и зловоние исходит изо рта или из носу; я слышал, что бывают такие женщины, коих целовать в губы не намного приятнее, чем в задний проход; так, одна придворная дама говорила мне о своей госпоже, весьма высокородной особе, что у ней изо рта пахнет не лучше, чем из оловянного ночного горшка; слова эти изрядно смутили меня. Но близкий друг этой особы подтвердил мне слова фрейлины; правда, что она была уже в летах.

Так что же остается мужу или любовнику, как не прибегнуть к какой-нибудь особенной форме любви?! Только пусть все же не обращается к задней Венериной утехе.

Я мог бы многое добавить по этому поводу, но мерзко мне распространяться на эту тему; боюсь, я и так уже наговорил лишнего, но ведь надобно иногда разоблачать пороки людские, хотя бы ради того, чтобы искоренять их.

А теперь хочу рассказать о том, как люди порицали, да и нынче порицают, двор наших королей, где и девицы и дамы распутничают вовсю, превратив сие занятие в обычай, что весьма прискорбно и для них, и для множества достойных, целомудренных и добродетельных женщин, которые, глядя на развратниц, становятся на тот же путь, хотя и блистают достоинствами, коих нигде в других местах не сыщешь.

Приведу лишь единственный пример – нынешнюю великую герцогиню Флорентийскую из Лотарингского рода; дама эта прибыла во Флоренцию вечером того дня, что обвенчалась

²² «Когда две женщины пожаловались в синагоге на мужей своих, познавших их содомитским способом, раввины ответили им, что муж является господином жены своей, что он может по необходимости поступать с ней как ему заблагорассудится, совершенно так же, как тот, кто купил рыбину: он может начинать есть ее либо с живота, либо со спины» (лат.).

с герцогом, который, перед тем как лечь с нею в постель и лишиться цвета невинности, заставил справить малую нужду в красивый ночной сосуд из прозрачного хрусталя и исследовал мочу вместе с придворным врачом, опытным и весьма ученым человеком, дабы определить, девственна ли его невеста. Врач внимательно рассмотрел мочу и на основании своих знаний объявил, что девушка так же чиста, как при появлении на свет из материнского чрева, и что герцог смело может приступить к своей обязанности – он найдет дорожку еще не проторенную; герцог так и поступил, предсказание врача сбылось, и наутро молодой муж в восхищении изрек: «Вот великое чудо, что из этого французского двора девушка вышла девственницей!» Не правда ли, курьезное мнение о нас, французах?! Не знаю, правдива ли сия история, – мне он ее выдал за истинную.

Итак, двор наш пользуется эдакой сомнительной репутацией, и сложилась она не сегодня: издавна считается, что парижские придворные, да и все прочие дамы, не слишком строго пекутся о своей нравственности, в отличие от провинциалок, которые смиренно сидят у себя по домам. Многие мужчины остерегаются брать в жены девиц и женщин, часто путешествовавших и повидавших свет. Например, у нас в Гиени во времена моей молодости, как слышал я, некоторые дворяне никогда не женились на той девице или даме, что ездила дальше Порде-Пий, в сторону Парижа. И тем доказывали собственную глупость, хотя в других отношениях блистали остроумием и галантными манерами; они полагали, будто разврат и супружеская неверность, обойдя стороною их мирный очаг, спальни и туалетные, гнездятся лишь в королевских дворцах и больших городах. Бедные дурни! Да стоило им самим отправиться ко двору, на войну, на охоту, в суд или в загородный дом, как их жен тут же осаждали, побеждали и укладывали в постель; они же, в простоте душевной, полагали, будто кавалеры всего лишь беседуют с их супругами о домашнем хозяйстве, о садоводстве, ловитве и ловчих птицах, и через слепую свою доверчивость надевали куда более пышные рога, нежели другие мужья; известно ведь, что повсюду, где женщины бойки и красивы, а мужчины ловки и галантны, и те и другие отлично умеют заниматься любовью и устраиваться так, чтобы мужья об этом не прознали. Эх и недотепы же тупоумные эти мужья! Невдомек им, что у Венеры нет постоянного жилища, как некогда на Кипре, в Пафосе или Амафонте, – она обитает и во дворцах, и в хижинах самых ничтожных бедняков.

Впрочем, с недавнего времени они начали прозревать и, приметив, что рога раздаются повсюду, где бы ни жили их жены, стали брать их в любом месте, и неглупо делают; более того, нынче посылают или сами возят их ко двору, дабы те могли людей посмотреть и себя показать, да и не только показать, а для мужей и выгоду кое-какую извлечь из своей красоты, увенчав выгоду сию ветвистыми рогами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.